

Л. И. РОСЛАВЦЕВА

Одежда крымских татар

конца XVIII — начала XX в.

«НАУКА»

ИД 708711В
Р-75

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ

Л. И. РОСЛАВЦЕВА

Одежда крымских татар

конца XVIII – начала XX в.

Историко-этнографическое
исследование

МОСКВА «НАУКА» 2000

УДК 687
ББК 63.5
Р 74

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 00-01-16041*

Рецензент
действительный член Российской академии естественных наук
Ш.Ф. Мухамедьяров

Рославцева Л.И.

Одежда крымских татар конца XVIII – начала XX в.: Историко-этнографическое исследование. – М.: Наука, 2000. – 104 с.

ISBN 5-02-011818-4

В монографии впервые воссоздается полный облик традиционного костюма крымских татар, сформировавшийся в результате сложных многовековых исторических процессов, происходивших на территории Крыма.

Выделены два типа костюма, подтверждающие теорию деления этноса на две основные субэтнические группы – степных татар, образовавшихся на основе культуры кочевых племен, веками обитавших в пределах Северного Причерноморья, и горно-прибрежных татар, основу которых составили народы, представлявшие земледельческую культуру балкано-кавказского круга. Исследование подводит нас к выводу, что рассмотрение костюма с разных точек зрения: кроя, техники шитья, орнаментики, цветовой гаммы, материала, специфики ткачества, манеры шитья, а также терминологии, определяющей его детали, открывает большие возможности при определении путей формирования всего крымско-татарского этноса.

Для этнографов, историков, музейных работников, а также для широкого круга читателей.

По сети “Академкнига”

Научное издание

Рославцева Лидия Игоревна

ОДЕЖДА КРЫМСКИХ ТАТАР

конца XVIII – начала XX в.

Историко-этнографическое исследование

Зав. редакцией А.И. Кучинская. Редактор А.Н. Торопцева

Художник В.Ю. Яковлев. Художественный редактор Г.М. Коровина

Технические редакторы З.Б. Павлюк, О.В. Аредова

Корректоры Р.В. Молоканова, Т.И. Шеповалова

Набор и верстка выполнены в издательстве на компьютерной технике

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 22.09.2000. Формат 70×90¹/₁₆. Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 7,6+0,3 вкл. Усл.кр.-отг. 9,6. Уч.-изд.л. 9,4. Тираж 1000 экз. Тип. зак. 619

Издательство “Наука” 117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Санкт-Петербургская типография “Наука” 199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12

ISBN 5-02-011818-4

© Издательство “Наука”, 2000

ВВЕДЕНИЕ

Одежда представляет одну из самых значимых сторон материальной культуры любого народа. Она всегда привлекала внимание ученых и путешественников. Настоящая работа является первым исследованием по костюму крымских татар.

Собранный нами материал дает возможность восстановить костюм конца XVIII – начала XX в. Такие хронологические рамки исследования объясняются тем, что самый ранний, относительно подробный иллюстративный и описательный материал, как и собранные в музейных коллекциях образцы костюма, относятся только к концу XVIII в. Что же касается верхней временной границы – 1920-е годы, то мы ограничились этим рубежом потому, что именно до этого времени сохранялись традиционно принятые формы костюма. Позднее, в связи с резким изменением условий жизни (революционные события, а с ними и складывание новых устоев) традиционный костюм, за исключением самых стойких его элементов (прежде всего головного убора), уходит из употребления.

Известно, что в народном костюме всегда невольно отражаются стороны жизни, связанные с историей формирования этноса. В нашем случае это прежде всего различия форм костюма, существовавшие для каждой из двух субэтнических групп крымских татар, называвшихся по месту их территориального обитания степной и горно-прибрежной. Эти различия обусловлены тем, какой путь прошла каждая группа в процессе своего формирования – сначала различной этно-генетической основой, затем разнонаправленными историческими связями, особенностями географической среды обитания и вытекающими из этого условиями развития бытовой культуры.

Благодаря археологическим находкам и записям путешественников мы можем проследить эволюцию элементов костюма и форм их украшения, рассмотреть изменения, происходившие с ним как внутри этноса, изолированно для каждой группы, так и те черты, которые воспринимались извне. К концу XIX в. эти особенности стали стираться, но следы былых традиций, свойственных в свое время каждой группе, можно было обнаружить в костюме степных и горно-прибрежных татар и в начале XX в., и позднее.

В качестве подтверждения наших наблюдений по формированию определенных типов костюма для каждой группы этноса мы приводим и термины, по-разному определяющие в них одни и те же элементы.

Встав перед вопросом выяснения причин существования в начале XIX в. резких различий в костюме каждой субэтнической группы, официально входившей в один и тот же этнос, мы столкнулись с необходимостью проследить историю формирования этих групп и рассмотреть их этно-генетическую основу.

На протяжении всей обозримой истории Крымского полуострова происходила активная миграция племен и народов, сменявших друг друга: киммерийцы, скифы,

греки, готы, половцы, армяне, генуэзцы и т.д. Естественно, что такой сложный этнический конгломерат сказался на специфике формирования этносов, представлявших более поздних обитателей полуострова. Пожалуй, в наибольшей мере это относится к крымским татарам, у которых черты, свойственные их этническим предкам, проявились и в вариантах антропологического типа, и в особенностях хозяйственных и культурных традиций, а также и в языковых различиях. Такое разделение всегда было связано с той территорией, которую занимала каждая этническая группа крымских татар.

В вопросе о разделении татарского этноса на группы у исследователей нет единого мнения. Некоторые делают такое деление дробным и конкретным, другие, не считая различия столь важными, считают предпочтительными более крупные подразделения, но все они сходятся на принципе именно территориального деления. Рассмотренный нами материал, как мы считаем, дает основание делить крымско-татарский этнос на две основные группы – степную и горно-прибрежную.

Границу между степной и горно-прибрежными группами можно условно провести от мыса Айя в юго-западной части полуострова до подножия горы Карадаг в восточной его части, через города Севастополь, Бахчисарай, Симферополь, Карасубазар (ныне Белогорск), Старый Крым и Феодосию.

Группа степных татар начала формироваться в конце XIII в. К ним относились как собственно степные татары, так и кочевавшие в степной части Крыма до начала XIV в. ногайцы. Еще и в наши дни горно-прибрежные татары называют степняков “ногаями”. В антропологическом типе степных татар, как и у ногайцев, преобладал монголоидный компонент. Их объединяла и родственная генетическая основа. Говорили и степняки и ногайцы на диалекте крымско-татарского языка, относящемся к кыпчако-половецкой подгруппе кыпчакской группы тюркских языков (Баскаков, 1969, 281). Самый яркий след в генезисе степняков оставили кочевники-кыпчаки (Греков, Якубовский, 1950, 65–66). Общность этнической и культурной основы в большей или меньшей мере связывает степную группу крымских татар с народами Средней Азии и с казахами, а в Поволжье – с казанскими татарами и башкирами. На Северном Кавказе, кроме ногайцев, прослеживаются определенные связи степных татар с карачаевцами, балкарцами, кумыками. Современные исследователи считают, что в основе формирования ногайцев, вошедших в группу крымских степняков, стояли в основном кыпчакские и кыпчакизированные племена. Кроме исторических фактов и близости антропологического типа, связи степной группы татар со всеми вышеперечисленными народами в каждом случае подтверждаются и языковой близостью, и общими элементами материальной культуры, в которую входит интересующий нас традиционный костюм.

Группу горно-прибрежных татар, выделившуюся в XVII–XVIII вв. и часто разделяемую на три подгруппы: горную, предгорную и южнобережную (иначе называемую прибрежной) (Куфтин, 1992, 24; Изидинова, 1993, 203; Радде, 1856, 1–2; Россия ..., 1910, 216), сформировали в основе своей земледельческие народы, принадлежавшие к европеоидному, а точнее – к кавказско-балканскому антропологическому типу.

Этническую основу горно-прибрежной группы по причине своего количественного превосходства в этом районе полуострова составили греки (оседавшие в результате нескольких волн переселений – колонизация эллинов, затем появление византийцев, миграции нового времени), в меньшей доле – армяне, генуэзцы, готы, аланы и другие народы. Диалект крымско-татарского языка этой группы относит-

ся к огузо-сельджукской подгруппе огузской группы тюркских языков (по более подробному делению С.Р. Изидиновой, к среднему (горному) и южному диалектам) (Изидинова, 1993, 203). Кроме турецкого, к диалекту этой группы близки языки балканских тюрков и гагаузов, что лишний раз говорит о принадлежности входящих в нее народов к балкано-малоазийскому культурному кругу.

Если несколько подробнее рассматривать горную и прибрежную подгруппы, то нужно отметить, что каждая из них отличалась в основном тем, что в ней преобладал тот или иной из этносов, сформировавших всю горно-прибрежную группу. В определенной мере это смещение этнических акцентов сказалось на местных говорах и на особенностях материальной культуры, в том числе и на костюме.

Территориально подгруппа горных татар населяла в основном плоские вершины столовых и склоны северной и средней гряды Крымских гор. Подгруппа предгорных татар занимала склоны южной и средней гряды, а южнобережных – полосу побережья от Балаклавы до Коктебеля шириной от 2 до 12 км.

Связь горно-прибрежной группы со средиземноморской культурой подтверждается не только антропологическими особенностями их типа, языковой близостью и историческими свидетельствами. В процессе изучения материала мы увидели похожие традиции, обряды и, что особенно важно для нас, – костюм.

С конца XV в., когда Крым подпадает под власть Османской империи и южный берег становится фактически турецкой провинцией, существовавшая издревле, в основном через греков, связь горно-прибрежного Крыма с культурой всей группы средиземноморских народов теперь становится более широкой и тесной и объединяет уже все народы, находившиеся под властью империи. Здесь даже сформировался единый тип одежды (так называемое левантийское платье), характерный для всего восточного побережья Средиземноморья. Иногда так называли и костюм всего населения Ближнего Востока (Нерваль, 1986, 404). Элементы этого костюма в большинстве своем определялись одними и теми же терминами (Нерваль, 1986, 80, 82, 83, 84, 404).

Постепенное оседание степных татар в горно-прибрежном Крыму началось во второй половине XVI в. (Якобсон, 1964, 137).

Несмотря на то, что количественно татар, осевших в горном и предгорном Крыму, было во много раз меньше местного населения, ханская власть обеспечивала им преимущества. Осуществлялась насильственная ассимиляция. В горно-прибрежных районах уже к XVIII в. почти все коренное население (в основном греческое) говорило на диалекте крымско-татарского языка, представляющем почти абсолютную кальку с турецкого. На родном языке говорить запрещалось, и этот запрет прежде всего выразился в закрытии христианских – греческих, армянских и итальянских школ. Христианство вытеснялось исламом, и, таким образом, татары как представители господствующей группы старались изменить самосознание коренных народов, превратив их постепенно в неотделимую часть татарского этноса. И как результат этого повсюду стали распространяться татарские обычаи, менялись особенности материальной культуры, что очень явно отразилось и на костюме (Кондараки, 1875, ч. VIII, 110–114), ставшем для многих народов внешне объединяющим фактором.

С конца XVIII в. наблюдается несколько очень значительных волн переселений, в основном степных татар, в Турцию и частично на Балканы. Основной причиной переселения явилось присоединение Крыма к России в 1783 г., заставившее степняков искать убежище в исламском государстве. После окончания Крымской войны

1853–1856 гг. из степной части эмигрировало еще более 120 тыс. татар. Вот как писали об этом современники: “Северная часть Крыма, за исключением приморских пунктов и долин по течению рек, осталась после татар пустынною и безлюдною” (Андриевский, 1883, 261). Так как проблема нехватки земли в горно-прибрежной части стояла довольно остро, то татары этой группы начали переселяться в малозаселенную степную часть Крыма, занимая оставшиеся пустыми дома и возделанные участки земли. Естественно, что эти переселенцы значительно ослабили тюрко-монгольский компонент оставшихся на полуострове степных татар, смягчив не только их монголоидный тип, но и привив элементы другого диалекта, традиций, особенностей материальной культуры, костюма, орнамента и т.д.

Границы между двумя этническими группами (степных и горно-прибрежных татар) стали в какой-то мере стираться. Правда, несмотря на этот процесс сближения, браки между представителями степной и горно-прибрежной групп татар продолжали оставаться нежелательными. Но все равно процесс сближения шел постоянно, и в 1906 г. П.Н. Бекетов писал в своей полевой тетради: “Оказалось, что чистые степняки уцелели только в трех местах – на Тарханкутском полуострове, у Сиваша и в восточной части Керченского полуострова” (Бекетов, 1906, д. 30, л. 2).

Кроме горно-прибрежных татар, на освободившиеся места переселялись украинцы, русские, немцы, болгары и незначительная часть эстонцев, чехов, швейцарцев. Строительство железной дороги в 1875 г. и развитие курортов стимулировали новый приток переселенцев на полуостров.

Как и все давние поселенцы, вновь оседавшие здесь народы, тесно общаясь друг с другом и с коренными народами, способствовали продолжению активного процесса взаимовлияния этносов во всех сферах жизнедеятельности, и прежде всего в материальной культуре, в частности – в костюме. У крымских татар костюм многими своими чертами отразил те сложные пути, которые прошел в своем развитии этот этнос. Очень сильное влияние крымско-татарского костюма испытали на себе и народы, издревле жившие на полуострове в тесном соседстве друг с другом. Так, например, если говорить о костюме горно-прибрежной группы татар, то для живших рядом с ними караимов и крымчаков этот костюм, во многих своих деталях и даже в терминах, их определяющих, почти полностью совпадает.

Обращаясь к характеристике источников, мы вынуждены отметить, что специального обзора литературы, как и специальных исследований по костюму крымских татар, не существует. Сведения о крымско-татарском костюме приходилось собирать по крупицам и иногда из самых неожиданных источников.

Первое и достаточно подробное – почти на страницу, описание костюма степняков Крыма, представляющее разные слои населения, мы находим у побывавших в этих местах в середине XIII в. (с разницей в несколько лет) монахов, проезжавших через Крым с дипломатической миссией – итальянца Плано Карпини и фламандца Г. де Рубрука. Затем, уже в XVI в., несколько фраз посвящает костюму степняков польский дипломат Михалон Литвин.

В начале XVII в. побывавший в степном Крыму монах доминиканского ордена Жан де Люк сообщает очень важные для нас сведения по костюму степняков (например, то, что они не носили нательных рубах и штанов). К концу XVIII – началу XIX в. относится небольшое количество данных по костюму, в основном представляющих не столько описание, сколько рисунки, в частности иллюстрации путешествий И.Г. Георги и П.С. Палласа, выполненные Х.Г.Х. Гейслером в 1793–1794 гг.

К началу XIX в. сведения становятся гораздо более разнообразными и более

подробными. Встречаются описания костюма как степняков, так и горно-прибрежных татар. К ним относятся материалы П.П. Свиньина по одежде дервишей и обыкновенному костюму татар, сопровождавшиеся его же рисунками. В это же время П. Сумароков знакомит со своими впечатлениями по костюму, принадлежавшему разным слоям татарского населения горно-прибрежного Крыма. Книга снабжена рисунками де Палдо. Записки путешествовавшего по этим местам уже в 1830-е годы А.Н. Демидова очень подробно проиллюстрированы находившимся с ним художником Раффе.

Относительно состава женского костюма татар горно-прибрежной зоны самыми ранними для нас являются анонимные записи, оставленные русской знатной дамой, посетившей в 1820-е годы Бахчисарай и наблюдавшей быт представительниц высших слоев татарского общества. Вызывают доверие и интерес краткие сообщения 1860-х годов епископа Таврического Гермогена. Работы, в которых можно встретить описание костюма степных татар и входивших в их группу крымских ногайцев, – это “Краткий обзор положения ногайских татар, водворенных в Мелитопольском уезде Таврической губернии” неизвестного автора, относящийся к 30-м годам XIX в., к середине XIX в. – труды А. Архипова, к 60-м годам XIX в. – Н.Ф. Дубровина.

Подтверждением достоверности собранного фактического материала служат записки – справки, сделанные по специальным запросам русского правительства русскими военными чиновниками, откомандированными в Крым. В числе таких справок описание быта степных татар, составленное в 1820-е годы действительным статским советником Петуховым, а в 1849 г. – полковником Генерального штаба Герсевановым.

Описание гардероба крестьянки из Алушты (прибрежный Крым) встречаем у княгини Е. Горчаковой в воспоминаниях о путешествии в Крым в 1870-е годы. К началу XIX в. относятся сведения по костюму, собранные в горно-прибрежном Крыму под руководством В.П. Семенова-Тян-Шанского Русским географическим обществом. Определенную ценность представляет и краткое описание состава костюма горно-прибрежной татарки побывавшей в Крыму в начале XX в. А. Вадзинской.

Первым серьезным исследователем, оставившим самые значимые сведения по костюму, производству одежды и обрядам крымских татар середины XIX в., был Г.И. Радде. Для нас важны и исследования по истории Крымского ханства, в частности работа И.Э. Тунманна второй половины XVIII в. В ней сообщается много интересных сведений об исторических связях Крыма с Северным Кавказом.

Материалы по истории формирования культуры крымских татар, как и по истории формирования самого этноса, мы встречаем в середине XIX в. в многотомном “Универсальном описании Крыма” известного краеведа В.Х. Кондараки и в работе “Исторические судьбы крымских татар” Ф.Ф. Хартахая.

В 1930-е годы этой теме посвятил свою работу “Основные моменты истории Крымского ханства” С.В. Бахрушин; она освещалась и в исследованиях других авторов. Несколько лет назад появились две работы такого направления. Одна из них – “История Крыма” А.Р. Андреева. По замечанию автора, работа является опытом обобщения и анализа существующего обширного научного материала, включающего и данные археологических раскопок. Другая, книга В.А. Возгрина “Исторические судьбы крымских татар”, весьма спорна субъективностью анализа исторических событий, хотя приводимые автором документальные данные, извлеченные из архивов, представляют несомненный интерес для исследователей.

Что касается специальных работ, рассматривающих орнаментику деталей костюма крымских татар, технику шитья, их украшавшую, анализ значения цветовых сочетаний, мы знаем всего несколько исследований такого рода. Они основаны на изучении материалов богатых в то время (1920–1930-е годы) коллекций музеев Крыма. Это работы П.Я. Чепуриной, А.М. Петровой (была подготовлена к печати Е.Ю. Спасской), а также сугубо искусствоведческие размышления М. Гинзбурга и поэтический анализ М. Волошина.

Поскольку часто с обрядами и ритуалами были связаны специфические особенности костюма, мы рассматриваем и эту сторону жизни этноса. Специальным изучением обрядов и ритуалов в начале XIX в. занимался Е. Булатов. Он первым очень подробно описал “реван” – обряд посвящения подмастерья в мастера. В начале XX в. этот же обряд изучал в Крыму В.А. Гордлевский. Подробное описание свадебного обряда, происходившего в 1880-е годы в районе Ялты (на побережье), сделала Х. Каралезли. В наши дни обрядами крымских татар (в основном похоронным) занимается А.В. Ефимов.

Интересные археологические данные мы почерпнули у Т.Д. Равдоникас, В.Н. Залесской, М.Г. Крамаровского, Е.П. Мыськова и Э.А. Рикмана. Встреченные ими в результате раскопок материалы представляют и сами предметы одежды, и их изображения (на керамике, оттиски на металлических бляшках и т.д.).

Так как мы поставили своей задачей и рассмотрение связей костюма крымских татар с костюмом других этносов, в этой связи имеют большое значение работы С.Ш. Гаджиевой, занимающейся материальной культурой народов Северного Кавказа. Наибольший интерес для нас представляет ее работа по материальной культуре северо-кавказских ногайцев. В исследовании Е.Н. Студенецкой по костюму народов Северного Кавказа нами отмечены определенные элементы, связывающие костюм народов Северного Кавказа (в основном адыгской группы) с костюмом крымских татар. Как замечает сама Е.Н. Студенецкая, “влияние крымских татар, а через них и турок на одежду адыгских народов, преимущественно высших сословий, с XVIII в. было довольно значительным – особенно это заметно при рассмотрении женской одежды” (Студенецкая, 1989, 37). Невозможно было обойтись и без привлечения исследований, связанных с проблемами изучения костюма народов Средней Азии, – это труды Н.П. Лобачевой, М.В. Сазоновой, А.К. Писарчик, О.А. Сухаревой, Г.П. Васильевой, уйгуров – Л.А. Чвырь, казанских татар – Н.И. Воробьева, башкир – С.И. Руденко, народов балканской группы – М.Ю. Мартыновой, В.М. Маруневич, П.Г. Богатырева. По этносам, живущим ныне на территории Турции, привлекались работы И.В. Кузнецова, Т.Ф. Аристовой, а по самим туркам – В.П. Курылева, Д.Е. Еремеева и других авторов.

Большая доля информации приходится на полевые записи, сделанные автором в результате многочисленных опросов носителей культуры в Крыму и в Узбекистане. В этой связи выражаю благодарность Р.К. Бозгязиевой, З. Бекировой, С. Трасиновой, семейству Османовых и многим другим.

К сожалению, уже невозполнимы те сведения, которые могли бы собрать исследователи материальной культуры за полувековой период вынужденного забвения крымско-татарского народа.

Основная часть полевых материалов, собранных автором в результате опросов носителей культуры в Крыму, приходится на районы южного берега – Ялты, Алупки, Гурзуфа, в предгорье – на район Бахчисарая, а в степной части – на район Симферополя. Таким образом, в приводимых материалах представлены две террито-

альные и одновременно субэтнические группы, на которые делится крымско-татарский этнос, – горно-прибрежная и степная. Опрос крымских татар, осевших в Узбекистане, осуществлялся в районах Ташкента, Самарканда и Катта-Кургана – местах с наибольшей концентрацией представителей этноса. В Катта-Кургане даже удалось присутствовать на свадьбе, организованной с учетом всех (насколько это было возможно) известных ныне крымским татарам традиций.

Хранящиеся в музейных архивах материалы в основном относятся к началу XX в. Это прежде всего полевые тетради сотрудников музеев, отправлявшихся в Крым с собирательской целью в 1900–1920-е годы. Так, в архивах Российского этнографического музея для нас были очень полезны полевые записи П.Н. Бекетова, обследовавшего в 1906 г. степную часть полуострова, затем отчет А.Н. Самойловича о поездке в 1916 г. в Евпаторийский и Перекопский уезды, описи коллекций таких сотрудников музея, как К.А. Иностранцев, Г.А. Бонч-Осмоловский, очень подробно изучавших на месте материальную культуру народов Крыма. Говоря о Бонч-Осмоловском, нельзя не вспомнить о его постоянном спутнике, рано погибшем ученом Ф.А. Фиельструп. Часть его архива, относящаяся к описанию быта татар степной зоны, была любезно предоставлена автору Б.Х. Кармышевой. Данные музейной фототеки во многом дополняют все эти сведения.

В архиве Музея антропологии и этнографии мы встретили записи, относящиеся к описанию материальной культуры крымских татар, таких известных исследователей, как Д.К. Зеленин, С.В. Бахрушин и Б.А. Куфтин.

В Бахчисарайском историко-архитектурном музее хранится дневник первого директора музея У.А. Боданинского, содержащий любопытные сведения об особенностях бытовой культуры крымских татар.

В Крымском краеведческом музее находится часть архива А.Л. Бертье-Делагарда, относящегося к началу XX в. В основном эти материалы представлены фотографиями.

В Ялтинском историческом музее очень интересны описания и названия типов орнаментов. Материал собран сотрудницей музея Л.А. Афанасьевой в 1920–1930-е годы.

Большую вспомогательную роль для воссоздания образа до и послереформенного типа костюма сыграли гравюры художников конца XVIII – начала XIX в., участвовавших в экспедициях, предпринимавших по провинциям Российской империи. Позднее их заменяют фотографии, представляющие уже самостоятельный материал. Количественно их было гораздо больше, чем рисунков, и выпускались они сериями. Часто фотографии сопровождались надписями из разговорной речи, что создавало более полное впечатление об особенностях бытовой культуры (и в частности костюма) всех групп населения, представляющих этнос.

Для работы были важны и изданные в разное время каталоги, систематизирующие коллекции предметов, хранящиеся в музейных собраниях. Краткое описание крымской коллекции Дашковского этнографического музея в Москве (позднее основная часть этого собрания попала в РЭМ) мы находим у В.Ф. Миллера (1860-е годы). В 1980-е годы были изданы собрания по Крыму таких музеев Санкт-Петербурга, как Музей антропологии и этнографии РАН (коллекция, включающая и народы Европы, описана коллективом сотрудников) и Российский этнографический музей (коллекция описана Э.Г. Торчинской).

Что касается основного источника нашей информации – музейных коллекций, то, судя по описям, самая разнообразная и по временным рамкам самая пол-

ная коллекция костюма, а также вышитых и тканых изделий, хранится в Бахчисарайском историко-архитектурном музее. Как и прочие коллекции в музеях Крыма, связанные с творчеством крымских татар, она стала доступна и для специалистов и для обозрения всего несколько лет назад, когда были сняты так называемые печати. К сожалению, по количеству единиц хранения у нас нет точных цифр и далеко не вся коллекция оказалась доступной автору, но известно, что только одних накладных манжет, использовавшихся как деталь женского платья, в музее хранится более 50 пар. Что же касается самих платьев, то в фондах музея можно встретить платья, относящиеся к XVIII в., чего ни в одном другом музее мы не видели, как, впрочем, и других деталей костюма этого времени. Та часть коллекции, с которой удалось ознакомиться, отличается, как ни в каком другом музейном собрании, чрезвычайным разнообразием каждого из известных нам элементов костюма. Все это не удивительно, так как разместившийся в бывшем ханском дворце музей открылся в 1917 г. и принадлежавшие дворцу предметы убранства и весь гардероб его прежних обитателей не смогли уберечь. До этого, с 1783 г., т.е. после упразднения всех следов ханской власти, дворец перешел в собственность Российской казны и за сохранностью всех вещей здесь очень следили. На базе его коллекций в 1920–1930-е годы были созданы артели художественных промыслов. В наши дни музей продолжает оставаться основным хранителем предметов материальной культуры крымских татар.

Пожалуй, вторым по количеству и ценности хранящихся в нем экспонатов из крымских коллекций является Российский этнографический музей. Все собрание по крымским татарам составляет здесь 2238 единиц хранения. Большая часть входит в состав коллекций, собранных еще сотрудниками этнографического отдела Государственного Русского музея, который позднее выделился в отдельный музей и сейчас носит название Российского этнографического музея. Кроме бытовых предметов и костюма крымских татар, в собрании представлена и материальная культура других народов Крыма, в числе которых греки, караимы, крымчаки, армяне. Собирали коллекцию поначалу такие сотрудники, как известный востоковед К.А. Иностранцев, этнограф А.А. Миллер, П.Н. Бекетов, приват-доцент Санкт-Петербургского университета А.Н. Самойлович и др. Пополняли ее и дары известных коллекционеров, среди которых Ф.М. Плюшкин, семья Шабельских и прочие. Причем самое значительное место в этом собрании относится к тканям и костюму. В 1948 г. в музей влилось собрание упраздненного в Москве Музея народов СССР (около 700 предметов). Когда-то его коллекции принадлежали Дашковскому и Румянцевскому музеям. После революции они послужили основой для формирования Музея народов СССР. Затем в фонды этого музея поступали коллекции, собранные московскими исследователями.

Интересен свсими фондами и Ялтинский исторический музей, принявший после революции коллекции из дворцов и от частных коллекционеров всего побережья. Коллекционирование предметов тканых и вышитых изделий было широко распространено в среде русской интеллигенции в Крыму с конца XIX в. Известны были коллекции Айвазовских в Старом Крыму, З.Г. Тугендхольда в Ялте и собрание А.Л. Бертье-Делагарда. К сожалению, во время Великой Отечественной войны часть фондов пропала во время эвакуации, а после войны по распоряжению местных властей была изъята и бесследно исчезла вся коллекция ювелирных украшений. Сохранились только вышивки и костюм, но так как ими специально никто не занимался, то все экспонаты оказались беспаспортными.

Очень похожая ситуация с судьбой коллекции по крымским татарам (да и не

только с этой) сложилась в Музее народного искусства в Москве. Музей был образован в 70-е годы XIX в. В него вошли сотни предметов, представляющих быт и материальную культуру крымских татар начиная с XVIII в., – прежде всего костюм и вышивки. Это и поступления от частных коллекционеров, и вещи, приобретаемые на международных выставках кустарных промыслов народов России конца XIX в., а также в экспедициях сотрудниками музея и Института художественной промышленности, для которого музей служил исследовательской базой. К сожалению, несоответствующие элементарным требованиям условия хранения и отсутствие помещений для размещения фондов делают эти коллекции, как и в Ялтинском музее, недоступными для исследования.

В свое время в Крыму славился своими коллекциями вышивок Краеведческий музей в г. Евпатория. О его собрании можно судить по описаниям, составленным в 1920–1930-е годы П.Я. Чепуриной, бывшей директором музея. Но после войны от этих коллекций почти ничего не осталось и сейчас в нем хранятся единицы малоинтересных экспонатов.

Крымский краеведческий музей в Симферополе был создан на базе Музея древностей Таврической ученой архивной комиссии, основанного в 1887 г., и Естественно-исторического музея, основанного в 1899 г. Оба музея в 1921 г. были превращены в Центральный музей Тавриды с очень богатыми и интересными коллекциями, которые были разграблены во время войны. И теперь всю коллекцию представляет небольшое количество предметов костюма, относящихся к началу XX в.

Коллекция предметов быта крымских татар в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН в Санкт-Петербурге начала собираться в конце XIX в., а ее последние поступления относятся к 1970-м годам. Предметы одежды, вышивки, бытовые вещи собирались такими учеными, как А.Н. Самойлович, П.М. Мелиоранский, Д.К. Зеленин, Д.А. Клеменц и др. Значительная часть вещей поступала и от коллекционеров.

В Государственном Историческом музее в Москве собрание текстиля крымских татар и других народов, населявших Крымский полуостров, представлено вышитыми и ткаными экспонатами, деталями костюма и другими видами предметов, использовавшимися в быту. Вещи в основном поступали из частных коллекций М.И. Погодина, З.А. Кузнецова и уже известной нам П.Я. Чепуриной.

Вышитые и тканые предметы из Крымской коллекции, а также единичные образцы костюма хранятся и в Государственном музее Востока – всего чуть более 200 предметов. За редким исключением все они беспаспортные, так как коллекция сложилась в основном из вещей, привезенных в 1944 г. сотрудницей музея Г.Л. Чепелевской, которые она отобрала в городах и селах Крыма на складах случайных вещей, образовавшихся после срочного выселения татар в 1944 г. Некоторые предметы были приобретены ранее в закупочных экспедициях, часть – у коллекционеров или в антикварных магазинах, а какая-то доля была передана из других музеев.

Из частных коллекций нашего времени нам известна существовавшая до недавнего времени в Ташкенте коллекция предметов быта крымских татар, собранная после выселения, в Узбекистане, выходцем из Евпатории, крымским татаринном, актером по профессии Аблямитом Умеровым. Большую часть в этой коллекции составляют вышивки, детали костюма, ювелирные изделия. Мы знаем, что в настоящее время существует ряд частных коллекций в Крыму, но автору они неизвестны.

К сожалению, предметы одежды обычно представлены в коллекциях разрозненно и полный комплекс нигде не собран.

Глава I

ПРОИЗВОДСТВА, СВЯЗАННЫЕ С КОСТЮМОМ

В разных районах Крыма, а следовательно, и у разных групп крымских татар традиционно существовали свои наиболее развитые области производства и обработки материалов, идущих на создание тех или иных деталей костюма. Такое неравномерное распределение видов производств на полуострове было прежде всего связано с местными климатическими особенностями. В степной зоне всегда существовала потребность в войлоке и сукне, широко использовавшихся при шитье верхней одежды. В горных районах зимой преобладала меховая одежда, употреблявшаяся наряду с суконной. У всех территориальных групп было очень развито ткацкое ремесло. Потребность в легких тканях удовлетворялась домотканым полотном, сотканным из нитей, на которые шла пряжа, получаемая из растений, произрастающих в том или ином районе Крыма, как специально выращенных (хлопчатник, лен), так и диких (крапива, конопля). Нити или уже готовые ткани любого рода окрашивались вручную по издревле известной технологии с использованием в качестве красителей местных растений.

Что же касается стойкости приемов для различного рода производств, то в 1830-е годы А.Н. Демидов отмечал, что все ремесленные заведения сохранили в Крыму свою первоначальную простоту, и в Бахчисарае при нем изготавливали такие же изделия, что и за 200 лет до него (Демидов, 1853, 330).

ОРГАНИЗАЦИЯ РЕМЕСЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Развитие ремесленного производства в Крыму вызвало со временем необходимость создания здесь системы цеховой организации. В татарской среде ремесленники поначалу сосредоточивались на базарах, кочевавших вместе с номадами, и только в XVII в. начали оседать в городах (Якобсон, 1964, 139). Прежде всего развивались ремесла, связанные с обработкой шерсти (производство войлока) и выделкой кож, высоко ценились и мастера, занимавшиеся обработкой металлов. Цеховая организация в Крыму сложилась в XVIII в. на основе местной ремесленной традиции и включала около 50 видов ремесел. Свои порядки она сохранила до конца XIX в.

Поскольку Крымское ханство зависело от Турции и было тесно связано с ней в политическом, экономическом и культурном отношении, то и образовавшиеся ремесленные организации перенимали принцип организации цехов, принятый в Турции, с которой Крым не порывал связи до конца XIX в. (Якобсон, 1964, 140). Из Турции заимствовались и ремесленные навыки (Гордлевский, 1928, 57). Цеха “безаджей” (ткачей) и “кезаджей” (вышивальщиков) занимали почетное место (Чепурина, 1929, 72). Непосредственно с этими цехами был связан и цех галунщиков-шнуровщиков (Чепурина, 1938, 46). Такие цеха обслуживали ханский двор, придворную знать, высшее ду-

ховенство, а часть продукции поставляли на внешний рынок – в основном в страны средиземноморского бассейна, Малую Азию, Россию (Скальковский, 1867, 492).

Цех представлял собой не столько профессиональное объединение, сколько “духовно-нравственное братство, построенное на иерархии” (Гордлевский, 1928, 241). Поначалу в цеха принимались только мусульмане, но постепенно среди их членов все больше увеличивалось число христиан, в основном армян и греков. Цеховые организации были в каждом торгово-ремесленном центре, особенно в таких городах, как Кафа (Феодосия), Кезлев (Евпатория), Карасу-Базар (Белогорск) и др. Самым крупным из этих центров, где сильнее всего сказывалось влияние Турции, была столица ханства – Бахчисарай (Бонч-Осмоловский, 1926, 31). Вся ремесленная и торговая жизнь города обычно сосредоточивалась на главной улице. Расселялись ремесленники по цеховому признаку, т.е. каждый цех занимал определенный квартал, где мастера жили, производили свои изделия и тут же, в лавке или мастерской, их продавали (Радде, 1856, 60). Занятия определенным ремеслом переходили из поколения в поколение. Цех жил довольно изолированной жизнью и имел даже свои места отдыха. В состав цеха входили мастер (“уста”), подмастерья (“къальфа”) и мальчишки-ученики (“шегирт”). Во главе стоял мастер “уста-башы”, имевший двух помощников по административной части – “йигит-башы” и нечто вроде надсмотрщика – “чавуш”. “Уста-башы” и “йигит-башы” руководили приемом учеников и посвящением их в мастера, регулировали размеры производства и цены. Спустя три года после поступления к мастеру на работу ученик переводился в разряд подмастерьев, а стать мастером он мог, только выдержав определенные испытания. Посвящение в мастера и избрание администрации происходило на особых празднествах в честь “пиров” – покровителей ремесел, и носило ярко выраженный религиозный отпечаток. Это было общее цеховое собрание, на которое стекалось все ремесленное население города, под знаменами своих цехов (Никольский, 1927, 22–23).

ТКАЧЕСТВО И ВЫДЕЛКА ПРОЧИХ МАТЕРИАЛОВ

До начала XX в. крымские татарки при шитье определенных деталей одежды – мужских и женских рубаш, шаровар, поясов, а также платков и шарфов, использовали легкое домотканое полотно “атма”, которое обычно сами же и ткали. Ткацкий станок стоял в каждом доме в специально отведенном для него помещении, и девочки уже с 10 лет учились искусству как простого, так и узорного ткачества.

На “атму” шли нити, spunенные вручную (из-за чего они всегда имели неравномерную крутку) из хлопчатобумажной и льняной пряжи. В деревнях часто употреблялась конопляная и крапивная пряжа, отчего нити получались более темными, толстыми и грубыми (иногда в них даже оставалась “костра” (Табл. XIV–1). Праздничные рубашки старались шить из шелкового полотна. Иногда при тканье полотна смешивали нити разной природы – одни шли на уток, а другие – на основу. В среднем “атма” имела ширину от 30 до 70 см. Ширина полотна была определена для каждого вида изделий. Тип тканья, использовавшийся для создания “атмы”, – полотняное переплетение, причем нити основы должны были быть тоньше уточных. Считалось, что непревзойденными мастерицами в создании “атмы” самого лучшего качества были татарки-степнячки. Если возникала нужда в высококачественных нитях, то использовались покупные, привозившиеся из Бухары, Закавказья, Малой Азии – с Анатолийского побережья. Главным поставщиком был Стамбул. Стам-

бульская хлопчатобумажная нить “бурма” славилась своей крепостью, тонкостью, тугой и равномерной круткой. Из нее ткали “атму”, напоминавшую крепдешин, она была не только тонкой, но и очень прочной.

В ханский период в районе Бахчисарая и Старого Крыма, занимались шелководством, но потребность в шелковом волокне была значительно больше, чем мог производить Крым, и поэтому приходилось пользоваться привозным шелком. В конце XVIII в. с развитием русской торговли стали появляться хлопчатобумажные нити машинной выработки из Лодзи и Риги (Чепурина, 1929, 75). “Атма”, предназначавшаяся для шарфов, поясов и платков, в центральной части обычно бывала гладкой, а та, что шла на рубахи и шаровары, – полосатой. Иногда встречалось и полотно, украшенное ткаными квадратами, расположенными в шахматном порядке. Нити во всех этих случаях были некрашенные, естественных цветов – белого и кремового. Полосы в центральной части полотнища получались или при использовании в утке ритмично чередующихся нитей одного цвета, но разной толщины, или нитей красного, иногда коричневого цвета. Из такого полотна и шили рубахи. Толщина нитей зависела или от степени крутки (слабо крученые носили название “мелез”, а некрученые – “дамбра”), или от природы этих нитей. Чередование в центральной части толстых уточных нитей “дашбурду елакъ” с более тонкими, особенно при использовании привозимой из Закавказья тончайшей пряжи “ширэ”, при большой плотности ткань создавало впечатление гофрировки. Узор же из квадратов получался на центральном поле оттого, что толстые нити утка пропускались не во всю ширину полотнища, а на определенном отрезке, и каждая нить занимала несколько горизонтальных рядов. Что же касается концов полотнища, то они были гладкими, когда их должна была заполнять вышивка, или же многоцветно узорно-ткаными.

Существовало три основных вида узорного ткачества. Первый – “атма орнеги сачме” (“ткань с рисунком вразброс”) заполнял концы разных размеров полотнища “атма” (предназначенного для поясов, шарфов, полотенец). Здесь узор создавался обычно разноцветными уточными нитями, более толстыми, чем основа. В основном они образовывали орнамент из полос, очень принятый в степной части. Но такой орнамент получался при двуремизном ткачестве, а при многоремизном получались сложные узоры, всегда двусторонние. Такие узоры встречались в горном и южно-бережном Крыму.

Второй вид – “атма кыбрыз” (“кипрское тканье”), иначе называемое закладным, или “паласным”, ткачеством, помогал создавать сложные многоцветные орнаментальные композиции и использовался для изделий различного назначения в основном в прибрежной части полуострова. При этой технике нити утка прокладывались между нитями основы вручную и ложились настолько плотно, что полностью закрывали нити основы. При такой особенности ткачества разноцветные нити узора определялись зазорами, имеющими ступенчатую форму.

Третий вид – “тахталы” (“досочный”), назывался так потому, что при ткачестве дополнительно использовалась специальная дощечка-“бральница”, образующая узор из настила цветных нитей, чередующихся то на лицевой, то на изнаночной стороне (Чепурина, 1929, 73–74). Такая техника создания узоров, более широко известная как “браное ткачество”, была распространена в горно-прибрежной части Крыма. Внешне она очень напоминает вышивку, и это впечатление создается за счет рельефности узора. В Крыму, в районе южного берега, был очень распространен один из вариантов этой техники – “чильтер”, создающий чаще стилизованные рас-

тельные и архитектурные мотивы (Куфтин, 1992, 219). Техника “тахталы” использовалась при изготовлении передников, поясов, шарфов, скатертей.

Кроме различных вариантов полотна “атмы”, до начала XX в. при шитье определенных деталей одежды использовались и другие виды тканей разных цветов, причем как машинной, так и ручной выработки. Так, на шитье женских платьев “антер”, издавна принятых в горно-прибрежной зоне, обычно шел жаккардовый шелк, а позднее, когда такие платья распространились уже по всему Крыму, их стали шить из бархата. Бархатными были и женские курточки, в то время как такого же рода курточки для мужчин шили из тонкого сукна.

Горные и степные татары для шитья верхней зимней одежды употребляли грубое сукно домашнего производства. Как отмечал в середине XIX в. В.Х. Кондараки, производившиеся в Крыму шерстяные бурки были незаменимы при верховой езде в зимнюю мокрую погоду, так как они были необычайно легки и практичны по своей форме (Кондараки, 1875, ч. XVII, 49). Из сукна шили также и головные уборы и обувь.

Очень развита была (в основном в горном Крыму) обработка шкур. В.Х. Кондараки писал, что некогда по всем городам полуострова производились теплые и легкие шубы из овчины, предназначавшейся прежде всего для нужд сельских жителей. Ко второй половине XIX в. это производство сохранилось в прежней своей форме только в Бахчисарае (Там же, 46). Самыми ценными считались мерлушковые шубы “эльтыры”, менее ценными – из молодого черного каракуля, а уже потом – из коричневого. Меньше всего ценились шубы, сшитые из меха степных баранов (Там же, 47). Для молодых франтов из среды татар, а также на заказ для караимов шили смушковые шапочки (Там же, 47).

Что же касается кожевенного производства, то в 1808 г. в “Статистическом журнале” писали, что в Крыму сафьян делается только красный и желтый, причем желтый гораздо дешевле (Герман, 1908, 218–219). В 1867 г. Ф.Ф. Хартахай обратил внимание на то, что такой вид ремесленной деятельности, как обработка кож, пользовался здесь наибольшим уважением. По всему полуострову, особенно в Евпатории и Карасу-Базаре, выделялись всех видов и цветов сафьяны, юфть и шагреновая кожа. Товар этот не только в огромном количестве расходился на местной почве, но и был предметом вывоза (Хартахай, 1867, 170).

Говоря об искусстве крашения, нужно отметить, что крымские татары были хорошо знакомы со многими секретами приготовления красителей из природных материалов. Ярче всего это искусство проявилось в сложной технике крашения нитей. Очень часто встречающийся в деталях одежды желтый цвет был результатом крашения “шафрановой” краской, добывавшейся из пестиков крокуса, но, будучи очень дорогой, она заменялась красителями, приготовлявшимися или из барбариса, или из растущего в Крыму “иудина дерева”, иначе называемого “багрянником” (род акации), а иногда и из легко доступной шелухи лука. Отвар этих красителей давал все оттенки желтого цвета. Черная краска готовилась из чернильного орешка, гранатовых корок и зеленой оболочки грецкого ореха. Красная – из коры сандалового дерева, “иудина дерева”, корней марены и добывалась из насекомых “кошенили”. Синюю – индиго, получаемую из растения “индигосфера”, привозили с Кавказского и Анатолийского побережья, Ирана, Туркестана, Индии. Помимо красителей животного и растительного происхождения с Анатолийского побережья поступали и цветные глины – “турецкая голубая и розовая” (Чепурина, 1929, 75). Комбинации этих красителей давали тона удивительной мягкости, характерные только для хан-

ского периода, т.е. для того времени, когда населению было известно как множество рецептов приготовления красителей, так и секреты самого процесса крашения, в результате чего добивались окрашивания материалов (в частности нитей) во множестве оттенков одного цвета. Часто для создания разных цветов использовался один краситель. Постепенно мастерство крашения уходит, что было вызвано заменой в конце XIX в. натуральных красителей на анилиновые, производившиеся в Турции, Китае, Индии, Европе. Применение таких красителей давало цвета очень яркие, контрастные, “кричащие”, не имеющие ничего общего с природными. Такая замена очень сильно сказалась и на уровне мастерства украшений деталей одежды.

Об узорах тканых и вышитых, украшавших детали костюма, о технике шитья и о символике, которую несут в себе цветовые сочетания в этих деталях, мы будем подробно говорить в специальной главе “Орнаментика костюма”.

КОСТЮМ КРЫМСКИХ ТАТАР КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XX в.

На протяжении всего интересующего нас периода (конец XVIII – начало XX в.), исходя только из принципа деления костюма на мужской и женский, мы рассматриваем процесс формирования его у разных групп крымских татар и последующее объединение в единый для этноса комплекс. К началу XIX в. костюм был представлен двумя разными комплексами, относившимися: один к степной, а другой – к горно-прибрежной субэтническим группам (с менее ярко выраженными порайонными различиями). Процесс объединения этих двух комплексов, завершившийся к началу XX в., можно проследить на основе анализа: состава комплекса, кроя отдельных его элементов, материала изготовления, техники шитья и ткачества, подбора цветовой гаммы, особенностей орнаментики. Для каждой группы были характерны также силуэт и манера ношения деталей одежды.

Веками, параллельно с формированием степной и горно-прибрежной субэтнических групп крымских татар, складывались и два первоначально несхожих типа костюма. Костюм степняков нес в себе черты, выработанные в среде многих народов, веками ведущих кочевой образ жизни (отсутствие нижней одежды, определенные особенности кроя деталей и т.д.). Много общего связывало костюм этой группы крымских татар с костюмом, принятым у казахов, народов Средней Азии (узбеки, каракалпаки). В меньшей мере прослеживается связь с казанскими татарами и башкирами. Значительными были связи с ногайцами Северного Кавказа, а также с карачаевцами, балкарцами, кумыками. Что касается горно-прибрежной группы, то здесь материальная культура формировалась на основе культурных традиций, издавна развивавшихся в этой части полуострова и свойственных народам балканской группы (прежде всего через оседавших здесь с древности греков) и более широко – под влиянием культуры всего Средиземноморья (в частности через генуэзцев и венецианцев).

С присоединением Крыма к Османской империи в конце XV в. связи горно-прибрежных татар со Средиземноморьем поддерживались прежде всего через расположенную в предгорной части столицу Крымского ханства – Бахчисарай. Через бахчисарайскую знать в горно-прибрежном Крыму распространилось и так называемое левантийское платье, принятое по всей Османской империи, хотя и имевшее определенные, не ярко выраженные особенности в каждом ее регионе. Позднее, к концу XIX в. явные следы влияния платья этого типа мы замечаем и в степном Крыму.

В комплексе мужского костюма “левантийское платье” было представлено такими деталями, как белая полотняная рубаша с длинными широкими, обычно закатанными до локтя рукавами, широкими шароварами, суконным жилетом, чаще красного цвета, расшитым золотом и застегивающимся на густо посаженный ряд пуговиц. Поверх набрасывался кафтан из полосатой шелковой ткани, со вставками по бокам. Знать шила кафтаны из гладких тканей, которые всегда расшивались зо-

лотом. Талию перепоясывали широкими кушаками. Богатые шили их из золотой парчи. Представители состоятельных слоев носили еще и длинную распашную накидку без рукавов, с буфами на плечах.

В качестве верхней одежды все слои населения набрасывали широкий длинный плащ с капюшоном. На голову, под колпак, надевали белую расшитую и украшенную кружевом тюбетейку, сшитую по форме головы. Вокруг колпака свивали плотно, образуя тюрбан. Форма тюрбана зависела от социального статуса его носителя. На ноги надевали или шлепанцы, или мягкие сапоги.

У женщин этот тип платья представляли такие детали, как белая полотняная рубаша с длинными широкими рукавами. Знать шила ее из шелка-сырца. Длинные широкие с глубокими складками шаровары закрывали щиколотку, низ шаровар шили из крашеного полотна. Длинное распашное платье обычно шилось из полосатой шелковой ткани. Платье обтягивало торс и имело выступающие бока. На платье надевали расшитый золотом обтягивающий грудь жилет. Он имел круглый вырез у горловины и застегивался на ряд частых пуговиц. Талию охватывал серебряный филигранный пояс. Женщины по-разному обвязывали голову различного рода платками, а девушки носили шапочки круглой формы с кистью. Молодые женщины из привилегированных слоев населения – чалму. Голову и торс закрывало длинное покрывало “чаршаф”. При выходе на улицу лицо закрывали сеткой, сплетенной из конского волоса, с отверстием для глаз. В Турции ее называли “буркуа” (Нерваль, 1986, 23–24), а в Крыму “чадра” (информатор Адиль. Бахчисарай, 1991 г.). Сверху знатные дамы набрасывали накидку из шелка, а простые горожане – из шерстяной или хлопчатобумажной ткани. Ж. де Нерваль писал, что “при ветре она становилась похожей на полуспущенный шар” (Там же, 51). На ноги надевали шлепанцы или расшитые мягкие сапожки обычно желтого цвета (Там же, 134).

Реформа, предпринятая в 1826 г. в Турции, утвердила новую форму костюма, распространившуюся и на провинции Османской империи, в частности на горно-прибрежный Крым. Она заставила отказаться здесь от традиционных элементов костюма. Так, тюрбан заменила феска, длинные шелковые камзолы знати сменили расшитые куртки. Исчез длинный широкий плащ “машлах”, окутывавший всю фигуру. Синий цвет уступил место черному. Произошли и другие изменения. Уже к середине XIX в. новая форма одежды распространилась по всей империи и, как ранее это было с “левантийским платьем”, пришла в горно-прибрежный Крым (Табл. XIII–2), а позднее, к концу XIX в., привилась уже и в степной зоне, ознаменовав тем самым объединение двух типов культуры – степной и горно-прибрежной. Важную роль в этом процессе сыграли массовый выезд степняков в Турцию и заселение горно-прибрежными татарами освободившихся районов степного Крыма. В результате тип горно-прибрежного костюма стал активно вытеснять в степи принятый здесь комплекс костюма степняков.

Второй этап формирования общего облика крымско-татарского костюма, вернее процесс его европеизации, был связан с постепенным проникновением в разные группы этноса новых элементов одежды, привнесенных расселявшимися в Крыму русскими, украинцами, болгарями, немцами и другими народами, появившимися на полуострове после присоединения Крыма к России (в 1783 г.). К концу XIX в., кроме усиления процесса унификации крымско-татарского костюма, усиливается и его европеизация (прежде всего это относится к особенностям кроя).

Несмотря на все изменения, происходившие с костюмом каждой группы и ведущие постепенно и неуклонно к его объединению в общий комплекс, еще в начале

XX в. можно было по определенным элементам проследить былые корни, традиции и связи каждой зоны. Различия проявлялись как в манере ношения деталей костюма, так и в подборе их цветовой гаммы, особенностях кроя, в швах, орнаментике, а также в терминологии. Этот процесс изменений происходил не только у упомянутых нами двух субэтнических групп, но в меньшей мере и у подгрупп (степняков-ногайцев, горно-предгорно-прибрежных татар), а также порайонно, и даже по деревням. Что касается терминологии, то здесь несовместимость в терминах, определяющих у каждой из двух групп одни и те же детали одежды, можно прежде всего объяснить принадлежностью степных и горно-прибрежных татар к различным языковым группам. Кроме того, все эти термины не были абсолютно определенными для каждой детали одежды, а в некоторых районах иногда и взаимно заменялись. В основном это происходило в зависимости от того, из какого района такие элементы перешли и насколько стали распространены на новом месте (наглядный тому пример – с вариантами женских курточек).

КОМПЛЕКС МУЖСКОГО КОСТЮМА

ГОРНО-ПРИБРЕЖНАЯ ГРУППА

1. Рубахи.

1. Нательная рубаша, бытовавшая на побережье под названием “кольмек”, а в горах – “кулек”, известна с конца XVIII в. (Костюм народов..., 1990. Худ. Гейслер, ил. 8, 9) и была принята среди всех слоев населения до начала XX в. На мужские рубахи шло более широкое полотно, чем на женские, ширина его колебалась от 30 до 50 см. Крой был очень близок турецким образцам: стан из единого долевого полотнища, сложенного пополам, боковины переходят во внутреннюю (нижнюю) часть рукава, а верхняя его часть образована поперечным куском ткани, сложенным пополам и пришитым к кромке стана по прямой линии. Плечо и верх рукава неразрезные. Длина – выше колена. От турецких (Курылев, 1976, 115) крымские рубахи прибрежного района отличались наличием парных треугольных ластовиц (всего четыре), вшитых между станом и рукавом под прямым углом спереди и сзади (как бы внутри рубахи) и перекрытых боковиной. Ворот обшивался руликом (ГМБ, № 42528, 36298кп; МАЭ, № 251-1; Табл. I – 1 а, б). В горных районах (прежде всего в районе Бахчисарая) рубахи полностью повторяли турецкие, т.е. у них отсутствовали ластовицы, и шили их из шелка-сырца (РЭМ, № 803-148; 3267-29; 4042-201; Табл. I-3).

Со второй половины XIX в. на таких рубахах появляются воротник-стойка и манжеты*. В горных районах подшивают подоплеку (РЭМ, № 2609).

2. К концу XIX в. (1870–1880-е годы) распространяются рубахи типа русских косовороток, сохранивших здесь прежнее название – в горных районах “кулек”, а на побережье – “кольмек”. Шили их обычно из цветастого ситца. Часто подшивалась подоплека (РЭМ, № 4042-213). В начале XX в. косоворотки, известные все под тем же местным названием, стали использоваться и как верхние рубахи (РЭМ, № 4042-214; Бекетов, 1906).

* В 1850-е годы епископ Таврический Гермоген писал, что одежда крестьянства в Крыму стала принимать форму одежды городских мещан (Гермоген, 1887, 110).

II. Штаны нателные.

1. До 1870-х годов такие штаны назывались только “шальвар”, шились из домотканой, кремового цвета “атмы”, были широкими, длинными, с низкой ромбовидной мотней, у щиколотки стягивались шнурком. Пояс имел широкую вздержку.

2. В конце XIX в. в прибрежном Крыму распространились штаны “ич-топ”, часто шившиеся из фабричных хлопчатобумажных тканей. Они имели прямые штанины и высокую треугольно вырезанную в паху мотню (МАЭ, № 251-2).

III. Штаны верхние.

В начале XIX в. верхние штаны в горно-прибрежном Крыму носили название “штан” (кроме известных в районе Ялты–Алупки “ич-топ”). Такие штаны были широкими в бедрах, сужались в щиколотке. Имели низкую мотню. У знати шились более узкими и из легких тканей, с обязательным присутствием красного цвета. К началу XX в. эти штаны становятся уже в бедрах, а на суконных образцах, как и у степняков, поверх расположенных в боковых швах карманов пришиваются сквозные лямки. В горных районах татары носили штаны, вшитые контуры мотни которых имели форму трапеции, и она доходила до уровня пояса (РЭМ, № 993-31; 4042-185), или форму треугольника, верхний угол которого не доходил до уровня пояса (РЭМ, № 4042-204). В развернутом виде место соединения штанин приобретало форму овала. Встреченные нами в коллекциях РЭМ штаны войлочника, из Бахчисарая, отличаются от остальных образцов тем, что они не имеют вшитой мотни, а просто выкроены полукругом (РЭМ, № 4800-19а). Спереди и сзади крой всех штанов одинаков (Табл. IX-5).

IV. Куртки.

Куртки были представлены несколькими вариантами.

1. С первой половины XIX в. в горной части известны куртки “мийтан” (иначе “елек”), пришедшие из Турции (Гордлевский, 1941, 68). Они шились из плотной шелковой ткани в узкую полоску. Люди с достатком носили куртки из шелковой ткани типа “дороги” (Клейн, 1925, 40-41). На побережье такие куртки появились к середине XIX в. и назывались здесь – “камзол” (МАЭ, № 251-6). На всех тканях, использовавшихся для такого рода курток, было обязательно присутствие красного цвета. “Мийтан” имели длину до талии, разрезы по бокам, нагрудные карманы, вырез мысом и узкий, сужающийся к запястью, рукав с манжетом на пуговицах. К стану рукав пришивался по прямой линии, а под мышкой вшивалась ластовица. Швов на плечах не было. Куртка обтягивала торс и не до конца (из-за обвязывающего ее на талии кушака) застегивалась на ряд частых пуговиц. Длина рукавов подчеркивала возрастные различия: у молодых – выше локтя, у мужчин среднего возраста – до локтя, а у стариков – до запястья. В первоначальном виде этот род курток остался к концу XIX в. только в горных районах (РЭМ, № 2609, 4042-202, 4042-211; БИАМ, № 279; Народы России..., 1994, 37, цв. ил. 2).

Со второй половины XIX в. у курток “мийтан” (“елек”), как и у рубаш, появляется воротник-стойка, и шить их начинают из тонкого сукна чаще бордового или синего цвета (Лашков, 1890, 212). Все швы подчеркивались шнурком из черного сутажа. К левому борту под застежку пришивалась полоса красного сукна (БИАМ, № 267, 269, 284, 285).

2. Куртки “марка”, пришедшие из Турции, где сначала считались только мужскими (Курылев, 1976, 116), известны в горно-прибрежной зоне в мужском костюме со второй половины XIX в. Шились они из сукна бордового цвета, распашными,

длиной до талии, со швами на плечах и с воротником-стойкой. Ровный рукав пришивался к стану по прямой линии и под прямым углом входил в пройму под мышкой. Куртка расшивалась растительным узором из золотных нитей. Расположение узора всегда имело четкую устойчивую схему, повторявшуюся и на мужских, и на женских образцах: на спинке, у ворота, на плечах, у манжет и спереди – в углу полоч (БИАМ, № 191; РЭМ, № 803–6; ЯМК, № 554; Табл. VI–1а, б; 2а, б).

3. Куртки “арнаут елечи”.

К концу XIX в. на побережье, среди состоятельных слоев, распространились куртки “арнауцкой” (албанской) работы, в Крыму не шившиеся, а поставлявшиеся сюда через Турцию*. Они были суконными, черного цвета, длиной до талии (у которой полы сужались), распашные, с воротником стойкой. Длинный рукав не сшивался по внутреннему шву и поэтому всегда свисал до талии, выкраивался он вместе с боковиной и не имел швов на плечах (ЯМК, № 571, 572, 1185; Табл. V–1а, б).

4. Куртки проводников.

К началу XX в. в горно-прибрежном районе, среди проводников большое распространение получили куртки и безрукавки типа “арнауцких”. Профессия проводника, постепенно получившая статус привилегированной, сильно отличалась от известной здесь ранее профессии ямщиков, род занятий, как и характер костюма которых, судя по гравюрам Раффе (Демидов, 1853; Табл. XIV–2), ничем не отличался от костюма обычных татарских жителей. Проводники стали появляться во второй половине XIX в., когда на южном берегу Крыма начали развиваться курорты. Проводники набирались из молодых татар, живших в районе Ялты, и занимались тем, что сопровождали на экскурсии в горные районы приехавших на курорт дам. К концу XIX в. это уже была своего рода каста, представители которой носили костюм, выдержанный в стиле лучших образцов османского костюма, но сшитый обычно ялтинскими мастерами.

Костюм являлся униформой, несколько различающейся зимой и летом. Зимой надевались черные суконные или бархатные расшитые золотом и обтягивающие торс курточки, длиной до талии, с воротником-стойкой. Застегивались они на ряд частых мишурных пуговиц. Слева обычно пришивался карман для часов. Летом их заменяли жилеты, отличающиеся только отсутствием рукавов (опрос автором П. Миметовой, 1990 г., а также фотографии ялтинских проводников).

V. Безрукавки.

Этот вид верхней одежды повторял крой и схему украшения трех вариантов курток: “мийтан” (“елек”), “марка” и “арнауцкие”.

1. “Елек” (БИАМ, № 170, 194; РЭМ, № 801–11, 803–10ж).

2. Безрукавки, называемые “камзол”, – бархатные, расшитые золотом, короткие, без застежек (информатор У.А. Билялова, 1991 г.; Ш. Халилова, 1990 г.).

3. Безрукавки “арнаут елечи” отличались от таких же курток тем, что всегда имели спинку из шелковой ткани контрастного цвета (ЯМК, № 1184, 1186; Табл. V–2а, б).

4. Безрукавки проводников.

Независимо от варианта кроя общее название для всех безрукавок – “елек”.

VI. Камзолы.

Камзолы (название определенного вида одежды, перенятого у русских) вышли

* Может быть, этот тип курток (и безрукавок) утвердился в Крыму с переселением сюда в 1779 г. архипелагских греков, служивших в албанском войске.

из употребления уже к середине XIX в. Этот тип одежды известен нам только по гравюрам конца XVIII – начала XIX в. (Костюм народов..., 1990. Худ. Корнеев; цв. ил. 1). Шились они из легких шелковых тканей светлых тонов (желтых или кремовых), имели длину ниже колен, застегивались до талии на крючки или пуговицы. Воротник-стойка, длинные (иногда сложенные в складки на плечах) рукава сужались к запястью и заканчивались манжетами на пуговицах (Свиньин, 1839, рис. XXXIV).

VII. Халаты и другие виды наплечной одежды.

Халаты были представлены несколькими вариантами.

1. В среде, относящейся к знати, в конце XVIII – начале XIX в. встречалась плечевая одежда нескольких вариантов без рукавов или с короткими рукавами (Костюм народов..., 1990. Худ. Гейслер), только прикрывавшими плечо и кроившимися в виде буфы. Такие буфы, судя по цвету, шились из той же ткани, что и подкладка. Длина халатов – ниже икр, книзу они слегка расширялись. Имели воротник-стойку и внутренние карманы. Шили их обычно из легкой шелковой ткани синего цвета на желтой подкладке.

2. На представителях менее состоятельных прослоек населения того же времени отмечаются халаты с большим запахом, длиной до щиколотки, с широкими отложными рукавами (Сумароков, 1805, рис. 6).

3. Известно, что в середине XIX в. жители южного берега носили короткий халат “татт” (Радде, 1856, 37).

В то же время в горных районах был принят длинный халат синего цвета на цветастой подкладке, широкий, с большим запахом, с отложным воротником и длинными широкими рукавами (Костюм народов..., 1990. Худ. Паули; цв. ил. 2).

4. В начале XX в. в районе Ялты был распространен халат “ирка” (*тур.* – “возвращенный”), очень напоминавший узбекский “чапан” (информатор У.А. Билялова, 1991 г., Ялта). Может быть, это вариант раннего “татт”.

VIII. Пояса.

Пояса представляли неотъемлемую деталь костюма, имели несколько вариантов, разделявшихся по узкому назначению (возрастной принадлежности, ситуации использования).

Ранний и самый распространенный вариант – “кушак” (“кшак”) – шили из длинного полотнища тонкой шерстяной или шелковой ткани, часто с узором из поперечных полос (обычно красного цвета). Он должен был трижды обхватывать талию, отчего и зависела его длина. Знать носила кушаки из дорогих турецких шалей с бахромой. Для ранних вариантов ткань складывалась слоями, а с середины XIX в. ее начали скручивать. Ширина пояса зависела от возраста – чем моложе владелец, тем уже кушак. Их повязывали поверх куртки, камзола или халата (Радде, 1856; цв. ил.).

В конце XIX в. появились “свадебные кушаки” из белой, расшитой на концах кисеи, шириной до 50 см. Они сшивались сбоку и надевались через голову (ГМВ, № 2923 III).

2. Пояса “учкур” (“чкур”) шириной до 25 см из белой домотканой “атмы” расшивались на концах, были гораздо короче кушаков и служили для вздержки шаровар или верхних штанов. Их расшитые концы выпускались вовне и завязывались на животе. “Учкур” известен с конца XVIII до начала XX в. (БИАМ, № 500–523; № 518–520 относятся к концу XVIII в.).

3. “Колан-кушак” носили молодые мужчины с начала XIX в. Это широкие (до 10 см) пояса на кожаной основе, с верхом из черного расшитого золотом бархата.

Они застегивались на большие металлические пряжки круглой формы (ЯМК, № 546, 547).

4. Среди молодежи с начала XIX в. бытовали и серебряные пояса как кавказского (с чернью), так и турецкого происхождения (филигранные) (ЯМК, № 660–663; цв. ил.).

IX. Зимняя одежда.

Зимняя одежда состояла из нескольких вариантов и шилась без строго принятых правил кроя для каждого из них.

1. В горных районах носили прямые, короткие (длиной до бедер) меховые куртки “хсха-ени-курт” с короткими или длинными расширявшимися к пройме рукавами и воротником-стойкой. Чаще они застегивались на пуговицы посредством воздушных петель (РЭМ, № 2609а).

2. В холод, также в горных районах, надевали тулуп из овчины длиной до пят, шитый мехом внутрь (Боданинский, 1930, 18).

3. Под тулуп надевали грубошерстный чекмень (тип черкески).

4. На побережье роль зимней одежды выполняли халаты или описанные нами куртки определенных вариантов, но простеганные на вате (РЭМ, № 3267–7, 4042–202, 4042–211).

X. Головные уборы.

Головные уборы бывали нижние и верхние, домашние и уличные. Иногда они представляли самостоятельную деталь костюма, а иногда входили в элемент целого комплекса головного убора.

1. Нижние шапочки-тюбетейки “такийя”, издавна принятые в Турции (Нерваль, 1986, 90), были известны в Крыму с начала XIX в., и сохранились они до начала XX в. Их шили из легких тканей по форме головы и часто расшивали узором, а иногда вдоль нижнего края околыша пришивалась еще и тесьма. До середины XIX в. на “такийя” навивалась чалма, а позднее стали надевать феску. Шапочки, кроме основы для уличного убора, выполняли и роль самостоятельного, домашнего головного убора, никогда не снимавшегося с головы (цв. ил. 2).

2. Верхние головные уборы были представлены несколькими вариантами, три из которых бытовали только в дореформенный период (т.е. до 1826 г.):

а) высокие, жесткой митровидной формы, обычно зеленого цвета, принятые чаще в среде лиц духовного звания в конце XVIII – начале XIX в. (цв. ил. 1);

б) высокие, жесткой яйцевидной формы, были приняты в это же время в среде знати. Они шились из соединенных золотной тесьмой вертикальных суконных долек, а на макушке завершались пуговицей (Свиньин, 1839, рис. XXXIV; Сумароков, 1805, ил. 8). Такого же рода шапки в тот же период носили на Северном Кавказе представители знати у адыгских народов и ингушей (Студенецкая, 1989, 18, 19, 21);

в) в начале XIX в. у разных слоев населения Крыма встречались неглубокие конусовидные (мягкой и жесткой формы) шапки с пышной меховой опушкой (Сумароков, 1805, ил. 6; Свиньин, 1839, рис. XXXIII; цв. ил. 1). Все эти три варианта после реформы вышли из употребления;

г) с начала XIX в. и до 1930-х годов среди всех слоев населения стали распространяться каракулевые шапки, называвшиеся “калпак”, или “бъюрк”. Они имели чаще жесткую цилиндрическую форму, а иногда раструба или усеченного конуса, с плоским дном (цв. ил. 2), в котором вырезался суконный кружок “тупелик”, расширявшийся часто золотом (МАЭ, № 251–9; РЭМ, № 803–12; Табл. XIII–1). Этот вариант шапок получил в Крыму самое широкое распространение;

д) до 1830-х годов широко бытовал тюрбан, в состав которого входил колпак, являвшийся его основой, и ткань, которой этот колпак оборачивали. В зависимости от социального статуса его владельца колпаки бывали разной формы (Путинцева, 1986, ил. 1–29). Различался и цвет полотнища, и варианты, которыми его “свивали” вокруг колпака.

С 1830-х годов распространилась чалма – “сарик”, где ткань оборачивали уже вокруг шапочки “такийя”, а не вокруг колпака (РЭМ, № 3267–9). К началу XX в. от чалмы осталась узкая белая полоса, принятая только на тулье шапок у представителей слугителей культа, да и то не всегда;

е) башлыки, известные в основном в горной части с начала XIX в. до начала XX в., набрасывались на шапки. Они бытовали как обыденные, сшитые из грубого домотканого сукна, не украшавшегося шитьем, и как нарядные, из тонкого черного сукна на шелковой подкладке. На макушке и в углу лопастей расшивались растительным узором из золотных нитей и дополнялись кистями (БИАМ, № 278). Такие башлыки очень походили на грузинские образцы;

ж) фески широко распространились в горно-прибрежной зоне после турецкой реформы 1826 г. Здесь они, как и в Турции (и во всей Османской империи), заменили многие прежние, уже перечисленные нами, варианты головных уборов. Мужские фески имели жесткую форму в виде усеченного конуса, шились из сукна, чаще бордового, реже черного цвета. Из центра донышка выпускалась длинная шелковая кисть черного или синего цвета. У подростков фески были по типу стамбульских, шились из бордового сукна по форме головы и присборивались на макушке, откуда спускалась длинная кисточка. Такой вариант фесок был известен ранее образцов, имевших форму усеченного конуса, и дожил в костюме детей и подростков (как мальчиков, так и девочек) до начала XX в. (РЭМ, № 803–13).

XI. Обувь.

Существовало несколько вариантов обуви, разделявшейся на домашнюю и уличную. Вся обувь надевалась на высокие вязаные носки “чораб” (РЭМ, № 993–31/ж).

1. Дóма ходили в сафьяновых сапожках “мест” на мягкой подошве обычно желтого, а у пожилых – черного цвета. У молодых они часто расшивались золотными нитями и украшались аппликацией.

2. Домашней, а иногда и уличной обувью, как и в Турции, служили шлепанцы “папуч”, известные еще в конце XVIII в. (Костюм народов..., 1990. Худ. Гейслер). Они часто выкраивались с язычком у подъема, имели в меру тупой носок и толстую ровную подошву. На ранних образцах конца XVIII – начала XIX в. встречался каблук в виде танкетки. У богатых татар “папуч” были красного, а у менее состоятельных – желтого цвета.

3. Домашними и уличными были и сафьяновые туфли “терлик”, тоже украшавшиеся шитьем. Они имели ровную подошву, слегка приподнятый носок и язычок у подъема. Задники тоже завершались небольшим, выпущенным вверх язычком (РЭМ, № 24138).

4. Туфли “емени” (йеменские), пришедшие из Турции, с начала XIX в. имели толстую подошву без каблуков, острый, загнутый вверх носок – “птичий клюв”, у подъема выкраивался язычок (Демидов, 1853. Худ. Раффе).

5. Уличные туфли, в которые надевались сапожки “мест”, в южнобережном Крыму назывались “чизма” и “коревле”, а в горах “катыр”. Это была глубокая обувь из желтой кожи на плотной подошве, с невысоким каблуком на подковке, от-

чего и называлась “катыр” (*тур.* – трескучие) (РЭМ, № 3267–5, 10). В начале XX в. этот тип приблизился к типу европейской обуви – появилась укрепленная на ремешке пряжка (МАЭ, № 251–4), и их часто называли “калоши”.

6. Были приняты и хромовые сапоги, постепенно видоизменявшиеся. В начале XIX в. их шили на невысоком каблуке, в меру остроносими, плотно обтягивавшими стопу и резко расширявшимися от щиколотки до уровня середины икры (Свиньин, 1839, рис. XXXIII). К концу XIX в. сапоги шились из блестящего хрома по форме ноги, высотой до колен и с высоким каблуком. В основном их носили представители состоятельных слоев населения.

7. В горах, среди бедняков и чабанов, были распространены остроносые “постолы”. Шили их каждый для себя из прямоугольного куса сыромятной кожи, со швом спереди и сзади. В проделанные вдоль верхней кромки отверстия продевался узкий длинный ремешок (длиной до 3 м), стягивавший этот кусок кожи по форме ступни и затем спиралевидно или крест-накрест оплетававший ногу до колена поверх носков или портянок (информатор Османова, 1991 г.).

СТЕПНАЯ ГРУППА

I. Рубахи.

Тип нательной одежды степняков до второй половины XIX в. неизвестен. Предположительно они могли носить рубахи, но распашные. С.А. Плетнева, изучавшая половецкие каменные изваяния XI–XIII вв., писала, что у половцев и мужчины и женщины носили под кафтаном длинную исподнюю рубаху с длинными рукавами (Плетнева, 1974, 35, 51).

1. По сведениям Жана де Люка, степняки носили камзолы, грудь под которыми была совершенно открыта (Люк, 1879, 487). Возможно, “камзолами” здесь названы распашные нательные рубахи, известные и по костюму казахов (“жегде”, “желден”) и киргизов. В самом начале XIX в. барон фон Кампенгаузен писал, что степняки рубах не носят (Кампенгаузен, 1810, 41). С 1830-х годов в этой зоне появляются льняные и хлопчатобумажные рубахи, сшитые из домотканого полотна “атма” (Краткий обзор..., 1836, 212).

2. В самом конце XIX в. (1890-е годы) распространяется вариант русской косоворотки. Такие косоворотки назывались “каптан”, или “зубун”.

С начала XX в. косоворотка под тем же местным названием употребляется и как верхняя рубаха, шившаяся здесь обычно из однотонных фабричных шерстяных тканей, чаще темных тонов (РЭМ, № 3267–2).

II. Штаны.

О штанах степняков в 1625 г. Ж. де Люк писал, что хлопчатобумажные (нательные?) штаны были для них роскошью (Люк, 1879, 487). С 1830-х годов известно, что мужчины носили такие же льняные широкие “панталоны”, как и женщины (Краткий обзор..., 1836, 213).

В начале XX в. нательные штаны повторяли вариант ранних горно-прибрежных – с широкими штанинами, стянутыми у щиколотки, и низкой мотней (Бонч-Осмоловский, 1925, 52).

III. Штаны верхние.

Верхние штаны “стан” (иначе – “штан”) в начале XIX в. шились из кожи или сукна домашнего валяния. К середине XIX в. в качестве зимних известны уже только суконные. У чабанов зимой были распространены еще и меховые, шитые мехом

внутри, а летом – льняные, из промасленной ткани (Чеглок, 1910, 26). Среди общепринятых летних верхних штанов широко бытовали демикотоновые (плотная жесткая хлопчатобумажная ткань) (Дубровин, 1871, 267). Штаны, носившиеся в конце XIX в. в степной зоне, не отличались от принятых в горном Крыму (РЭМ, № 3267–4; Табл. IX–1, 2, 3). Исключение представляют встреченные нами штаны из Евпатории – без мотни, штанины здесь соединяет жестко вырезанный угол (Табл. IX–4).

IV. Куртки.

Куртки в степную зону пришли из горно-прибрежной в конце XIX в. и были представлены двумя вариантами.

1. “Елек”, или “мийтан”, отличались от горно-прибрежных образцов только худшим качеством ткани и шились более небрежно (РЭМ, № 2609, 3267–3, 3267–7).

2. “Марка” отличались здесь менее тщательным кроем и более примитивным узором.

V. Безрукавки.

Безрукавки “елек” появились в степи в конце XIX в. и повторяли крой горно-прибрежных курток “елек”. Шились из более плотных и грубых тканей.

VI. Кафтаны.

Кафтаны “каптан”, или “бешмет”, шились из сукна, известны с начала XIX до начала XX в., относились к летней одежде и были приняты у степняков среднего достатка (Дубровин, 1871, 267). Их крой, как и крой “чекменей” (“чепкен”, иначе – черкесок), по впечатлению от опроса местных жителей, очень напоминал варианты, принятые у северокавказских ногайцев и описанные С.Ш. Гаджиевой (Гаджиева, 1976, 102–107). Она, как в свое время и П.С. Паллас (конец XVIII в.), отмечает единый тип одежды всех ногайцев (степняков), совместивший некоторые черты северокавказской и среднеазиатской одежды (пример тому – варианты кроя нательной одежды, нашивки с амулетами на спинке верхней одежды и др.) (Гаджиева, 1976, 100, 104, 106). Естественно, что со времени П.С. Палласа в одежде степняков произошли определенные изменения, но остались черты, объединившие круг культуры, близкой им исторически и генетически.

VII. Халаты.

Халаты из тонкого сукна разных цветов носили у степняков Крыма с начала XIX в. представители знати. Они были похожи на турецкие образцы и, очевидно, пришли из Турции путем торговых связей (Петухов, 1820, 20).

VIII. Пояса.

У населения степной зоны Крыма роль пояса до начала XX в. выполняли как разноцветные платки, так и пришедшие сюда к концу XIX в. варианты горно-прибрежных поясов, не получившие здесь большого распространения.

1. “Учкур” (“чкур”), распространившийся довольно широко к концу XIX в. в степной зоне и употреблявшийся для вздержки как нижних, так и верхних штанов, был уже, чем у горно-прибрежных (10–15 см). Очевидно, это происходило потому, что в этой зоне прежде роль вздержки отводилась обычно шнуру. Концы “учкура” в степи расшивались гораздо скромнее.

IX. Зимняя одежда.

Зимняя одежда различалась у разных слоев населения.

1. Еще в 1625 г. Ж. де Люк писал о принятой у перекопских татар бурке, называвшейся “капуджи”, или “табунчи”, и служившей во время переходов шатром или палаткой (Люк, 1879, 480). В 1860-е годы Н.Ф. Дубровин писал о тонких плащах типа бурки, носившихся ногайцами (Дубровин, 1871, 87).

2. Нагольную шубу “тон”, крытую чаще сукном или бархатом, до середины XIX в. носили представители состоятельных кругов (Дубровин, 1871, 267). Затем она вышла из употребления.

3. Бедняки носили меховой полушубок “хсха-ени-курт”, грубо сшитый, без соблюдения определенных традиций кроя, иногда застегивавшийся на пуговицы посредством воздушных петель (РЭМ, № 2609а).

4. В мороз в дорогу брали шитый мехом внутрь бараний тулуп “узун” длиной до пят (Бонч-Осмоловский, 1925, 61).

5. В дождь набрасывали суконный дождевик “джаб-ширлук”^{*}, шившийся из узких полос домотканого сукна и имевший вид шинели с небольшим капюшоном. Его длинные и широкие рукава закрывали кисти рук (Фиельструп, 1923).

Х. Головные уборы.

Головные уборы представляли несколько вариантов и разделялись на нижние и верхние.

1. Нижние шапочки “рахчин” (“арахчин”) имели форму полусферы и в начале XIX в. шились из мягкой кожи, кроились из полоски (для околыша) и четырех треугольных клиньев (для верхней части). Летом их носили как верхний убор (Краткий обзор..., 1836, 211–212). У пожилых и богатых татар такие шапочки расшивались серебром, а в конце XIX в. их стали шить и из сукна и расшивать золотом независимо от возраста и достатка.

Нижние шапочки “такийя” шили из хлопчатобумажных тканей. Они были распространены также в Поволжье и в Средней Азии. Шапочки состояли из околыша и донышка, к которому околыш слегка присборивался (ККМ, № 74).

2. Шапки конусовидной формы, известные еще до начала XIX в., шились из кожи и оторочивались пушистым мехом. Они очень напоминали шапки казахов и уйгур (Сумароков, 1805, ил. 6). К концу XIX в. такие шапки уже вышли из употребления.

3. Со второй половины XIX в. в степи широко распространились разные варианты каракулевых шапок, называвшихся в степи, как и в горно-прибрежной зоне, “бъорк”, или “калпак”. В основном они были цилиндрической формы (РЭМ, № 3267–1) и во всех деталях повторяли шапки, бытовавшие в это же время в других частях Крыма.

4. С начала XIX в. обязательной принадлежностью степняка зимой был башлык, шитый из грубой домотканой шерсти (Краткий обзор..., 1836, 211).

5. Фески, называвшиеся здесь “пэс”, пришли в степь к концу XIX в. и имели не столь нарядный вид, как в местах, откуда они распространились, были сшиты более небрежно, кисть обычно отсутствовала.

ХІ. Обувь.

1. Степняки издавна ходили дома в стеганых ватных сапогах (Куфтин, 1928).

2. С начала XIX в. известны широко бытовавшие и в Средней Азии мягкие домашние сапожки “мес”, чаще черного цвета (Краткий обзор..., 1836, 18, 212).

3. Глубокие туфли “аягкап” (называвшиеся иначе и калошами, очевидно, уже под русским влиянием) надевали на сапожки “мес”, выходя на улицу. Они встречались также и у казанских татар, и в Средней Азии (Россия..., 1910, 219; РЭМ, № 3267–5, 10).

^{*} Е.Н. Студенецкая отмечает, что П.С. Паллас, упоминая о меховом плаще, приводит адыгский термин “джако-щяклуэ”. Но у народов адыгской группы так называют бурки (Студенецкая, 1989, 16).

4. С начала XIX в. в дождливую и снежную погоду носили сапоги из жесткой кожи красного или черного цвета (Краткий обзор..., 1836, 212).

5. Среди бедноты были распространены постолы, повторявшие вариант горных образцов. Они надевались на высокие вязаные носки “чораб” или на суконные портянки “булгар-саргы” и носились даже зимой (РЭМ, № 4042–186).

КОМПЛЕКС ЖЕНСКОГО КОСТЮМА

ГОРНО-ПРИБРЕЖНАЯ ГРУППА

I. Рубахи.

1. Рубаха “сайяхлы кольмек”, “кульмок” (побережье) и “кулек” (горные районы) известна с конца XVIII в. и имела хождение до начала XX в. Материал – домо-тканое полотно “атма” кремового цвета. Крой: стан из единого, сложенного пополам полотнища, боковины доходят до уровня груди, где присборены. Длина рубах на побережье – 10–12 см выше щиколотки; в горных районах они были короче – до середины икры. Рукав, широкий и длинный*, засучивавшийся во время работы (Боданинский, 1930, 18), образовывало полотнище, пришитое поперечно к стану (по прямой линии). Между рукавом и боковиной вшивалась ромбовидная ластовица. Круглой формы ворот обшивался руликом. Эти рубахи очень походили на рубахи турчанок и резко отличались от мужских кроем рукава (ГМБ, № 13779III; Табл. I–2 а, б).

2. К концу XIX в. рубаха становится уже, рукав – уже и короче, появляется воротник-стойка, а иногда и манжеты, отделявавшиеся, как и подол, кружевом. Грудь и спинка часто подшивались подоплекой (ГМБ, № 360дф; МАЭ, № 251).

II. Штаны.

1. Нательные штаны “шальвар” (в восточной части горных районов Крыма известные еще как “туман”) мы видим на гравюрах конца XVIII в. и встречаем их до начала XX в. Они шились широкими, с ромбовидной мотней, у щиколотки стягивались шнурком. Штанины кроились из двух типов ткани разного цвета. Верхняя часть была обычно белая, а низ, называвшийся “ал яхонт муз” (*тур.* – ало-красные от смущения) (Боданинский, 1930, 293), чаще шили из красной или цветастой ткани. Штанины должны были обязательно прикрывать щиколотку. Пояс имел широкую вздержку.

2. С конца XIX в. на побережье нательные штаны известны под названием “ич-топ” (МАЭ, № 251–13), а в горах “штан”, хотя их крой не изменился (РЭМ, № 993–30/б).

3. В первой половине XIX в. представительницы состоятельных слоев носили более узкие, часто шелковые, штаны (цв. ил. 2).

III. Платья.

Платья меняли свой облик на протяжении всего XIX в.

1. С первой половины XIX в. и до начала XX в., а в районе Бахчисарая и в 1920-е годы бытовали платья “антер”, пришедшие из Турции. Шились они из шелковых жаккардовых тканей, распашными, на подкладке. Эти платья туго обтягивали торс до та-

* А. Вадзинская писала в начале XX в., что в горно-прибрежной зоне в обычные дни надевалась коленкоровая или ситцевая рубаха, а в праздники – шелковая, и рукава ее виднелись из-под узких рукавов платья (Вадзинская, 1914, 14).

лии и резко расширялись от бедер благодаря вшитым клиньям “джабу”. От талии шел глубокий коленчатый запах справа налево*. Длинный узкий рукав, пришивавшийся к верхней части стана, представлял единое целое с боковиной и плавно переходил в плечо без плечевых швов. Рукав заканчивался чаще бархатными, расшитыми золотными нитями нарукавниками “къапакъ” двух вариантов: отворачивавшимися и пристегивавшимися, имевшими разную форму (Табл. XVII–1, 2; цв. ил. 5). Их часто заказывали специально у бахчисарайских мастериц (информатор У.А. Билялова, 1991 г.). Под глубокое декольте, обычно при выходе на улицу или перед приходом гостей, надевался нагрудник “коксюк”, украшавшийся монетами (РЭМ, № 6248–133) или шитьем. Такой вариант назывался “зюре” (БИАМ, № 350) и очень походил на грузинские нагрудники “гулиспири”. Постепенно размеры нагрудников, как и размеры декольте, уменьшались. Длина платья зависела от возраста его владелицы: у молодых – до колен, у женщин зрелого возраста – до середины икры, а у старух – до пят (Радде, 1856, 28). К началу XX в. этот тип платьев сохранился в среде пожилых женщин РЭМ, № 6704–17, 24063; МАЭ, № 251–16; БИАМ, № 171; Табл. II–2) и жен служителей ислама. В холодную погоду под платье такого рода поддевали чехол, называвшийся “зубун” или “къапакъ-антер” (*тур.* – чехол под платье). Чехлы повторяли фасон платьев, но имели короткие рукава. Чаще хлопчатобумажные чехлы простегивались на вате, или они шились из шерсти (РЭМ, № 803–2; Табл. II–3а,б). Места, которые могли выглядывать из-под платья, обшивались той же тканью, что и само платье, и отделывались тесьмой “шерт”.

2. В конце XIX в. встречается переходный, европеизированный вариант платья, тоже носивший название “антер”. От кроя прежнего варианта в нем остался рудимент в виде разреза на талии, идущего влево от центра переда до бедра, иногда опускавшийся углом ниже бедра, где застегивался на пуговицу, – напоминание о коленчатом запахе. Сохранились и расшитые манжеты, и тип ткани – жаккардовый шелк (ЯМК, № 568, 1168).

3. К началу XX в. появляются платья “русского покроя”, перенявшие название прежних вариантов – “антер”. Это шелковые “ипек-антер” (ЯМК, № 558) и входившие в моду бархатные – “къадифе-антер” (коллекция А. Умерова). Особенности их кроя: отрезное по талии, с присборенной юбкой, воротник-стойка, выкройной рукав с нарукавником “къапакъ” (Табл. IV–3).

IV. Платья-халаты.

Платья-халаты “шамаладжа-антери” пришли из Турции и широко распространились среди других народов Крыма: караимов, крымчаков, цыган. Известны на полуострове с начала XIX в. и до начала XX в. Их шили из вощенной шелковой ткани в узкую двух-трехцветную полоску. Они напоминают крой ранних вариантов платьев “антер”, но отличаются более смягченной формой деталей: меньше вырез, свободнее в груди, не так выступают боковые клинья, запах прямой, а не коленчатой формы, и ложится по косой. По бокам у подола имеются разрезы (БИАМ, № 171, 203; ЯМК, № 568; Табл. III–2).

* Г. де Рубрук еще в 1853 г. писал: “На следующий день после свадьбы женщина надевает широкую и длинную рубашку (платье), разрезанную спереди, которую она завязывает на правом боку. Ибо татары отличаются от турок именно тем, что турки завязывают свои рубашки с левой стороны, а татары всегда с правой” (Путешествие..., 1987, 77). В рассматриваемом нами костюме периода XVIII – начала XX в. такое четкое разделение в запахе у степной и горно-прибрежной групп, унаследовавших основные черты турецкого костюма, проследить уже трудно.

V. Передники.

Передники “пештамал” имели вид плата, приспособленного с одной стороны и пришитого к узкому поясу. Длиной были выше колен. В начале XIX в. передник представлял обязательную деталь женского платья, его шили иногда из той же ткани, что и само платье, или из дорогого, украшенного шитьем материала. К началу XX в. такой вариант передника остается только в костюме, который надевали на свадьбу матери жениха и невесты (информатор Р.К. Бозгязиева, 1991 г.).

Со второй половины XIX в. передники шьют из полосатых или клетчатых тканей (РЭМ, № 4042–237).

В начале XX в. молодежь надевала затрапезный передник, и только при уборке дома, а пожилые носили всегда, но скромный.

VI. Куртки.

Куртки в женском костюме, так же как и в мужском, были представлены несколькими вариантами.

1. В начале XIX в. в Бахчисарае в костюме девушек из знатных семей появляются пришедшие из Турции куртки “салта-марка” – бархатные, черного цвета, распашные, длиной до бедер, расшитые золотом. Шились они без воротника и имели широкий рукав (Приезд в Бахчисарай..., 1840, 208).

Со второй половины XIX в. такие куртки назывались просто “марка” и считались свадебными или праздничными. Шились они уже из бархата бордового цвета и были широко распространены по всей горно-прибрежной зоне (РЭМ, № 805–5, 4069–9; Табл. VII–1а, б, в).

К концу XIX в. в районе Ялты они называются “мхламалы кофта” (*там.* – “расшитая золотом”) (информатор П. Милятова, Ялта, 1991 г.). Крой, цвет материала и расположение узора повторяли мужские образцы, отличие было только в характере ткани: у мужских – сукно, у женских – бархат. Шили их на руках. Они имели швы на плечах. Рукав по прямой линии пришивался к пройме, иногда расширяясь за счет ластовиц. Если ластовиц не было, то рукав под мышкой вкраивался в пройму под прямым углом. Появился воротник-стойка. Куртки имели подкладку.

2. Куртки “тон” распространились со второй половины XIX в., были известны и на Кавказе (Карачаевцы, 1978, 170; Волкова, Джавахишвили, 1982, 69). Их шили из бархата или атласа бордово-лиловых тонов. Такие куртки имели приталенный силуэт, длиной доходили до бедер, шились без воротника, с вырезом мысом. Полы выкраивались по косой и заходили одна на другую (справа налево). На бедрах имелись или разрезы, или вшитые клинья. Украшались “тон” чаще полосами из широкой золотной тесьмы “шерт”, закрывавшей швы, а иногда расшивались узором (РЭМ, № 24052, 4069–10; ЯМК, № 183; цв. ил. 4).

3. К концу XIX в. появляется вариант курток “эльбаде”, которые шились из бархата бордового цвета и имели сложный европеизированный крой: длиной до бедер, рукав выкройной, присборенный у плеча и резко сужающийся к запястью, с отложным манжетом. Отложной воротник пришивался к вкроенной стойке (как на европейских мужских рубашках) и дополнялся лацканами. Приталенная спинка имела шов в центре, и с каждой стороны вшивалось по полке, выкроенной в виде полукруга, обращенного выпуклой стороной к центральному шву. Вверху концы полки доходили до проймы, а внизу – до подола, резко подчеркивая линию талии и образуя пышные складки на бедрах. Грудь обтягивалась за счет выточек, застегивалась на внутренние крючки, слева пришивался карман. Воротник, манжеты, борта, подол, верхняя часть спинки и карман расшивались растительным узором из золотных ни-

тей (ГМВ, № 976III; ЯМК, № 351, 1182; Табл. VIII). Со слов информаторов, рукава на женских куртках должны были обязательно прикрывать запястье.

VII. Безрукавки.

Безрукавки “елек” повторяли крой, схему расположения узора и ткань курток “марка”. Были распространены с первой половины XIX в. и до первой половины XX в. Встречались гораздо реже курток.

VIII. Фередже.

1. “Фередже” – плечевая одежда, накидывавшаяся на плечи и надевавшаяся в рукава, а со второй половины XIX в. в некоторых районах и набрасывавшаяся на голову, т.е. она уже использовалась как деталь одежды мусульманки. К сожалению, у нас очень ограниченные и часто противоречивые сведения об истории формирования этого вида одежды в Крыму, что не дает возможности воссоздания полной картины изменения особенностей ее внешнего вида с учетом различий по зонам. Самые ранние сведения о “ферадже” в Крыму относятся к середине XVII в. Они появились как женская одежда в среде бахчисарайской знати. Шились из шерстяной ткани белого цвета, имели широкий ворот (Книга путешествия..., 1999, 52). Сюда “фередже” пришла, очевидно, из Турции, где носилась в рукава, будучи уличной одеждой женщины-мусульманки. А для закрывания лица служил платок – “яшмак”. К концу XIX в. в Турции “фередже” постепенно выходит из употребления (Hansen, 1983, 152–153). Ее функции как одежды женщины-мусульманки в Османской империи выполняет покрывало “чаршаф”, распространенное среди широких слоев населения. Наплечные “фередже” как уличная одежда известны на побережье Крыма со второй половины XIX в., но здесь она стала иногда использоваться и как наголовная накидка мусульманки. Как писал В.Ф. Миллер в 1860-е годы, «при выходе из дому, сверх всего, надевают еще “фередже”, суконную накидку розового или зеленого цвета с короткими рукавами; при недалних отлучках со двора “фередже” набрасывают на голову вместо чадры или покрывала» (Миллер, 1887, 81). В начале XX в. в районе Ялты известны наплечные “фередже”, судя по крою, надевавшиеся в рукава. Они были длиной до колен, с большим запахом, широкими рукавами, плавно переходящими в боковины, без швов на плечах. У этих “фередже” (судя по двум музейным образцам) непривычные особенности кроя – боковины отрезные, присборенные на талии (МАЭ, № 251–1; ЯМК, № 557; Табл. III–3, 4). В начале XX в. в Бахчисарае “фередже” надевали на невесту как свадебную наплечную одежду (Бонч-Осмоловский, 1926, 41).

Со второй половины XIX в. местами “фередже” стали использоваться в горном и прибрежном Крыму как наголовные накидки при выходе из дома. Таким образом, они стали представлять деталь костюма, характерную для женщины-мусульманки, уже в совершенно определенном назначении, так как в силу религиозных установлений женщины вынуждены были на людях закрывать лицо и фигуру.

В начале XX в. на побережье встречались наголовные накидки, называвшиеся “камзол”. Они имели узкие длинные ложные рукава, спускавшиеся вдоль спины. Обыденный камзол шили из ярких шерстяных тканей, а нарядный – из шитой золотом парчи (Россия..., 1910, 220). В то же время Б.А. Куфтин, очевидно, по рассказам информаторов, писал, что, «в южнобережном Крыму на голову накидывали прежде, по обычаю прочих мусульманских стран, особый халат “фередже” с глухими рукавами, которыми завертывали верхнюю и нижнюю часть лица, оставляя глаза» (Куфтин, 1992, 244). В другой работе тот же Б.А. Куфтин сообщает, что «слово ферязь, применявшееся в XVIII в. для обозначения мужской и женской длинной верхней распашной боярской и царской одежды... имеет восточное происхождение и до

сих пор известно в Турции и в Крыму в форме “фараджа” для обозначения широких халатов, исключительно женских, носимых часто в виде покрыва на все тело, с ви-сящими, зашитыми иногда на концах рукавами, которые у “паранджи” сартянок Средней Азии делались ложными...» (Куфтин, 1926, 109).

В результате рассмотренных сведений можно сказать, что устойчивого мнения (даже у одних и тех же авторов) об этом виде одежды, бытовавшей и в Крыму, нет, как не сложилась и устойчивая манера ее употребления.

2. Фередже-марама.

“Фередже-марама” (*тур.* – накидка-шарф) – это местное крымское название покрывала женщины-мусульманки. Точно такое же покрывало было принято и у турок, но под названием “чаршаф” (*тур.* – покрывало мусульманской женщины). Это покрывало пришло из Турции в горно-прибрежную зону и было известно еще в XVIII в. Оно было обычно белого цвета, больших размеров, набрасывалось по-верх нижних уборов и драпировалось так, что закрывало волосы, лоб и скрывало линии тела. Нижнюю часть лица до уровня глаз закрывал тонкий платок, завязывавшийся на затылке (Приезд в Бахчисарай..., 1840, 218; Табл. X). В начале XIX в. его начинали носить девочки с 14 лет (Радде, 1856, 39), а в районе Бахчисарая – с 12 лет. Есть сведения, что в конце XIX в. на побережье такое покрывало впервые надевала невеста на свадьбе (Каралезли, 1992, 228).

IX. Пояса.

В женском костюме пояса были представлены многими вариантами.

1. С конца XVIII в. роль пояса выполняли большие шерстяные шали “киих”, сложенные по диагонали и завязанные на талии так, что длинный угол спускался по спине почти до пола, а передние концы ложились под передник (РЭМ, № 4042–244). В районе Ялты они назывались “араба-шалл” (арабская шаль?). В Турции повязанные таким образом шали традиционно носили турки, армяне, греки, грузины (Кузнецов, 1995, 276).

2. С конца XVIII в. встречались длинные тканые и вязаные кушаки, как и мужские, трижды оборачивавшиеся вокруг талии (РЭМ, № 993–30ж).

Кушаками назывались и пояса из тонкой полосатой, сложенной в несколько слоев ткани, они застегивались на большую серебряную пряжку и перехватывались на определенном расстоянии серебряными зажимами. Это вариант известен как “ипши-кушак” с конца XVIII в. и до середины XIX в. только в женском горно-прибрежном костюме (Броневский, 1822, 39; ЯМК, № 663).

3. Пояса “учкур”, использовавшиеся для вздержки шарова, были уже мужских, а в остальном повторяли их.

4. С конца XVIII в. известен “колан-кушак”. Его носили девушки и молодухи, и он повторял вариант мужских поясов с тем же названием. В районе Бахчисарая такой пояс назывался “къапакълы кушак” и считался свадебным или праздничным (Боданинский, 1930, 18; РЭМ, № 993–29д).

5. С начала XIX в. бытовали и пояса, плетенные из золотных нитей, с геометрическим узором (Радде, 1856, 40).

6. Люди достаточные с конца XVIII в. и до начала XX в. носили серебряные и позолоченные филигранные пояса “лагшван кшак” турецкого образца или кавказские с чернью – “ипшлы кшак” (*тур.* – “благородный пояс”), представленные у Е.Н. Студенецкой как осетинские (Студенецкая, 1989, 179). У женщин они были более широкими, а у девушек – узкими. Причем в конце XVIII в. пояса были шире (до 7 см), чем в конце XIX в. (2–4 см).

Х. Зимняя одежда.

Специально зимней женской одежды в горно-прибрежном Крыму не существовало, ее роль выполняли разного рода куртки.

1. Куртки “хырха” (*тур.* – “стеганые”) были распространены в основном в районе Бахчисарая, повторяли крой, цвет, ткань и узор летних “марка”, но только простегивались на вате. Они встречались и в костюме караимов и крымчаков. Их носили и в Грузии. На территории Турецкой империи они были приняты у многих этносов (Кузнецов, 1995, 271).

2. Куртки “курк” на побережье и “друбе” в горных районах отличались от “хырха” и “марка” меховой, обычно беличьей оторочкой (с хвостиками), располагавшейся вдоль пол, подола и манжет (БИАМ, № 204, 305).

3. Куртки “тон” повторяли летний вариант, но имели ватную подстежку (БИАМ, № 289).

4. Платья “антер” делала зимними теплая ватная подстежка “зубун”.

ХІ. Головные уборы.

Головные уборы отличались большим разнообразием вариантов: платки, шарфы, налобные повязки, шапочки, чалмы, покрывала. Иногда головной убор представлял самостоятельную деталь, иногда состоял из комплекса элементов.

1. Платки:

а) с начала XIX в. непосредственно на голову набрасывались тонкие маленькие платочки, все четыре конца которых завязывались на затылке. Они украшались набивным узором и назывались “беркенчик” или “бурунчик” (РЭМ, № 993–20к). Это же название для головного покрывала мы встречаем и у ногайцев Северного Кавказа. Там они выглядели иначе и выполняли роль свадебного (Гаджиева, 1976, 153–154). В начале XX в. в горно-прибрежной зоне такие платочки стали носить еще и название “фрланте” (информатор Консул, Ялта, 1992 г.);

б) поверх нижнего платка повязывали платок большего размера “киик халты” (*тур.* “халты” – ошейник). Его завязывали, обводя вокруг шеи (Чеглок, 1910, 25). В начале XX в. такой платок пожилые женщины надевали поверх фески;

в) платок “язма” (*тур.* – набивной) был широко принят и в Турции, где его носят и по сей день. В Крыму, в горно-прибрежной зоне, он бытовал в среде девушек и молодых женщин, надевали его под или поверх фески;

г) еще в конце XVIII в. на два нижних платка женщины надевали большой расшитый золотом и шелком платок “чембер” (другое название – “йемени”). Его повязывали на затылке так, чтобы концы и угол спускались на спину (РЭМ, № 993–30).

2. Шарфы.

Важная роль среди головных уборов отводилась и шарфам, они были представлены тремя вариантами:

а) шарфы “марама”, пришедшие в конце XVIII в. из Турции, обычно носили женщины после замужества, а в районе Бахчисарая – после 40 лет. Именно “марама” набрасывали на волосы во время чтения молитвы и в трауре. Шили их из домотканой “атмы” кремового цвета и украшали вышитым или затканым узором. “Марама”, украшенные узорным ткачеством, были распространены в конце XIX в. в районе Ялты (опрос информаторов, 1991 г.). Ялтинские “марама” были большего размера, чем все прочие, и имели свои особенности украшения. По этому признаку их можно разделить на три варианта:

– “янкил марама” (“янки” *тур.* – боковой) – с орнаментом, затканым или, реже, вышитым на концах;

– “топу марама” (“топу” *тур.* – всё) – с орнаментом, распределенным по всему полю и более густо – на концах;

– “агыр марама” (“агыр” *тур.* – торжественный, ценный, тяжелый) – с орнаментом, украшавшим все поле и концы, и имевший кайму по бокам (обычно в виде летящих птиц) (Афанасьева, рукопись).

Цвета узора были кремовые, на кремовом же фоне, или черные с красным. В конце XIX – начале XX в. встречалась не принятая здесь ранее вышивка крестиком, говорящая о влиянии болгарских или украинских поселенцев. Завершала шарфы широкая полоса вязаного крючком кружева, часто заканчивающегося пришитыми разноцветными кистями. В степной части такие шарфы украшал на концах орнамент, но более простой, а завершавшее их кружево представляло собой узкую полосу;

б) “шербенте” носили молодухи и девушки на выданье. Их шили из легких тканей разных цветов, расшивали на концах. “Шербенте” были меньшего размера, чем “марама”, и набрасывали их обычно не непосредственно на волосы, а поверх двух нижних платков или фески (Бонч-Осмоловский, 1925, 25; цв. ил. 6);

в) покрывала “фрланте”, называвшиеся, как и платки, шились из разноцветного “газа” и расшивались по всему полю блестками, имели небольшой размер. В районе Бахчисарая они назывались “буркенчик” и во время свадьбы ими, как вуалью, закрывали лицо невесты (РЭМ, № 24099). Эти покрывала обшивались кружевом, плетеным из золотных нитей (Боданинский, 1925–1926, 302).

К концу XIX в. все эти платки и покрывала стали в быту называться “чадрой” (Студенецкая, 1989, колл. № 8705–1).

3. Налобные повязки.

Под “фрланте” (“буркенчик”) в праздники еще в конце XVIII и до начала XX в. надевалась налобная повязка, принятая в основном в горных районах и со временем менявшая свой облик:

а) в конце XVIII – начале XIX в. в горном Крыму была принята пришедшая из Турции повязка “баш-алтын”, считавшаяся деталью праздничного убора замужней женщины. Она представляла собой широкую полосу, плетеную из золотных нитей или расшитую ими, с круглой, фестончатой розеткой в центре и сплошным рядом золотых монет, укрепленных вдоль нижней части. Завязывалась она на затылке тесемками (сведения Э. Мамбетовой, Бахчисарай, 1991 г.);

б) в 1920-е годы в Бахчисарае молодые женщины в праздники надевали под шарф повязку в виде полуовала, сплошь украшенную золотыми монетами и дополненную на макушке султанчиком (Боданинский, 1925–1926, 293).

4. Чалмы.

Чалма представляла собой длинное полотнище или шарф, укладывавшийся на голове без основы в виде шапочки, которая была обязательна для мужской чалмы, т.е. у женщин это всегда был самостоятельный головной убор, известный с конца XVIII – до начала XX в. Девушки носили разноцветные чалмы, а женщины – белого цвета (Куфтин, 1924). Называлась чалма “дюльбень”, или “дюлбез”. При повязывании один ее конец обязательно выпускался на спину и в начале XIX в. доходил до крестца (Радде, 1856, 37), а иногда бывал и длиннее. К началу XX в. чалму свивали уже чаще из тонких платков, отчего она была гораздо меньше, и выпущенный кончик слегка виднелся (информатор Консул, Ялта, 1991 г.).

5. Фески.

Феска за весь период своего существования несколько раз меняла форму, и к концу XIX в. были известны все ее варианты, правда, тип ранних образцов встречался уже гораздо реже:

а) шапочки “тарбуш” (*тур.* – “феска”) привозили в горно-прибрежный Крым из Турции еще в середине XVIII в., и здесь тогда они считались исключительно деталью женского, а не мужского головного убора (Пейсонель, 1927, 16). Фески различались своей формой – неглубокие, цилиндрические, расшитые по околышу золотными нитями. Дно украшала розетка с кисточкой. Позднее, к концу XIX в., такие шапочки носили пожилые богатые женщины в разных районах Крыма, и они назывались уже “мхламалы фес” (Табл. XI–3). Надевали их обычно на нижний платочек, который был виден из-под шапочки. Этот вариант с середины XVIII в. бытовал и в женском костюме народов адыгской группы на Северном Кавказе под названием “окъа бьорк”, или “кърым бьорк”, так как попал туда через Крым (Гаджиева, 1976, 148; Студенецкая, 1989, 196; Табл. XI–1, 2);

б) в начале XIX в. в костюме девушек из знатных семей Бахчисарая встречались фески полукруглой формы, бархатные, с плетеной из золотного шнура длинной кистью, выпущенной на макушке из трубочки цилиндрической формы (своего рода атавизм султанчика?) (Приезд в Бахчисарай..., 1840, 209–210);

в) с середины XIX в. все большее распространение получают фески в виде усеченного конуса, жесткой формы, сшитые из бархата бордового цвета. Они были приняты в среде молодежи разного достатка. Украшались в основном монетами, располагавшимися в налобной части, а к концу XIX в. – филигранными накладками на донышко – “тепелик”. У молодых по бокам прикреплялись еще и накладки “зулуфльи” (Куфтин, 1924), служившие для того, чтобы прикрывать локоны, срезавшиеся на висках у невесты во время свадебного обряда. Они говорили о том, что их носительница замужем. Спереди, у границы околыша и донышка, прикреплялось филигранное украшение в виде полумесяца (ГМВ, № 2906III; Табл. XI–4; цв. ил. 7). Такого же типа украшение мы встречаем в шапочке XIV в. из с. Махческ (ныне территория Осетии) (Табл. XI–5). Самые нарядные разнообразно украшенные фески встречались в районе Бахчисарая. До 1870-х годов фески такой формы носили только девушки и молодухи, а к концу XIX в. они пришли в убор женщин зрелого возраста, но здесь уже не использовались сложные украшения. Феска стала выглядеть строже.

XII. Обувь.

В женской обуви горно-прибрежной зоны можно встретить почти все варианты мужской этого же региона (БИАМ, № 299–304; Табл. XII–1, 2 а, б, в), только более изысканно отделанные и часто из менее прочного материала, как, например, белые атласные уличные “терлик” начала XIX в. из Бахчисарая (БИАМ, б/н). Исключение составляли принятые в основном только у мужчин “поршни”. Чисто женскими были (если не считать банных подставок у мужчин) носившиеся в грязную погоду деревянные ходули, называвшиеся “налын” (район Ялты) и “табандрык” – в других районах горно-прибрежной зоны. Ходули вырезались в виде дощечки на двух подставках, спереди прибавалась поперечная кожаная лямка, куда просовывался носок. Высота подставок доходила до 15 см. Они инкрустировались пластинками из серебра и перламутра (БИАМ, № 757). Такие ходули носили и на Кавказе, и в Османской империи, и в Средней Азии.

СТЕПНАЯ ГРУППА

I. Рубахи.

Первым отметил наличие рубах в женском костюме степнячек Крыма французский консул М. Пейсонель. Их шили из астарского (*тур.* – “подкладочный”) домотканого холста, окрашенного в разные оттенки красного цвета (Пейсонель, 1927, 15). Те же цвета были приняты для рубах и в начале XIX в., и позднее. Изучавший быт степняков Н.Ф. Дубровин писал в 1860-е годы, что зажиточные татары (за исключением пожилых) носят красные и желтые рубахи (Дубровин, 1871, 260). Описывая рубахи молодых ногаяк Северного Кавказа конца XIX в., С.Ш. Гаджиева отмечала, что там тоже бытовали (домотканые?) рубахи красного и желтого цветов. Одновременно они являлись и платьем (Гаджиева, 1976, 126–127). То же можно сказать и о рубахах таджичек (и других народов Средней Азии). По образцам конца XIX в., рубахи степнячек “кулек” отличались от рубах горно-прибрежных татарок не только цветом, но и кроем – отсутствовали ластовицы, ткань под мышкой не присборивалась, а рукав образовывали два долевых полотнища, из которых нижнее (внутреннее) было более узким и под мышкой было вырезано так, что доходило только до боковины (РЭМ, № 4069–2).

II. Штаны нательные.

Нательные штаны известны с начала XIX в. более широко под названием “дон”, а в районе Судака – “туман”. Походили на вариант горно-прибрежных, отличаясь только кроем мотни – ромбовидной, с продольным швом по центру и обрезанными верхними углами, к кромке которых пришивался доходивший до уровня пояса квадрат. Пояс узкий, рассчитанный, как обычно у степнячек, на шнурок, а не на “учкур” (РЭМ, № 4069–1; Табл. I–4).

III. Платья.

О ранних вариантах платья таврических ногаяк у нас нет определенных сведений, кроме того, что мы знаем об их большом сходстве с женским костюмом ногаяк Северного Кавказа. В середине XVIII в. Пейсонель писал, что ногойцы шьют платья из ввозимых из Персии разноцветных ситцев (Пейсонель, 1927, 15–16). А по сведениям 1830-х годов, платья шились из шелка, в основном красного цвета (Краткий обзор..., 1836, 213).

1. Подробно изучавший быт ногойцев Н.Ф. Дубровин писал, что крымские ногойки, в основном женщины, реже девушки, поверх нижней рубахи надевали бешмет из красного канауса или из другой ткани (Дубровин, 1871, 268). На Северном Кавказе он назывался еще и знакомым нам по описаниям крымских платьев словом “зыбын” (Гаджиева, 1976, 138). К такому бешмету у таврических ногаяк на груди, в виде сплошного ряда, пришивались с одной стороны серебряные петли, а с другой – пряжки. Называлось такое, бывшее некогда функциональным, украшение “тестюйме”. Ту же форму одежды мы можем увидеть и на Северном Кавказе (Студенецкая, 1989, 202–204; Гаджиева, 1976, 173–176).

2. В конце XIX в. встречался и вариант платья “каптан”, шившийся из кашемира, чаще оранжевого цвета, иногда цветастого, многими деталями кроя похожий на ранний вариант горно-прибрежных платьев, но имевший чисто местные особенности. Так, на спинке по бокам вшивалось по два присборенных у талии трапециевидных полотнища, что очень напоминало крой местных бешметов, распространенных и у ногойцев Северного Кавказа (Гаджиева, 1976, 107; колл. лекция А. Умерова; Табл. IV–1). По данным Е.Н. Студенецкой, такому варианту

платьев были близки платья кабардинок, карачаевок, балкарок, осетинок (Студенецкая, 1989, 150–155).

3. Пришедшие из горно-прибрежной зоны в конце XIX в. платья “антер” получили в степи название “каптан”, относившееся ранее и к бешметам (Табл. II–1). Часто встречались платья уже не из жаккардового шелка, а из цветастого ситца. В начале XX в. такие платья носили только зажиточные татарки (РЭМ, № 3267–12, 4069–4). Были переняты и надевавшиеся под такие платья в холодную погоду шитые на вате чехлы “зубун” (Табл. IV–2).

Нагрудники, украшавшие платья “каптан”, в этой зоне назывались чаще “капас” и представляли собой сетку в форме пятиугольника, сплетенную из мелкого жемчуга (РЭМ, № 3267–15); нарукавники, украшавшие такого рода платья, шились обычно из бархата и расшивались золотом. В степной зоне они назывались “кати-пе” (Куфтин, 1928).

4. В начале XX в. в степи появляются платья “русского покроя”, тоже принявшие название “каптан”. Крой тот же, что и у горно-прибрежных татар для этого варианта.

5. Иногда встречались платья, сшитые по типу косовороток. Они были приняты только у девочек-подростков (РЭМ, № 4042–23). В начале XX в. платья “русского покроя” мы видим и на Северном Кавказе, у народов адыгской группы (Студенецкая, 1989, 155).

Завершая описание платьев и близких к ним бешметов, рассмотренных в процессе их изменения за небольшой период времени (с конца XVIII до начала XX в.), невольно обращаешься к костюму других народов, связанных с крымскими татарами этнически и исторически. Если для горно-прибрежных татар в платьях имеется большая близость с костюмом, распространенным в Османской империи, а для степных мы находим ее в элементах костюма народов Средней Азии, Казахстана и ногайцев Северного Кавказа, то объединяющие черты для той и другой группы мы видим, проводя аналогии между деталями одежды сложившегося к концу XIX в. общего для обеих групп костюма крымских татар с деталями одежды этого же времени у народов адыгской группы Северного Кавказа (Студенецкая, 1989, 146–166). Так, прослеживая процесс отхода от традиционных форм костюма на Северном Кавказе, Е.Н. Студенецкая отмечает, что платья с отрезным закрытым лифом, застегивающимся на груди на пришитые к планке пуговицы, идущие от воротника-стойки до линии талии и имеющие пришивающуюся к лифу присборенную цельную юбку, появились в этих местах в конце XIX в. Они ознаменовали собой переход от платьев распашных, с глубоким декольте (под нагрудник), к платьям не распашным, с глухим воротом (Студенецкая, 1989, 155). Очевидно, что в Крыму эти нововведения в женской одежде пришлись на то же время. Естественно, что новый тип кроя платьев явился результатом влияния одежды городской среды и прежде всего – влияния русской моды.

IV. Передник “оглюк” (“онлук”).

Передник представлял собой прямоугольный кусок ткани, пришитой к поясу короткой, слегка присборенной стороной. Длиной был выше колен. Чаще шился из легких шерстяных тканей неярких цветов. В начале XX в. его носили уже только пожилые женщины (РЭМ, № 3267–13) (информатор Р.К. Бозгязиева, 1991 г.).

V. Куртки.

В степной зоне куртки известны с конца XIX в.

1. В начале XX в. в районе Феодосии, на границе степной и горной зоны, встречались курточки типа “мийтан”, известные ранее в горно-прибрежном районе. В степи они шились из цветастого ситца (РЭМ, № 2609, 4042–249), а не из особого типа шелковых тканей “шамаладжа” с узором в полоску.

2. Распространились и куртки, повторяющие вариант “марка”, но здесь их шили более небрежно и менее искусно украшали.

3. Известны и образцы типа “хырха” – это вариант “марка”, но простеганный на вате (цв. ил.).

4. Бытовали и куртки “тон”, сшитые весьма небрежно, без следования четким традициям кроя (Табл. VI–3 а, б).

5. Можно было встретить и куртки “эльбаде”, представлявшие своим кроем влияние европейской городской культуры. Их шили обычно в специальных мастерских, соблюдая общие для этого времени приемы кроя (ГМВ, № 976 III; Табл. VIII).

VI. Безрукавки “елек”.

Безрукавки, к началу XX в. распространившиеся в степи не менее курток, чаще повторяли крой “мийтан”, имели вырез мысом, застегивались на пуговицы и шились из шерстяных или хлопчатобумажных тканей (ККМ, № 215).

VII. Паранджа (“перандже”).

1. Паранджа – халатообразная накидка, по сведениям А.Н. Самойловича, известна в степном Крыму с конца XIX в. и обычно не как наплечная, а как наголовная, принятая к этому времени в качестве обязательной детали костюма крымской мусульманки (Самойлович, 1916; информатор Е. Добрая, 1991 г.). Те же функции и под тем же названием она выполняла и в Средней Азии. Однако в средневековье, судя по источникам, паранджа (“фараджи”) была известна в мужском костюме ученых и представителей служителей культа как богатая наплечная одежда (Лобачева, 1996, 80–81). Есть известия и о женской “фараджи” как о наплечной одежде. Под этим названием она со временем распространилась по всему Переднему Востоку. В России XVI–XVII вв. была известна как “ферязь”, надевавшаяся в рукава представителями знати мужского и женского пола (Русский исторический костюм..., 1945, 73).

2. Покрывало женщины-мусульманки степной зоны называлось “дастар”, или “тастар”, и выглядело совершенно иначе, чем в горно-прибрежной. Представляло собой очень большую, спускавшуюся до пят, сложенную по диагонали шаль, обычно красного цвета (у пожилых – белого), и набрасывалась на голову, не драпируясь. К нему не добавлялся платок для прикрывания нижней части лица. И только при виде посторонних татарка одной его стороной прикрывала лицо, оставляя открытыми глаза (Дубровин, 1871, 269). Покрывала “дастар” встречались и у ногайцев Северного Кавказа, где носились несколько иначе (Гаджиева, 1976, 152–159), и у ставропольских трухмен (Володин, 1908, 38).

VIII. Пояса.

1. Со второй половины XIX в. в степи появляются особого рода пояса – “шалл”, из сложенной по диагонали плотной шерстяной шали, утепляющей спину за счет спускавшегося почти до пола угла и завязывающейся спереди узлом на талии.

2. В начале XX в. встречались вязаные полосатые кушаки, складывавшиеся слоями, шириной около 15 см, с бахромой на концах (РЭМ, № 993–30ж).

3. В начале XIX в. бытовали широкие кожаные пояса с верхом из ткани, застегивавшиеся на большие круглые (иногда в форме незамкнутого круга) серебряные пряжки из белого металла (серебра?) (Краткий обзор..., 1836, 213). Такие пояса тоже назывались “кушак” (“хушак”).

4. Известные в горно-прибрежном Крыму расшитые золотом пояса с бархатным верхом на кожаной основе (“колан-кушак”) пришли в степь к концу XIX в. под названием “хоулан”. Они застегивались на большие серебряные бляхи (Лашков, 1890, 23).

5. В конце XIX – начале XX в. были приняты и серебряные “кавказские пояса” (опрос информаторов, 1991 г.).

IX. Зимняя одежда.

В зимней мужской и женской одежде степняков было много общего.

1. Грубошерстные черкески “шегбень”, при шитье которых часто не следовали определенным для черкесок правилам кроя (Краткий обзор..., 1836, 212).

2. Суконные накидки, набрасывавшиеся в снег на “шегбень” в начале XIX в. носили и мужчины, и женщины (Там же, 212).

3. До начала XX в. поверх чекменя (“шегбень”) носили длинную с прямыми полами баранью шубу “курку” (Бахрушин, 1925).

4. В районе Евпатории были распространены курточки “тон”, похожие на горно-прибрежные, отделанные мехом вдоль ворота, манжет, пол и поллок (РЭМ, № 3267–17).

X. Головные уборы.

Так же, как и в горно-прибрежной зоне, головные уборы состояли из большого разнообразия вариантов, некоторые из них представляли самостоятельный убор, а какие-то входили в комплекс.

1. Платки.

По сведениям М. Пейсонеля, еще во второй половине XVIII в. степнячки надевали на голову по три платка сразу (Пейсонель, 1927, 16):

а) нижний “ханэ” (*тур.* – “домашний”), завязывался на затылке;

б) “каим” (*тур.* – “постоянный”), позднее, к началу XIX в., называвшийся “яшмак”, из кисеи с набивным узором, завязывался поверх “ханэ”, образуя узел над лбом (РЭМ, № 2609);

в) на два нижних платка набрасывали платок “чембер”, иначе – “йемени явлук” (*тур.* – “йеменский платок”), большего размера, вышитый. Завязывали его так, что все концы и угол спускались на спину.

2. Шарфы.

Шарфы имели несколько вариантов:

а) “марама”, выполнявшие те же функции, что и в горно-прибрежном Крыму; в степи были меньшего размера, украшались более скромным, часто геометризованным орнаментом, тканым или вышитым;

б) были распространены и “шербенте”, игравшие ту же роль, что и в горно-прибрежной зоне;

в) “буркенчик”, использовались как и у ногайцев Северного Кавказа чаще как свадебная накидка (вуаль), но отличались от ногайской цветом и типом ткани (Гаджиева, 1976, 153–154).

3. Чалма.

Самые ранние изображения чалмы для степнячек мы находим на рисунке И.Г. Георги (1770-е годы). Здесь чалма представляет собой обвитое вокруг головы полотнище с выпущенным на спинку концом, спускающимся до уровня икр. Ее конец расшит узором и завершается бахромой. Позднее, со второй половины XIX в., роль чалмы выполняли и платки (Краткий обзор..., 1836, 212).

4. Фески.

Фески распространились к концу XIX в.:

а) более ранний вариант – цилиндрической формы, невысокие, украшенные чаще тесьмой с пуговкой в центре донышка. Они были приняты в районе Евпатории в конце XIX в. в среде состоятельных женщин (Табл. XI–3);

б) бытовали и шапочки, представлявшие собой невысокий, цилиндрической формы каркас, обтянутый сеткой, плетеной из жемчуга. Такие “жемчужные” шапочки были приняты и в среде евпаторийских состоятельных караимок (фото начала XX в.);

в) встречались фески и в форме усеченного конуса, по типу распространенных в горно-прибрежной зоне.

XII. Обувь.

1. Дома издавна носили мягкие сафьяновые расшитые сапожки “мес” (Краткий обзор..., 1836, 18, 213), принятые и у ногайцев Северного Кавказа, и у казанских татар, и у народов Средней Азии.

2. Глубокие туфли “аягкап” (русское название – калоши) степнячка еще в начале XIX в. при выходе на улицу надевала на домашние сапожки (РЭМ, № 3267–5).

3. Встречались вязаные образцы разноцветных тапочек “терлик” (РЭМ, № 4042–247).

Вся обувь надевалась на высокие, почти до колена, носки “чораб”, часто связанные сложным узором из разноцветных нитей (РЭМ, № 4042–206).

УКРАШЕНИЯ

Дополняли весь комплекс женского костюма разного рода ювелирные украшения, воспринимавшиеся как единое целое с ним.

Наряду с ювелирными украшениями, являвшимися как бы составной частью определенной детали костюма, – прежде всего это относится к головным уборам (в основном фескам) и поясам, – существовали и самостоятельные формы, такие как браслеты, серьги, броши, ожерелья, кольца, а в более ранние времена, до середины XIX в., – височные подвески. Очень тесно были связаны с украшениями и амулеты, футляры для которых часто тоже представляли собой произведения ювелирного искусства. В горно-прибрежной зоне украшения были обычно желтого цвета – золотые или позолоченные. Браслеты, известные нам в основном в горно-прибрежной части полуострова, носили название “билезик” (“блезик”). Обычно они состояли из нескольких филигранных сегментов различной формы, соединенных подвижными колечками, а по описанию 1820-х годов, у знатных дам – из золотых цепочек с дорогими неограниченными камнями (Приезд в Бахчисарай..., 1840, 209). Среди сережек “купе” встречались различной формы филигранные, часто с подвесками или же штампованные – в форме лунницы.

Броши, распространившиеся к концу XIX в. в горно-прибрежной зоне, обычно имели форму филигранного банта, ромба или овала и прикреплялись на платье, в центре, у самой шеи. Из ожерелий интересно привезенное в 1923 г. из дер. Ай-Серез (предгорье восточного побережья; РЭМ, № 4042–240). Оно носит название “серьга и бунджак”. Представляет собой две сережки, состоящие из цепочки с двумя крючками каждая. Один крючок вдевался в мочку уха, а к другому подвешивалась турецкая монета, и к ней снизу были прикреплены еще две бусины. Соединяла

сережки проходящая под подбородком нитка красного бисера, на которую в центре привешивались три монеты, самая большая – посередине.

Второе нагрудное украшение (РЭМ, № 7484–70) “тэпю-ине” (“тепе” тур. – верх, “инеп” – спускающийся). Состоит из двух филигранных пластин, соединяемых петлей и крючком. Каждая пластина имеет форму сердечка, и на каждой висит по пять подвесок в форме листовидных бляшек, соединенных между собой колечками. Таким образом, получается ожерелье из пяти рядов.

Носили и кольца, но они не считались очень значимым украшением.

В 1820-е годы одна из знатных русских дам, побывавшая в Бахчисарае, отмечала, что жены знатных татар носили височные подвески “алтын-тас” (Приезд в Бахчисарай..., 1840, 209). Самые ранние для нас изображения височных подвесок в женском костюме обитательниц Северного Причерноморья относятся к XIV в. Это изображение девушки на глиняной чаше из Тана-Азака. Височные подвески имеют форму довольно больших колец, соединенных, очевидно, цепочками (Залесская, Крамаровский, 1990, 35, рис. 18; Табл. III–1). Такие подвески известны и в костюме народов Северного Кавказа, очень близких по историко-этническим корням к крымским татарам, и у многих других родственных этносов. Очевидно, это одна из ранних форм женских украшений.

По свидетельству жительницы Бахчисарая З. Нафеевой (опрос автора, 1991 г.), в свадебном костюме ее матери, происходившей из семьи среднего достатка и вышедшей замуж в 1920 г., было 3 кг золотых украшений. Кроме того, лоб и виски украшали подвески из позолоченных филигранных пластин, шею закрывали нити жемчуга, а платье застегивалось на пуговицы со вставками из бриллиантов.

Украшения у степнячек традиционно делались из белого металла, обычно серебра, часто кованого. Интересной деталью, сохранившейся до начала XX в., была традиция ношения в ноздре большого кольца. В левой ноздре кольцо носили только женщины знатного происхождения (Военно-статистическое..., 1849, 94).

АМУЛЕТЫ

Что же касается амулетов, то существовало несколько видов этого рода оберегов, в которые обычно вкладывались написанные муллой молитвы “дуа”. В мужском костюме были очень распространены амулеты-нашивки. Так, например, по свидетельству Н.Ф. Дубровина, в 1860-е годы бытовали нашивки на спинке ногойского бешмета, они были четырехугольной формы, из красного или черного сукна, иногда их еще обшивали серебряным галуном (Дубровин, 1871, 267). Такие же нашивки встречались и на теплых суконных куртках степных татар (РЭМ, колл. № 803). А.С. Морозова отмечает, что на спинку у ворота верхней одежды йомуты нашивали из красного шелка треугольной формы амулет “дога” (Морозова, 1989, 67).

У крымских татар были очень распространены амулеты треугольной формы. Еще в середине XIX в. Г.И. Радде писал, что “татары, мужчины и женщины, старые и молодые, каждый носит при себе молитву как спасительный талисман. Эти молитвы покупаются у духовенства, и пишут их на треугольной бумажке киноварью и прячут в кожаные сумочки, тоже треугольной формы, и сумочку носят на спине. Девушки этот треугольный кусочек кожи заплетают в косички и иногда носят несколько таких амулетов. Старики же носят их всегда на груди. Молитвы никогда не вынимаются из своего футляра, и большая часть татар не знает их содержания” (Радде, 1856, 40–41).

Интересно, что цвет сумочек и нашивок, как и цвет чернил, которыми писалась молитва, был обычно красный. Здесь, очевидно, это символ защиты от злых духов и одновременно знак святости. Причем такого же цвета амулеты были и у представителей других этносов, например, у туркмен (Морозова, 1989, 67), казанских татар (Воробьев, 1930, 421). В женском костюме татар горно-прибрежной группы амулеты часто представляли собой произведения ювелирного искусства и были тесно связаны с украшениями. Так, в конце XIX в. Ф.Ф. Лашков писал, что амулеты-ладанки, называвшиеся “сач-хасиде” (“сач” *тур.* – волосы, “хасиде” – хвалебная ода), делались из украшенных с лицевой стороны филигранью плоских прямоугольной формы серебряных полых футляров, которые подвешивались с помощью цепочки и крепились металлическими плетеными нитями к волосам, причем, обычно в центральной части средних косичек (Лашков, 1890, 213).

Сумочки с молитвами мужчины носили и на переброшенном через плечо ремешке (Россия..., 1910, 220). У чабанов такой ремень с прикрепленным к нему амулетом, украшенный серебряными бляшками с чернью, назывался “пуздан” (РЭМ, № 4042–191).

В заключение выделим особенности, подчеркивающие изменения облика костюма на протяжении конца XVIII – начала XX в. у каждой группы крымских татар. Выявим черты, приведшие к формированию общих форм для степных и горно-прибрежных групп, сначала в мужском, а затем и в женском костюме.

Так, в мужском костюме до начала XIX в. рубахи, почти полностью повторявшие крой турецких (исключение составляло присутствие ластовиц), встречались только в горно-прибрежном Крыму. О рубахах же степняков у нас нет определенных сведений. Известно только, что в степи, по впечатлениям европейских путешественников, до начала XIX в. на голое тело надевали “камзолы” (камзолами, на наш взгляд, могли называться и распашные рубахи, известные в костюме казахов и киргизов, тем более, что позже рубахи, появившиеся в степи, носили название “каптан”, термин, известный прежде для определения бешметов, которые европейцами могли определяться и как “камзолы”).

Сведения о рубахах, носившихся в степной зоне, появляются только в начале XIX в., но их внешний вид, а тем более крой нам неизвестен. Со второй половины XIX в. по всему Крыму распространяются пришедшие сначала в горно-прибрежную зону (лет на 10–15 раньше) (Демидов, 1853) рубахи с воротником-стойкой и со стягивавшими широкий рукав манжетами. Следовательно, воротник-“стойка” и манжеты явились новыми чертами и у горно-прибрежных татар (в конце 1830-х годов), и у степных (с середины XIX в.).

Суконные куртки и безрукавки (“марка” и “елек”) определенного покроя, расшитые по строгой схеме золотными нитями, пришли из Турции поначалу в горно-прибрежную зону. В зависимости от возраста носителя различалась длина их рукавов – чем старше владелец, тем длиннее рукав. В конце XIX в. такие куртки распространились и в степной зоне, но шились и украшались они здесь более небрежно. Из горно-прибрежной зоны пришли длинные кушаки и наборные серебряные пояса.

Зимняя одежда, в связи с климатическими особенностями, до начала XX в. сохраняла много общего в горной и степной зонах и явно отличалась от прибрежной. А элементы костюма, свойственные только степной группе, подчеркивали ее генетическую и историческую связь с ногайцами разных орд и с народами Северного Кавказа. Это и бешметы (“каптан”), и черкески (“чекмень”), и бурки.

Из головных уборов, прошедших путь постепенных изменений, можно в качестве примера привести очень распространенные у разных слоев населения горно-прибрежного Крыма в дореформенный период османские тюрбаны, разноцветные и разнообразно свитые. По ним в каждом случае можно было определить социальную принадлежность их обладателя. К концу XIX в. тюрбаны превратились в так называемую чалму, представлявшую узкую белую полосу ткани, обтягивающую центральную часть околыша шапки. По всему Крыму, да и то не всегда, такая полоска представляла единственный к этому времени атрибут костюма служителя культа.

К концу XIX в. в степь пришли и различные варианты горно-прибрежной обуви (за исключением давно здесь принятых сапожек “мес”). Но за редким исключением название каждого варианта обуви, как и вообще всех деталей одежды, различалось в степной и горно-прибрежной зонах. Это объясняется тем, что представители каждой группы говорили на разных “языках”, как называл их Баскаков (Баскаков, 1969, 281); другие лингвисты относили язык каждой группы к диалектам одного языка (Изидинова, 1993, 201–204).

На примере женской одежды пути сближения форм в период с начала XIX до начала XX в. можно проследить, обращаясь к принятым с конца XVIII в. в горно-прибрежной зоне распашным платьям “антер”, пришедшим сюда из Турции. Платья шились из жаккардового шелка, обтягивали торс и имели широкую юбку с колечатым запахом справа налево. Длина платья различалась в зависимости от возраста его обладательницы – чем старше женщина, тем длиннее ее платье. Глубокое декольте заполнял расшитый или украшенный монетами нагрудник.

К концу XIX в. этот тип платьев появляется и в степном Крыму, но уже под названием “каптан”. Он известен в костюме состоятельных женщин зрелого возраста или жен служителей ислама. Наряду с такими платьями в степи появляется и вариант, объединивший в себе черты горно-прибрежных платьев “антер” и принятого издавна у степняков бешмета. От бешмета в этих платьях сохранились вкroенные сзади по бокам и присборенные на талии два трапециевидных клина. Во всем остальном этот “капкан” повторяет кроем уже описанный нами вариант “антер”.

Влияние русской культуры проявляется в конце XIX в. параллельно в обеих группах на распространившемся новом типе платья “русского фасона”. Это платье отрезное по талии, с присборенной юбкой, выкройным рукавом, воротником-стойкой, манжетом типа рубашечного и застегивавшееся на груди рядом пуговиц. В каждой зоне этот вариант перенимал прежние названия, принятые для платьев. Кроме платьев и распространившихся в мужском костюме косовороток, влияние русских традиций прослеживается и на появившихся в конце XIX в. куртках “эльбаде”, имевших сложный европеизированный крой, в частности – выкройную пройму.

Покрывала, обязательные для костюма женщины-мусульманки, обычно скрывавшие волосы, лицо и линии тела, судя по фотографиям, сохранили в каждой зоне все свои традиционные особенности до 1930-х годов. Так, в горно-прибрежном Крыму пришедшие из Турции покрывала “чаршаф”, принявшие здесь название “фередже-марама”, имели белый цвет и сложно драпировались, оставляя только щелочки для глаз.

В степной части роль покрывала женщины-мусульманки выполняли шали “дастар”. Они были обычно красного цвета и представляли собой большую шаль, сложенную по диагонали и наброшенную на голову, т.е. создавали совершенно другой силуэт. Эти шали походили на ногайские и среднеазиатские (узбекские, туркмен-

ские), где изначально не являлись знаком принадлежности их обладательниц к исламу, а представляли традиционную деталь женской одежды.

Халатообразная плечевая одежда под названием “фередже” уже к концу XIX в. была известна в горно-прибрежном Крыму и как наплечная, и как надевавшаяся в рукава, и как наголовная накидка. В степном Крыму под названием “паранджа” она к этому времени появилась как наголовная и была деталью именно костюма мусульманки. В середине XVII в. “ферадже” в виде наплечной одежды была принята, очевидно, только у представительниц бахчисарайской знати и, скорее всего, не служила здесь деталью костюма мусульманки. Возможно, она пришла сюда из Турции, а уже, наверное, под влиянием традиций Средней Азии постепенно превратилась в наголовную. Об этом говорит и название ее в степной зоне как “паранджа”.

Давние связи материальной культуры крымских татар с культурой народов Кавказа легче всего можно проследить на примере головных уборов. Пример тому – вариант широко бытовавших в разных районах Крыма до начала XX в. шапочек “мхламалы фес” – цилиндрической формы, невысоких, расшитых золотом, иногда с пуговкой в центре донышка. Еще в середине XVIII в. этот тип был известен у народов адыгской группы Северного Кавказа, где назывался “кърым боърк”, так как пришел туда, очевидно, из Крыма. До этого варианта в среде крымской и кавказской знати были распространены высокие яйцевидной формы шапки, сшитые из жестких суконных полосок-долек, соединенных золотной тесьмой и завершавшихся на макушке пуговицей. До 1830-х годов такие шапки, кроме горно-прибрежного Крыма, встречались как на Северном Кавказе, так и в Грузии.

Были распространены в горно-прибрежном Крыму и башлыки, дошедшие до начала XX в. Они полностью повторяют образцы грузинских башлыков.

В результате сопоставления вышеприведенных примеров можно увидеть, что костюм, распространившийся к концу XIX в. по всему Крыму, в основном представлял вариант, сложившийся в горно-прибрежном Крыму к середине XIX в. Он сформировался под влиянием новых форм костюма Османской империи, утвердившихся после реформы 1826 г. К этому комплексу добавились элементы кавказского костюма, а позднее и русского. В него вошли также детали, свойственные костюму других народов, заселявших Крым до конца XIX в.

Общий для обеих групп комплекс костюма у мужчин был представлен нательной одеждой – рубахой и широкими штанами (шароварами) из домотканой, чаще хлопчатобумажной или льняной ткани, реже из шелковой. У сельских жителей обычно из конопляной или крапивной. На нательную иногда надевалась и верхняя рубаха. Были обязательными надевавшиеся на рубаху суконные куртки разных вариантов кроя. Обычно они доходили длиной до талии, были распахнутыми или застегивались на ряд частых пуговиц. Реже их заменяли такого же рода безрукавки. И те, и другие расшивались золотными нитями по установившейся схеме. Верхние штаны, в отличие от нательных, шились, как правило, из сукна. На бедрах были довольно широкими, а к щиколотке сужались. Талия поверх курток и штанов опоясывалась кушаком, а позднее, у молодых, иногда и наборным серебряным поясом. Зимней одеждой, различавшейся составом в разных районах полуострова, служили халаты, бешметы, меховые куртки, шубы, тулупы, бурки. В качестве головных уборов были приняты разного фасона меховые, суконные или кожаные шапки, под которые обычно надевались легкие тюбетейки. Летом носили фески. До середины XIX в. для всех слоев населения были очень распространены тюрбаны и чалмы. Позднее тюрбан вышел из употребления, а чалма оставалась только в костюме слу-

жителей культа. Обувью служили домашние и уличные сапоги, калоши, сандалии-поршни с ремнями, оплетающими ногу до колена, разного рода туфли и домашние шлепанцы. Все они надевались на носки.

Общий комплекс женского костюма был представлен нательной одеждой, которая, как и мужская, состояла из рубахи и широких штанов. Женская рубаха отличалась от мужской кроем и длиной, доходившей почти до пола. Женские штаны шились из двух типов ткани, всегда с цветастой нижней частью, которая обязательно закрывала щиколотку. Поверх рубахи обычно надевалось длинное распахнутое платье с коленчатым запахом. Платье обтягивало торс и резко расширялось от талии к подолу. Имело глубокое декольте. Шилось, как правило, из шелковых жаккардовых тканей, позднее – из бархата. Самой интересной деталью такого платья были обычно бархатные, расшитые золотом нарукавники. С образом восприятия всего платья был неразрывно связан нагрудник, надевавшийся под декольте. Он либо украшался рядами золотых бляшек, либо расшивался золотными и шелковыми нитями. В старину на платье надевался нарядный передник, чаще шелковый. Со временем он остался в костюме только у пожилых женщин, да и то обычно в затрапезном. Талию опоясывали позолоченные серебряные пояса разных типов. Поверх передника, в обыденном костюме, спереди узлом завязывали шаль, угол которой сзади спускался до пола. Очень распространены были разных фасонов обычно бархатные куртки, расшивавшиеся, как и мужские, по четкой устойчивой схеме. В качестве зимней одежды употреблялись такие же куртки, но на ватной подстежке и обшитые мехом. Головной убор состоял из нескольких платков и шарфов, завязывавшихся или набрасывавшихся по-разному. Только в горно-прибрежном Крыму до конца первой трети XX в. оставалось в употреблении покрывало женщины-мусульманки. Это белого цвета “фередже-марама”. Оно скрывало волосы, лицо (оставляя только щелочки для глаз) и линии тела. Постепенно в горно-прибрежном Крыму распространилась халатообразная одежда “фередже”, иногда набрасывавшаяся на плечи, а иногда использовавшаяся как наголовная накидка мусульманской женщины. Длина отдельных элементов женского костюма строилась так, что создавалось впечатление ступенчатости, позволявшей видеть сразу весь его состав. Головным убором для девочек и девушек служила сложно украшенная феска, из-под которой по спине выпускалось множество косичек. Обувь, за исключением сандалий-поршней, повторяла мужскую и в дождливую погоду дополнялась деревянными ходулями.

Став к началу XX в. общетатарским, такой вариант костюма с небольшими изменениями дошел до начала 1930-х годов. Но следы древних традиций, свойственных каждой субэтнической группе крымских татар, в традиционной одежде присутствовали всегда, т.е. до конца ее существования.

Хочется отметить, что при описании одежды кочевников всегда много внимания уделялось направлению запаха. Применительно к разным деталям запах рассматривала и С.Ш. Гаджиева в своей работе “Материальная культура ногайцев” (имеются в виду ногайцы, проживающие на Северном Кавказе, – народ, очень близкий по своим этно-генетическим корням к степнякам Крыма). В нашем случае, в отличие от примеров, приведенных С.Ш. Гаджиевой, мы не увидели четкого деления в направлении запаха между горно-прибрежной группой, сформированной в основном земледельческими народами и степной – образовавшейся прежде всего из племен и народов, ведущих кочевой образ жизни. У степняков Крыма, как в мужском, так и в женском костюме, одежда могла запахиваться и на правую и на левую сторону, и оказалось, что проследить какую-то закономерность в данном регионе очень трудно.

С.А. Плетнева, изучавшая половецкие каменные изваяния XI–XIII вв., отмечала, что одежда у половцев (как у мужчин, так и у женщин) почти не различалась. На мужских статуях подолы кафтанов были трех типов: 1 – разрезные, когда полы ложились вплотную одна вдоль другой; 2 – разрезные, но уже расходящиеся; 3 – сплошные, т.е. неразрезные (Плетнева, 1974, 35, 41, 51). И позднее (судя по сведениям многих путешественников, а затем и исследователей) у степняков Крыма одежда чаще застегивалась встык, и следы этой традиции на определенных ее деталях дошли до наших дней. Интересно, что Е.Н. Студенецкая, описывая одежду народов Северного Кавказа, не обращает специального внимания на направление запаха и, только представляя один из типов шуб, отмечает, что они могли застегиваться на любую сторону (Студенецкая, 1989, 66).

Если же говорить о типе костюма в целом, то обязательно нужно отметить, что в пограничных районах мог преобладать либо степной, либо горно-прибрежный вариант. Так, например, в пограничном Евпаторийском районе комплекс костюма был ближе к степному варианту, а в районе г. Старый Крым чаще встречались детали из горно-прибрежного комплекса. Кроме того, элементы костюма каждой из названных групп могли ситуативно взаимопроникать, что подтверждается и приведенными нами иллюстрациями (Табл. II –1; IV–2, XI– 3; цв. ил. 3, 4).

Глава III

ОБРЯДОВАЯ ОДЕЖДА

В основе формирования ритуальной и обрядовой одежды лежат выраженные материально, существовавшие издревле представления о связи повседневной и духовной жизни человека с потусторонним миром. У каждого этноса одежда такого рода, как и сами представления об этом мире, имела свои специфические особенности. Для близких этносов различия не были значительными, а чем слабее были исторические и особенно генетические связи – тем резче эти различия проступали. Но всегда в каждом этносе ритуальная одежда имела стойкие традиции.

Вся жизнь крымских татар была тесно связана с отправлением ритуалов. Но поскольку нас интересуют особенности одежды, связанные с этими ритуалами, начнем с рассмотрения одежды служителей ислама, одновременно являвшихся и чиновниками, представлявшими разные ступени власти в исламском государстве.

ОДЕЖДА СЛУЖИТЕЛЕЙ ИСЛАМА

Известный исследователь истории Крыма В.Х. Кондараки писал в начале второй половины XIX в., что “по усвоенному издавна правилу все представители духовенства в Крыму обязаны были носить отличительный от мирян наряд”, и в основном эти отличия проявлялись в особенностях головного убора и в наличии длинного суконного балахона (Кондараки, 1875, ч. XII, 6) – типа просторного плаща “машлах” (*тур.* – верхняя просторная одежда с прорезями для рукавов), очень распространенного в Османской империи среди широкого круга населения в дореформенный период (реформы 1826–1854 гг.) и дошедшего до середины XIX в.* Под балахон надевали либо куртку (с конца XIX в.), либо нижний халат (Андриевский, 1883, 27).

У муфтия был тот же наряд, что и у хана, – высокий “кавук” (плотный суконный колпак, чаще цилиндрической формы) с широкой опушкой из куньего или лисьего меха и атласный кафтан с суконной накидкой, имеющей длинные рукава. Края накидки у ворота обшивались золотными нитями (Кондараки, 1875, ч. X, 37). Кавук и накидка были обязательно зеленого цвета (Там же, ч. XII, 6, 16). Костюм “кади-эскера” – мирового судьи, представлявшего законы шариата, отличался от костюма муфтия только отсутствием золотого шитья на накидке (Там же, ч. XII, 6). А право носить чалму и кушаки зеленого цвета имели представители высшего ранга служителей культа и потомки Магомета “от дочери его Фатимы” (Там же, ч. XII, 7; Народы России, 1994, 57).

Уездный судья – “кадий”, одевался в малиново-красный балахон и носил такого же цвета чалму, а на плечи набрасывал красный шарф (Там же, ч. XII, 6).

* “Машлах” набрасывали на плечи или закутывались в него с головой (Нерваль, 1986, 89).

“Эфенди”, иначе называемые “хатибами” – проповедниками, в 1820 – 1830-е годы в Бахчисарае носили белую чалму и “пунцовую бархатную шубу” (Приезд в Бахчисарай..., 1840, 205) в любое время года. Позднее, к концу XIX в., им уже разрешалось одеваться, как и муллам, в светский костюм, правда, почти всегда за исключением головного убора, для которого была обязательна чалма, исчезнувшая в некоторых районах в начале XX в.

Для муллы в первой половине XIX в. в одежде было обязательно наличие камзола, поверх которого набрасывался халат, а головной убор обвязывала белая чалма. На гравюрах Раффе (Демидов, 1853) и на литографиях Г.Ф.Х. Паули (Костюм народов России, 1990, рис. 3; цв. ил.) мы видим полосатый камзол с небольшим стоячим воротником, иногда с неглубоким вырезом мысом с застежкой на пуговицах, с длинными, узкими, закрывающими кисть рукавами. В талии он перехвачен широким полосатым кушаком. А верхний халат, обычно однотонный, из более плотной ткани, распашной, длиннее нижнего и с более широкими и короткими рукавами. Что касается формы каракулевых шапок, то она на рисунках разных художников середины XIX в. бывала разной для представителей служителей культа одного и того же ранга в одних и тех же областях. У Г.Ф.Х. Паули шапка на мулле (из Бахчисарая) (Костюм народов России, 1990, рис. 3) жесткой формы, раструбом, с плоским дном, обтянута чалмой по центру околыша. У Раффе (Демидов, 1853) шапки цилиндрической формы, причем они или также обтянуты по центру, или обвязаны в виде тюрбана*. Все остальные детали такие же, как и в костюме светских лиц. К началу XX в., судя по фотографиям, костюм служителей ислама (прежде всего муллы) постепенно унифицировался, упрощался. Иногда халат заменяло пальто, иногда, как на фотографии 1926 г., сделанной в дер. Кутлах (под Судакон), мулла одевался так же, как и все прочие жители. Даже на шапке мы не видим обязательной белой полосы, идущей по центру тульи. К концу XIX в. такая полоска постепенно заменила былую пышную чалму.

О “дервишах” П.П. Свиныйн писал в 1810-е годы: “Дервиши – это особенное духовное сословие паломников. В Бахчисарае во всякое время можно встретить толпу этих неопрятных, разнохарактерных пилигримов... человек тридцать в разных одеяниях и странных шапках” (Свиныйн, 1839, 329). На рисунке П.П. Свиныйна дервиши изображены в надетой на тело длинной до щиколоток рубахе – рясе, опоясанной у талии шнурком. Рубахи сшиты из ткани в узкую полоску (шамаладжа), на груди имеют вырез мысом и к подолу расширяются. Поверх них, в каждом случае, надет распашной халат, тоже без воротника и тоже сшитый из полосатой ткани; он имеет длинные рукава (без манжет), вшитые в широкую пройму. К запястьям рукава сужаются. На голове дервишей шапки двух типов – в виде усеченного конуса и шлемовидной формы, все они обтянуты чалмой (Свиныйн, 1839, рис. XXXIII: “Дервиши в Бахчисарае”). П. Сумароков немного раньше, в 1800-е годы, писал, что дервиши носят широкие полукафтаны, наподобие ряс (очевидно, тот же тип, что и описанные нами нательные рубахи) (Сумароков, 1805, 144). На гравюре Раффе 1837 г. (Демидов, 1853), изображающей большую группу дервишей в Карасу-Базаре, на дервишах надеты светлые рубахи без воротника, а поверх рубах – курточки, застегивающиеся на частые пуговицы посредством воздушных петель. Курточки имеют небольшой стоячий воротник и длинные, сужающиеся к запястьям рукава. Сшиты

* Очевидно, это следы дореформенного варианта костюма, так как Раффе зарисовывал крымских жителей в 1837 г., а реформа началась лишь в конце 1820-х годов и шла весьма медленно.

из ткани в узкую полоску. На ногах широкие, темного цвета шаровары с низкой мотней, а на некоторых дервишах – сужающиеся книзу штаны. Талия перепоясана обернутым несколько раз вокруг нее кушаком из ткани в неширокую полоску (Табл. XIII–1). Поверх этой одежды надет распашной, в основном темных цветов халат, длиной ниже середины икры. У многих халат имеет небольшой стоячий воротник и широкие, более короткие, нежели куртка, рукава. Халат не перепоясывался. На головах у всех каракулевы шапки различной формы (как мягкой, так и жесткой): цилиндрической, в виде раструба или усеченного конуса. Все шапки, насколько можно видеть, с круглой кожаной или суконной вставкой в центре донышка (тупелик). У большинства дервишей шапки обвязаны полотнищем в виде чалмы (в основном белого цвета), а у двоих полотнище темного (зеленого?) цвета и повязано в виде тюрбана. На этом же рисунке изображена чалма в виде идущей по центру околыша неширокой полосы ткани. Встречается и полоса, закрывающая почти весь околыш. Она оставляет незакрытой только узкую полоску в верхней части шапки. Ноги у тех дервишей, у кого они видны, – босые. Сравнивая крымские зарисовки с рисунками В.В. Верещагина, изображающими дервишей в Средней Азии в 1860–1870-е годы, трудно найти общие черты в костюме крымских и среднеазиатских (Лебедев, 1958, 96, 98, 108), но много сходного с костюмом константинопольских дервишей, описанным в 1850-е годы Г. Флобером (Флобер, 1995, 276, 277).

В описях Бахчисарайского историко-архитектурного музея халаты дервишей назывались и халатами паломников, так как, очевидно, к концу XIX в. – времени, к которому относятся музейные халаты, этот вид халатов употреблялся более широко и не только дервишами, но и обычными паломниками, а покупали их в самой Мекке (судя и по встреченным нами таким же образцам в коллекции Музея истории культуры и искусства Узбекистана в Самарканде). Халаты эти шились на руках из плотного фабричного атласа розового, кремового и голубого цветов, длиной до 125 см, без воротника, с широким воротом мысом, прямыми рукавами, иногда под мышкой вшивалась ластовица, а иногда рукав углом входил в пройму. По бокам, ниже талии, вшивалось в швы по одному внутреннему карману. С боков у подола делались разрезы. Обычно они имели подоплеку, прошитую узором в виде треугольников, зубцов и цветов. Такой же узор, тоже из нитей цвета ткани, шел и вдоль пол к подолу (БИАМ, № 271, 272, 278).

К обрядовой одежде, в каждом случае отличающейся определенными элементами комплекса от обыденной, относится одежда, предназначенная для участия населения в проведении как светских, так и религиозных обрядов, всегда очень тесно связанных между собой на уровне их бытового восприятия. Детали такого рода мы можем выделить в костюме лиц, участвующих в обрядах: а) свадебном, б) похоронном и тесно связанном с ним ритуалом соблюдения траура, в) обряде обрезания, г) ритуалах, относящихся к религиозным праздникам, д) ритуале подготовки к молитве, е) обряду перехода подмастерья в ранг ремесленника.

Вообще нужно отметить, что все обряды крымских татар, как и участвующий в них костюм: его цвет, узоры, орнамента, крой, даже в разных деревнях могли иметь свои особенности. Это объясняется тем, что там жили потомки разных этносов – греков, генуэзцев, армян, турок и т.д., хотя все они с определенного времени и назывались крымскими татарами. И если считалось, что в отдельных районах в обряд вносились свои изменения, то это в конечном счете определялось особенностями формирования этноса в этом районе. Так, греки, будучи народом христианского вероисповедания, под давлением государственной власти принявшие ислам и сме-

нившие самоназвание на “татары”, продолжали, правда, в вынужденно завуалированной форме, соблюдать свои обряды, включая их в систему обрядов мусульманских, т.е. в данном случае – обрядов крымских татар.

О более явных следах христианских традиций во многих районах горно-прибрежного Крыма говорит традиция горно-прибрежных татар подавать в православной церкви списки с именами умерших (очевидно, имевших домашнее христианское имя) с тем, чтобы их поминали во время службы (опрос автором информаторов С. Эбубекирова, З. Бекировой, С. Трасиновой и др.). Сами татары, очевидно, потому-ки христиан, много раз говорили автору, что когда они попадают в город, то обязательно идут в православный храм на службу. Перед похоронами, после обмывания, на покойного, обернутого в саван, кладут раскрытые в виде креста ножницы, зажигают свечу и читают молитвы. То же делают на 3-й, 7-й и на 40-й день (сведения А.В. Ефимова, обследовавшего в 1991 г. Судакский (степной) и Бахчисарайский (горный) районы, но не выделившего порайонные особенности похоронного обряда). По сведениям Г.И. Радде, в районах горно-прибрежного Крыма отмечали не 7-й, а 9-й день (Радде, 1856, 14).

В.Х. Кондараки писал в середине XIX в. (Кондараки, 1875, ч. I, 217), что в с. Никита, близ Ялты, в день Байрама, татарин предложил ему хлеб, на котором был изображен крест и лежало белое яйцо. А в некоторых селах, на южном берегу и в горных районах, татары переменяли белье под воскресенье, а не под пятницу, как мусульмане. Существовали и другие обряды, очень похожие на христианские.

АТТРИБУТИКА СВАДЕБНОГО ОБРЯДА

В свадебном обряде с его сложной системой символов и большим количеством участников, каждый из которых играл свою роль в этом изначально сакральном действе, наиболее выразительно проявилось ритуальное значение многих элементов костюма, веками выражавших одни и те же символы. Материальным выражением обряда были как определенный костюм жениха и невесты, так и подарки – из деталей костюма и для самих новобрачных, и для гостей, и для украшения свадебной комнаты, а также для демонстрации приданого. А до свадьбы – обязателен был обмен подарками между домом жениха и невесты. И все это представляло сложную систему знаков, из которой строился весь свадебный обряд. Мы не будем подробно описывать свадебный костюм жениха и невесты, тем более, что во всех своих деталях, за исключением чисто свадебных элементов, он не отличался от традиционного праздничного костюма, который часто совпадал с обычной уличной одеждой.

Кроме того, на протяжении всей свадьбы из-за бесконечных переодеваний детали костюма постоянно менялись и эти нескончаемые превращения представляли собой выраженное в одежде развернутое сакральное действо, которое выполняли взаимосвязанные “говорящие” элементы одежды, игравшие обереговую и очищающую роль. Причем по мере разворачивания действия каждый элемент мог выполнять несколько ролей, и воздействие их по замыслу распространялось не только на жениха и невесту, но и на других участников обряда. Поэтому, описывая обряд, мы решили обращать внимание именно на те детали одежды, которые играют в нем сакральную роль.

Одним из самых значимых элементов во всем обряде был платок, вернее, платков было несколько, и они отличались своим узким назначением, цветом, размером, особенностями украшения и были связаны с разными участниками обряда.

Платок служил своего рода признанием в чувствах, когда во время танцев на чьей-либо свадьбе юноша дарил платок впервые увиденной им и понравившейся ему девушке. Причем этот платок был не вышитым. И если молодой человек вызывал у девушки ответные чувства, то через некоторое время она возвращала ему этот платок уже вышитым (Шерфединов, 1979, 47).

Платок имел большое значение и при сговоре – самом начальном, предсвадебном, этапе. Так, приходя в дом предполагаемой невесты, сваты дарили от имени жениха платок для девушки (Кондараки, 1875, ч. XII, 67; Куфтин, 1928, б.с.). В районе Бахчисарая дарилось два платка – “яглык” (*тур.* – “богатый”) и “емени-яглык” (“емени” – йеменский). Обычно это белые головные платки, сшитые из легкой ткани и расшитые растительным узором (Бонч-Осмоловский, 1926, 30). В ответ невеста тоже дарила платок “яглык” (явлук) жениху. Этот платок еще называют и “свадебным платком”. Для этого платка обычно белого цвета, имевшего небольшие размеры, существовало строго установленное расположение узора – в каждом углу вышивался один и тот же мотив (чаще золотными нитями или даже площенкой). Узор располагался по диагонали так, что его концы иногда почти сходились в центре. Платок этот при передаче складывался вчетверо (Спасская, 1926, 26, 36). В Карасу-Базаре такие платки имели розовый цвет (опрос автором информатора Р.К. Бозгязиевой, 1991 г.).

После этого в доме невесты начинали готовить приданое, в которое входил отдельный набор, оговоренный брачным договором, – “дохуз” (в пер. – девять). Обычно он состоял из девяти предметов и его передавала невеста в дом жениха во время следующего этапа подготовки к свадьбе, т.е. при “заручении”. Во время заручения невеста получала от суженого тоже определенный набор подарков, принесенных в “бохче” – платке, расшитом по тому же принципу, что и подаренный ею прежде “свадебный платок” (может, это и был тот же платок). Такая бохча из коллекции ГМВ имеет розовый цвет (ГМВ, № 1241III, Бахчисарайский р-н, мастер Балыхчиева, 1929 г.).

В “дохуз”, подготовленный невестой, входили: платок розового цвета, расшитый золотом, называемый “едеги” (“едигар” *тур.* – “памятный подарок”). Этот платок использовался при обряде окрашивания рук жениха хной (перед свадьбой), и такие же платки использовали для повязывания во время свадьбы левой руки жениха и дружки, а также и их друзьям (Каралезли, 1992, 228; цв. ил. 8). В “дохуз” входили и носовые платки, расшитые в углах золотными нитями. Обычно они были небольшого размера, белого цвета и назывались “чевре” (*тур.* – “окаймленный”).

Женские головные платки разного рода в большом количестве входили в состав приданого невесты (50–60 штук). В приданое входили и носовые платки “чевре” (Каралезли, 1992, 230).

Когда молодые оставались впервые наедине после свадьбы, невеста протягивала жениху белый платок. А утром, после свадьбы, на молодую жену надевали красный платок (опрос автором информатора Консул, 1991 г.).

На второй день после свадьбы, уже убедившись в девственности невесты, на протянутые ею руки кладут платок с набивным узором “язма”, иначе называвшийся “емени явлук”, и на него старушки-гости бросают подарки и деньги. Здесь платок служил знаком девственности (опрос автором информатора Р.К. Бозгязиевой, 1991 г.).

Платок служил и знаком победы, так как им награждали победителей на свадебных скачках (Jehab, 1984, 83).

Большую роль играла и шаль. Было несколько вариантов шалей, и каждая имела свое назначение. Шаль “шербенте”, вышитая невестой, передавалась при “заручении” родителями невесты – матери жениха, и отсутствие такого подарка считалось позорным (опрос автором информаторов Р.К. Бозгязиевой и др., 1991 г.). Б.А. Куфтин переводил слово “шербенте” как “шар” – врач, а “бенти” – связь, т.е. покрывало, связующее семьи жениха и невесты (Куфтин, 1982, б.с.). Но это несколько вольная интерпретация, а дословный перевод: “шер” – сокращенное от “шариат”, а “бинти” – дочь, т.е. “покрывало дочери по закону”. Б.А. Куфтин писал, что такие шарфы шились из ткани “юфка” (*тур.* – “мягкая”, “тонкая”) размером 150 × 75 см (цв. ил. 6).

Во время первого посещения дома невесты будущая свекровь и все женщины со стороны жениха набрасывали на голову специальное покрывало “топрак-басды-маграмасы” (*тур.* – “специальный платок”). Оно было гораздо больше обычного, из очень тонкой ткани и имело очень богатую вышивку (Каралезли, 1992, 230).

В “дохуз”, который невеста в горно-прибрежном Крыму* готовила для передачи жениху во время “агырнишан” (заручения), входила и расшитая шаль “марама” красного цвета. Этой шалью покрывали плечи жениха во время бритья перед свадьбой, и в этой шали его затем вели в кофейню (Каралезли, 1992, 237; Бонч-Осмоловский, 1926, 41).

Разного рода шарфы входили и в состав приданого. У бедных их было несколько, а у богатых – более 200 (Каралезли, 1992, 230). Во время свадьбы невеста пользовалась определенными вариантами шарфов. Один из них – “бурумчик”. Его дарили вместе с шарфом “шербенте” во время сватовства представители жениха. Бурумчик (*тур.* – “покрывало из муслина”), украшенный блестками, набрасывали на голову молодой жены на второй день после свадьбы, причем так, чтобы он закрывал и лицо, и делалось это после того, как выяснялось, что она была невинна.

Расшитый шарф входил и в состав головного убора невесты, его накидывали поверх фески, когда наряжали ее к свадьбе. При этом лицо обязательно закрывала густая вуаль, называвшаяся по-разному в разных районах – и “чадра”, и “фередже марама”, и “бурумчик”, и просто “вуаль”. Причем эту вуаль мог снять только муж, когда раздевал молодую жену в отдельной комнате после свадьбы. И считалось, что если вдруг кто-либо до этого времени увидит лицо невесты, то пропадет вся ее красота. Поверх этого убора набрасывали белое покрывало “фередже”, закрывавшее лицо, голову и всю фигуру и оставлявшее только щелочки для глаз. А на фередже надевалась еще одна, весьма необычной формы накидка “дувак” (*тур.* – “свадебная фата”). Накидка эта имела форму островерхого башлыка. Спереди она закрывала лицо, а сзади спускалась до пят. Шили “дувак” семь девушек обычно из парчовой ткани и часто из семи разноцветных кусков (в основном это было принято в степной зоне). Дувак не сшивался, а только наматывался (Каралезли, 1992, 234–235).

Платье и нагрудник с золотыми монетами, надевавшиеся на невесту, представляли подарки жениха, причем платье бывало чаще бархатное, обшито тесьмой “шерт”. В старину платье не дарилось, а дарился только материал и золотые монеты, а уже из них шились платье и нагрудник (Там же, 231).

* Только у Б.А. Куфтина мы встретили замечание, что в южнобережном Крыму (конкретно он район не указывает) “дохуз” дарил жених невесте (Куфтин, 1992, 248).

Особую роль в брачном обряде горно-прибрежных татар играл пояс невесты. Еще в 1980-е годы невеста выходила замуж в традиционной феске и в обязательном старинном серебряном поясе. Перед свадьбой во время одевания невесты происходил обряд “опоясывания”. Отец, а в районе Бахчисарая – старший брат (опрос автором информатора Консул, 1991 г.) трижды обходил вокруг невесты, держа в руках серебряный пояс, и только на третий раз отец или брат застегивал его пряжку. Это считалось благословением. Отец жениха, благословляя, надевал ему на голову каракулевую шапку (Бонч-Осмоловский, 1926, 41).

Свадебным же поясом жениха был расшитый золотом, из тонкой белой ткани “кшак”, который невеста расшивала сама и дарила жениху во время сватовства. К концу XIX в. этот пояс стали сшивать на концах и надевали его через голову. Из предмета обихода он превратился в символ супружества. В отличие от женского серебряного пояса “ипши-кшак” жених своим поясом после свадьбы не пользовался (опрос автором информатора Р.К. Бозгязиевой, 1991 г.; цв. ил. 9).

В горно-прибрежном Крыму жених на свадьбу надевал и расшитые подвязки “чораб-бау”, шившиеся из полоски бархата (3 × 20 см), проложенной картоном. К краям пришивались тесемки с кисточками, которые обвязывали длинные носки под коленями (Табл. XVII – 5, 6; цв. ил. 10).

В степной части Крыма определенную роль играл и передник “пештамал” (“оглюк”), который, как и платье, дарился матери невесты родственниками жениха. Шился он обычно из той же ткани, что и платье, и был очень нарядным. А дарили его потому, что к началу XX в. передник считался непременным атрибутом костюма пожилой женщины и этим подарком выказывалось уважение к ее почтенному возрасту (опрос автором информатора Р.К. Бозгязиевой, 1991 г.).

Обычно подарки, которые на свадьбе делались родственникам, гостям, а также жениху и невесте, представляли собой в каждом случае определенный набор, разный для мужчины и женщины. В горно-прибрежном Крыму в набор подарков для мужчин входили те же предметы, что и в “дохуз”, дарившийся невестой жениху, – это были мужские рубахи, платки, пояса, подвязки, футляры для часов, кисеты, но обычно по одному предмету из всего набора. А для женщины предназначались платки, шарфы, шали, полотенца, покрывала “фередже-марама” и другие детали одежды. И очень часто в узорах свадебных вышивок зашифровывались знаки пожелания счастья, а иногда вышивались и амулеты (Спасская, 1926, 46).

АТТРИБУТИКА ПОХОРОННОГО ОБРЯДА

Детали одежды, участвовавшие в похоронном обряде, хотя были и менее разнообразны, чем в свадебном, но никак не менее устойчивы.

Часто элементы подвенечного, особенно женского костюма (прежде всего это относится к головным уборам), служили при обряжении покойной. У татар это были шарфы. Такая традиция сохранилась до нашего времени (опросы информаторов и фотографии) и известна у многих народов. К примеру, у грузин – при обряжении покойной использовали весь комплекс ее свадебного головного убора.

В обряд входила специальная одежда для покойника, траурная – для близких и всех участвующих в обряде и отдельно – одежда для обмывальщика тела. Естественно, что и у мужчин, и у женщин эта одежда различалась.

Сначала на умершем ножницами разрезали его обыденную одежду, снимали ее

и накрывали тело тканью (район Судака) (Ефимов, 1993, 200). Затем приступали к обмыванию. После обряда обмывания одежду закапывали в специально вырытую яму (обычно под деревом, в дальнем углу двора). Туда же закапывали и одежду обмывальщиков и нитки с катушкой, оставшиеся после шитья савана (опрос автором информатора П. Мамбетовой, район Ялты, 1989 г.).

Затем платками “явлук” подвязывали подбородок и ноги.

В районе Ялты одежду не сразу снимали с покойного, а сначала стелили постель и клали его в том, в чем он умер, на простыни, а поверх в несколько слоев клали принесенные гостями ткани, на мужчин еще и пояса, а на женщин – шарфы, на грудь молитву “дуа” (Судакский район), а в районе Бахчисарая – раскрытые крестообразно ножницы (опрос автором информатора П. Мамбетовой, район Ялты, 1989 г.). А уже потом, отгородив место для обмывания, все эти вещи разбирали, одежду снимали и приступали к обряду обмывания.

Все предметы для обмывания приносили из мечети. У обмывальщиков была специальная одежда, которую готовили родственники умершего, – длинные тряпичные перчатки и длинный белый матерчатый фартук. Мужчин обмывали мужчины, а женщин – женщины.

После обмывания на покойного надевали “кефын” – саван. В саван, сшитый из заранее приготовленной ткани, входил набор предметов: 1) “гольмек” – рубашка, длинная для женщин и короткая для мужчин. В Старом Крыму погребальная рубашка называлась “дженет колек”, была цельнокроенной, без швов (опрос автором информатора Р.К. Бозгязиевой, 1991 г.); 2) “штан”, или “туман”, – ткань, закрывавшая ноги; 3) непосредственно саван, состоявший из трех слоев ткани, в которые заворачивали покойного. Для женщин в некоторых районах из этой же ткани шили покрывало “марама” и платок “явлук”, которые не завязывались, а укладывались на голове (Ефимов, 1993, 200). Причем все эти предметы, входившие в “кефын”, кроились без ножниц и без ножа – ткань рвали по линии нити и сшивали крупным швом, толстыми нитями. Шить должен был только один человек, используя новую иглолку и новую катушку (опрос автором информатора Ш. Халиловой из Симеиза, 1989 г.). На гольмек под саван обычно клали молитву “дуа”, а сам саван подвязывали в ногах и над головой веревкой и уже в могиле эти веревки развязывали (Ефимов, доклад*).

Укладывая покойного на носилки, под тело мужчины клали два пояса, на которых потом опускали тело в могилу.

Для женщины такое же значение имела простыня-покрывало “чаршаф” (тур. – “женское покрывало”, имело то же назначение, что и “фередже”). Поверх савана клались дары родных и гостей – на женщин вдоль всего тела (и даже на ручки носилок) набрасывались платки, полотенца и в большом количестве шарфы, а на мужчин – ткани, пояс и другие детали одежды. Раньше считалось, что всех видов деталей должно быть по семь штук, и все это называлось “приданое”, так как готовилось как дар на похороны. Потом это все раздавалось присутствующим и в основном бедным, встреченным у кладбища прохожим, которые имели право распродавать эти вещи на пятничном базаре (Куфтин, 1928, б.с.).

* В степном районе руки укладывали вдоль туловища, а в горном – складывали на груди. В отличие от района Судака, в районе Бахчисарая не следовали традиции при захоронении обращать покойника лицом в сторону Каабы. В южно-бережном Крыму тело покойного обкладывали цветами; существовали и другие порайонные различия в проведении похоронного обряда.

По словам Г.И. Радде, в середине XIX в. тело покойного “закутывают в белые платки, на ноги надевают чулки и туфли, а на голову ермолку с длинной белой кистью” (Радде, 1856, 13).

Что же касается траурного костюма сопровождавших покойного на кладбище, то все мужчины надевали рубахи с длинными рукавами “гольмек” и шапочку “такийя”.

Обряд погребения у крымских татар очень схож с тем же обрядом у караимов (Полканов, 1994, 29–34) и у крымчаков (Ачкинази, 1991).

Интересно, что даже надгробные памятники у татар, как и в Турции и в Египте (Нерваль, 1986, 128), имели навершия в виде женских и мужских головных уборов, что мы можем наблюдать на ханском кладбище в Бахчисарае (Кондараки, 1875, ч. XV, 182–184). Такого рода надгробия встречаются и на Северном Кавказе, иногда и у ногайцев (сведения А.А. Ярлыкапова).

О связи одежды с потусторонним миром говорит поверье о возможности избавиться от болезни. На могилах людей, прославившихся святостью образа жизни, татары отрывали куски от собственного платья и оставляли их на этих местах, считая, что так они расстанутся со своими недугами (Кондараки, 1875, ч. 12, 39).

Что же касается особенностей похоронного обряда у ногайцев, то в 1836 г. Корнис писал, что они “мертвых одевают в их платье и так несут на кладбище” (Корнис, 1836, 291). А.Н. Попов писал в 1888 г., что родственники покойного носят после его смерти 40 дней ту одежду, в которой они были, когда он умер, потом эту одежду тоже, как и “приданое” с носилок покойного, раздают бедным (Попов, 1888, 45). По сведениям Н.Ф. Дубровина (1860-е годы), мужчины-ногайцы надевали в знак траура шапку особого покроя с нагольной внешней стороной. Края ее обшивались или серпянкой (редкая льняная ткань), или другой похожей тканью и имели форму фестонов. Шапку эту носили в течение года. Позднее она перешла и в повседневный костюм (Дубровин, 1871, 279–280). Трухмены, жившие издавна на территории калмыцких степей и причисленные к кизлярским ногаям, по впечатлению А.А. Володина, в начале XX в., как мужчины, так и женщины, носили весь комплекс траурного платья в течение года, не меняя и не стирая его. Причем для близких родственников о трауре говорил черный цвет шапки, а для дальних – зеленый или синий. У женщин траурным был белый цвет (Володин, 1908, 51).

АТТРИБУТИКА ДРУГИХ ОБРЯДОВ И РИТУАЛОВ

Обряд обрезания. Во время обряда обрезания “сюннет-той” большую роль играли полотенца и платки. Платок и полотенца дарила мать мальчика цирюльнику, совершавшему обрезание (Кондараки, 1875, ч. XI, 65). Известно, что в районе Карасу-Базара мужчинам и приятелям, приходившим навестить мальчика после обрезания, завязывали на руку платок (как и друзьям на свадьбе) (опрос автором информатора Р.К. Бозгязиевой, 1991 г.). А в дер. Котлах (Судакский район) вместо платка через плечо повязывали полотенце (опрос автором жителей деревни, 1991 г.). В Турции через плечо повязывали ленту, но не гостям, а самому виновнику обряда (Еремеев, 1980, 63).

Религиозные праздники. На религиозные праздники, особенно на Курбан Байрам, мужчины и женщины надевали самые нарядные платья и устраивали состяза-

ния, на которых женщины выдавали мужчинам-победителям призы. В призы входили кушаки, платки, шапки и башмаки – красные сафьяновые остроконечные без подошвы (Дубровин, 1871, 273). А на 10-й день Рамазана в степном районе парни надевали высокие колпаки, белые одежды и маски. Некоторые из них одевались в женское платье (Фиельструп, 1923).

Подготовка к молитве. До наших дней существуют особые приготовления к совершению молитвы, отражающиеся на костюме. Мужчины, молившиеся в мечетях, всегда снимали обувь. Молящиеся в пути подстилали под колени верхнюю одежду. Женщины, обычно молящиеся дома, снимали во время молитвы все украшения (Радде, 1856, 4), покрывали голову шарфом так, чтобы не видны были волосы, и опускали манжеты платья, закрывая ими кисти рук (опрос автором информатора З. Бекировой, г. Евпатория, 1989 г.).

Обряд посвящения в мастера. Очень интересен по своим связям с магическими знаками обряд “ревана” – посвящение в мастера, т.е. принятие в цех и тем самым открытие свободного пути для ремесленника в отпращивании его ремесла. В.А. Гордлевский считал, что вся эта система была перенята татарами у турок (Гордлевский, 1928, 57). У нас есть подробное описание “ревана”, данное очевидцем, наблюдавшим его в 1827 г. в Бахчисарае. Описан обряд принятия членов в цех кожевников – одно из самых элитных ремесленных производств. Кандидаты в мастера, как и члены цеха, стояли в разноцветных (очевидно, в зависимости от религиозной принадлежности) шелковых (мастера) и бумажных (кандидаты) покрывалах “пештамалах”, сложенных в длину и перекинутых через правое плечо, с заткнутыми за пояс у левого бока концами. После специальной молитвы духовный руководитель цеха – “нахып” – единственный, не набрасывавший на себя “пештамал”, “отверзал врата” цеха для подмастерьев, т.е. снимал пештамал с их плеч, разворачивал его, три раза обводил пештамалом вокруг посвящаемого (интересна аналогия с невестой, пояс которой отец или брат тоже трижды обводил вокруг невесты, перед тем как застегнуть на талии) и завязывал верхние концы покрывала узлами сзади (Булатов, 1840, 141, 151), отчего тот приобретал вид передника. Причем завязывался пештамал на три узла. В.А. Гордлевский, наблюдавший этот обряд уже в 1927 г. в Карасу-Базаре, писал, что первый узел указывает на единство Бога, второй – на пророка Мухаммеда, а третий – на архангела Гавриила (Джебраила) (Гордлевский, 1928, 61). Затем происходило “разрешение запонов” – помощник “нахыпа” развязывал узлы пештамала и набрасывал плат на левое плечо вновь принятого в члены цеха. Этим “развязыванием” узлов ознаменовывался переход из одного состояния в другое – таким образом, отверзались врата в новую жизнь. Затем уже новопринятые в мастера дарили своим наставникам и высшим членам цеха подарки – сукно на кафтан, ткань “шамаладжу” – на халаты, а также хлопчатобумажные и шелковые платки. По принятой у татар легенде, еще архангел Гавриил, по велению Бога, набросил на Адама как на первого ремесленника передник-покрывало. А позднее знаменосец Мухаммеда окрасил на своей свадьбе кожи домашних животных в три цвета: в черный – баранью, в желтый – козлиную и в красный – бычью (Гордлевский, 1928, 57). После принятия в члены цеха мастер не имел права выходить из своей мастерской в рабочей одежде. Если в его помещении было еще и грязно, то брали его штаны “туман”, вываливали их в грязи и вешали на дерево у мастерской. Если же он не менял своих привычек, то собрание цеха снимало с него фартук – “пештамал” и ему говорили: “Твой кафтан сшит”, – т.е. этим он лишался и мастерской и звания мастера (Гордлевский, 1928, 62–63). Рассматривая особенности проведения обряда с разни-

цей в 100 лет, в городах, представляющих население с разными этническими корнями, нужно отметить, что он во всех значимых деталях оставался очень устойчив. Правда, для представителей различных субэтнических групп, проживавших в степных или в горно-прибрежных областях, всегда существовали свои особенности, а иногда – менее четко, они проявлялись в отдельных районах и даже деревнях.

Считается, что наиболее явно в обрядовой одежде проявилось турецкое влияние, особенно в районе Бахчисарая, тесно связанном с Турцией во времена ханства.

Но здесь мы видим и много общего с традициями других народов, в частности – с греками, в основном сформировавшимися во времена существования Византийского государства. Но о всех этих влияниях, проявившихся в различных символах, мы будем говорить позже.

Глава IV

ОРНАМЕНТИКА КОСТЮМА

По элементам орнамента, представляющим в целом систему символов, можно проследить генетические и исторические связи крымских татар с различными этносами, в прикладном искусстве которых встречаются эти же элементы. Существенно помогают воссозданию картины истории формирования этносов и субэтносов анализ технических приемов и материалы (включая их природу и цвет), используемые при создании деталей костюма.

Тканые и вышитые узоры, а также аппликации, располагавшиеся на деталях одежды, по мнению многих исследователей, изначально выполняли обереговые функции, так как их обычно помещали на местах, прикрывающих самые уязвимые и значимые участки тела – грудь, шею, спину и т.д. (Гаген-Торн, 1980, 21–22).

Одно из основных свойств прикладного искусства крымских татар, что относится и к его неотъемлемой части – орнаменту, – чрезвычайный эклектизм – смесь самых различных влияний и наслоений.

Как мы уже отмечали, корни культуры татар Крыма степной части были связаны с влиянием тюрко-монгольской культуры, а на юге это – греко-гото-итало-армянские связи, на которые наложилось влияние Османской империи (особенно в горной части), подчинившей себе Крым в конце XV в. А поскольку турки представляли средиземноморскую культуру и в их искусстве очень ярко проявилось наследие Византии, то, как образно писал М. Волошин, “ в рисунках вышивок татарских полотенец догорает вечерняя позолота византийских мозаик и облетают осенние вязы итальянского орнамента” (Волошин, 1992, 64).

ТЕХНИКА ШИТЬЯ

Обращаясь к рассмотрению техники шитья, нужно отметить, что крымские татары были знакомы по крайней мере с семью самыми распространенными ее видами, встречающимися в основном в шитье по тканям, и прежде всего – домотканым. Первый – “татар ишлиме” – татарская гладь со счетом нитей основы и утка, где смещение уколов иглы по определенной схеме, при обратном ее проходе создает множество разнообразных вариантов узора. Второй – “эсап ишлиме” – “шитье стягами” – двустороннее решетчатое шитье, где сетчатый узор создается стягиванием нитей основы и утка, туго перевивающей их узорной нитью. Третий – “телли” – “шитье площенкой” – узкой металлической пластинкой, протягиваемой сквозь ткань и забиваемой специальным молоточком в разного рода геометрические узоры. Четвертый – “мыкълама” – “высокое шитье золотом” – шитье золотными нитями по плотным тканям с предварительным настилом из нитей или картона, по которому уже прикрепом создавались разнообразные, обычно геометрические узоры. Пятый шов – “букме” – шитье шнурком, обычно золотным, тоже вприкреп и по плотным

тканям. Гораздо реже встречался шестой шов – “касак” – “тамбурный”, который выполнялся или иглой, или крючком. Седьмой шов – “пул” – “шитье блестками”, дополнял основной узор. При его шитье обычно придерживались определенной схемы.

Особняком стоят два отделочных шва – “эмеру” – “кордонэ” – шов в обметку руликом и “сычан тиш” – “мышинный зуб” – обметка в петлю, имеющий направленные стежки по вертикали и по косой.

Первые три вида шитья, как и два отделочных шва, использовались для украшения и заделки предметов из легкой дмотканой “атмы” – хлопчатобумажной, шелковой или льняной (иногда конопляной или крапивной), шедшей на пояса, шарфы, платки. Здесь в шитье использовались золотные, шелковые, а позднее хлопчатобумажные и шерстяные нити, а также и пшеница.

I – “татар ишлиме”, самый распространенный шов из этих трех видов (*тур.* – “татарская выделка”), – глухая гладь двустороннего шитья без предварительного настила. Этот вид имел свыше 70 вариантов и с учетом особенностей шитья разделялся на две категории: простую и счетную.

К первой категории относится простая гладь. В отличие от швов второй категории здесь не имел значения счет нитей основы и утка расшиваемой ткани, как и не существовала схема расположения прохождения нити узора в обратном направлении. В простой глади мы встречаем те варианты узора, которые П.Я. Чепурина рассматривает как элементы шва (Чепурина, 1938, 6–12). Первый это “йылан бавур” (“брюшко змеи”), напоминающий узор “елочка”, гибкой формы и завершающийся острым углом. Второй – “сарма” (“крутящийся”), шов косой глади, выполненный очень слабо натянутой нитью, ложившейся так, чтобы создавать впечатление движения. Третий – “изюмчик”, имел каплевидную форму контура и шился от края к центру, а четвертый – “тавук кот” (“звездочка” *тур.* – “куриная гузка”), имел форму круга и шился из центра по кругу. Все эти узоры обычно служили для завершения оформления орнаментальных мотивов.

Ко второй категории – к счетным вариантам шва “татар ишлиме”, являвшимся основными в создании узора, относилось два – “ел йип шаширма” (“не теряй дорожки”) и “таарлеме” (“ограждающий”). Оба они насчитывали около 100 комбинаций (Чепурина, 1935, 103; Чепурина, 1938, 5–12). Считают, что шов “ел йип шаширма” был самым распространенным в ханский период. Создавая узор, мастерица здесь прошивала стежками ряд в одном направлении, захватывая на определенном расстоянии нити утка расшиваемой ткани, а при обратном проходе нити смещала стежки так, чтобы на уже расшитом пространстве создавался какой-либо из вариантов узора. Иногда на одной вышивке каждый мотив прошивался так, что создавались различные фигуры (обычно геометрические). Считается, что использование золотных нитей в такого рода шитье распространилось со второй половины XIX в. Ткани с редкой основой позволяли прошивать их спряденными золотными нитями, у которых при этом не травмировалось внешнее “золотное покрытие”. Для того или иного района определенные узоры были наиболее характерны и имели свое образное название. Так, шов, образующий ряды волнообразных линий, назывался “день из долгъа” (“морская волна”) и был распространен в районе Евпатории, Феодосии и Бахчисарая, а ряды зубчатых линий “диван-къаш” (“брови дугой”) – только в районе Бахчисарая (Чепурина, 1938, 12, 20, 26).

Второй групповой шов – “таарлеме” – служил для того, чтобы подчеркнуть форму основного узора. Цвет использовавшихся для этого шва нитей обычно кон-

трастировал с цветом обшиваемого узора. До XIX в. для такого оконтуривания использовались мягкие тона, а с XIX в. появился черный цвет. Шов “таарълеме” чаще всего состоял из четырех рядов стежков, и стежок каждого ряда делался на одном уровне. Поэтому внешне такой шов, “ограждающий” основной мотив, представлял собой широкие полосы, составленные из мелких квадратиков правильной формы.

II – “османлы ишлиме” (“османская вышивка”, букв. “выделка по-турецки”), иначе называемая “эсап ишлиме” (“счетный шов”), – это вид двустороннего шитья, известный в русской номенклатуре как “шитье стягами” или “решетчатый шов”. Само название “османлы ишлиме” говорит о том, что этот шов был перенят крымскими татарами у турок, а определение его в России как “решетчатый шов” передает его сквозную сетчатую фактуру, создаваемую приемами шитья. Существовало семь вариантов этого вида шва, и характер их исполнения варьировался в зависимости от направления стежка и количества нитей основы и утка, захватываемых иглой. При шитье, которое обычно велось по горизонтали и вертикали, нить, создающая узор, прошивая ткань, тут же затягивала ее в стежок и, таким образом, получалась мелкая сквозная сетка. К началу XX в. этот вид шитья почти полностью исчезает (Там же, 31–34).

III – “телли ишлиме” (“шитье битью”, букв. – “выделка проволокой”) также относится к двусторонним видам шитья. Шов выполнялся тонкой оловянной или медной металлической полоской, называемой “битью” или “площенкой”. Полоска имела ширину до 3–4 мм. Существовало два типа этого вида шитья: первый – когда один конец площенки протягивался через ткань и загибался углообразно с изнаночной стороны. Другой конец обрезался, и плоценка прибавалась к ткани специальным молоточком. При этом рисунок лицевой стороны всегда отличался от изнаночной (Там же, 36–37). Известно шесть вариантов рисунка забоя, по которым можно определить либо район, либо народ, для которого характерно использование того или иного варианта (Там же, 37); второй – это когда техника исполнения шитья повторяла простейшие варианты шва “татар ишлиме”. В узорах вышивок этот тип обычно использовался в сочетании с другими видами шитья.

IV – “мыкълама” (“шитье вприкреп золотными нитями по настилу”, букв. – “сделанный гвоздем”). В русской номенклатуре этот вид шитья носит название “высокое шитье золотом”. Материал для него использовался всегда плотный и перед шитьем специально подготавливался. Если использовалась в виде основы не кожа, а ткань, то на изнаночную сторону бархата приклеивался сплошной настил из плотной бумаги, а если расшивался атлас – то картон. “Лицевой”, узорный настил, который покрывался золотными нитями, с конца XVIII в. стали вырезать из плотной бумаги и картона и накладывали его по контуру нанесенного на ткань рисунка. Ранее, в XVII–XVIII вв., для “лицевого” настила использовались толстые крученые шелковые нити – желтого цвета – под золото, а белого – под серебро (Там же, 38–39). Это делалось для того, чтобы просветы между золотными нитями не нарушали общего колорита вышивки. С конца XVIII в., иногда для большей рельефности поверх бумажного настила накладывались слабо крученые хлопчатобумажные нити, тоже подобранные под цвет нитей шитья. При шитье золотная нить никогда не прошивала материал, так как, будучи обернутой вокруг хлопчатобумажной или шелковой нити, проходя сквозь плотную основу, она могла обнажить эту нить. Поэтому обязательно использовалась вспомогательная, незаметная “рабочая” нить (обычно кремового цвета), ход которой всегда можно было видеть с изнанки. “Рабочая” нить, прошивая ткань с изнанки, выходила на лицевую сторону, обхватывала золот-

ную нить и в том же самом месте, т.е. идя “укол в укол”, выходила снова на изнанку, а закрепленная “рабочей” нитью золотная нить после этого перебрасывалась через бумажный патрон и снова закреплялась “рабочей нитью”, но уже с противоположной стороны, и так до конца шитья. При этом края “лицевого патрона” служили границей, по которой крепилась золотная нить. В тех случаях, когда на гладкой поверхности шитья нужно было создать узоры прикрепом (обычно геометрические), “рабочая” нить прошивала поверхность вышитого элемента по определенной схеме и тем самым создавала на нем узор.

V – “букме” (“шитье шнурком”, букв. – “складываемая”). К этой технике обращались при украшении деталей верхней одежды и используемых в быту мелких предметов – кисетов для табака, футляров для часов и других вещей. При шитье “букме” узор наносился на ткань заранее и по его контуру наклеивался сплетенный из золотных нитей шнурок. На лицевой стороне он прикреплялся идущей с изнанки рабочей нитью, имеющей тот же цвет, что и шнурок (как и в технике шитья “мыкъялама”). Особенность этого шитья заключалась в том, чтобы создать узор из одного непрерывного шнурка (Там же, 40). Узор обычно имел мягкие и плавные линии и представлял растительные мотивы.

VI – “каснак” (“шитье в петлю”, часто золотной нитью по плотным тканям) имеет еще и более распространенное название, принятое в вышивальном искусстве у многих народов – “тамбурный шов”. У крымских татар используемые для этого вида шитья пальцы носили то же название, что и само шитье – “каснак”. П.Я. Чепурина считает, что предки крымских татар были знакомы с этим видом шитья еще до прихода в Крым, так как, по ее сведениям, оно было широко распространено уже в первые века нашей эры среди народов Средней Азии (Там же, 41) (отличие проявляется только в том, что с XVII в. в горно-прибрежных районах Крыма (у татар и турок) оно обычно встречается только при шитье золотными нитями – традиция, принятая в Турции. В ханский период шитье “каснак” было распространено и среди караимов (Там же, 41). Этот вид шитья выполнялся как иглой, так и крючком, причем оба способа шитья давали одинаковый эффект. Иглой (с загнутым концом) пользовались до появления крючка. Шитье “каснак”, как и шитье “мыкъялама”, “букме”, относится к односторонним видам шитья, в которых изнаночная сторона резко отличается от лицевой. В конце XIX в. этот вид шитья уже очень редко встречается на вышивках крымских татар (Там же, 40–42).

VII – “пул” (“шитье блестками”, букв. – “денежка”). Этот вид можно назвать дополнительным видом шитья, так как к нему прибегали для придания блеска и большей нарядности уже украшенному вышивкой предмету. Блестки – мелкие, плоские металлические кружочки, нашивались всегда на ранее намеченные места и тоже создавали узор (Там же, 42).

Существовали и другие дополнительные приемы украшения вышивок, зависящие от назначения самих изделий, характера материала и техники шитья. Иногда края обшивались кружевом из хлопчатобумажных или золотных нитей, вязаных крючком, а иногда – золотной тесьмой или шнурком (Половцева, 1913, 270). Часто края домотканых изделий заделывались или швом “эмеру” (в переводе “закатанный шов”), или завершались бахромой, сплетенной из нитей основы самой ткани, а изредка – шерстяной плетеной сеткой, завершающейся кистями (как, например, на шарфах “марама” из района Ялты). Некоторые виды изделий, сшитые из плотных тканей, расшивались еще и дробницами, жемчугом, бисером.

В зависимости от размеров предметов, типов тканей и видов шитья использова-

лись и определенные пальцы. Для швов “татар ишлиме” и “османлы ишлиме”, когда расшивались предметы из тонких домотканых тканей (варианты “атма”), использовались пальцы, называемые в одних районах “кергеб”, а в других – “кирья” (Чепурина, 1938, 63). Такой тип пялец был распространен у многих народов, в том числе и в России. Пяльцы представляли собой прямоугольной формы раму, установленную на четырех низких ножках. Вышиваемая ткань прикреплялась к краям рамы веревками, продернутыми через кромки ткани и туго ее натягивавшими. Для мелких вышивок, создававшихся на плотных тканях и выполнявшихся в технике “мыкълама” и “букме”, использовались пальцы “джильде”. Они представляли собой сложную конструкцию из двух, наложенных одна на другую, наклонных досок, укрепленных на треноге. Доски крепились так, что верхняя была подвижна и ею можно было зажать часть вышиваемой детали (Там же, 60).

В начале XX в. из-за изменений условий быта, голода, войны процесс угасания народного творчества усиливается. Интерес к организации кустарного художественного производства появляется в 1930-е годы в связи с постепенным налаживанием хозяйства. В городах, где были собраны значительные музейные коллекции предметов декоративно-прикладного искусства, – Бахчисарае, Евпатории, Карасу-Базаре, Алуште, Ялте и других, начинают создавать артельские мастерские, для которых музеи служили своего рода школой изучения и освоения различных видов народного искусства. Руководили артелями старые мастерицы (Там же, 47). Нужно отметить, что, к сожалению, общий художественный уровень этих вещей становится значительно ниже старых образцов, вводится в употребление ткань машинной выработки. Сочетания цветов в узорах вышивок становятся более контрастными, с меньшим количеством оттенков, а сами цвета приобретают резкость (ядовитость) из-за анилиновых красителей, нити грубеют, часто используются фабричные, а не ручной крутки, швы применяются самые простые.

ОРНАМЕНТАЛЬНЫЕ КОМПОЗИЦИИ

Очень интересной областью народного творчества было создание узоров для деталей костюма.

На изделиях из тонких домотканых полотнищ “атма” – шарфах, поясах, платках и других, узор заполнял или концы, или края образца, центральная же часть не украшалась. А предметы, шитые золотом по плотным фабричным тканям, узор заполнял полностью. Это – шапочки, подтяжки, обшлага рукавов. Исключение составляли курточки, где всегда соблюдалась определенная схема расположения узора, а также кожаные головные уборы и обувь.

Созданием узоров занимались обычно местные художники, учитывавшие традиционно принятые в разных районах Крыма и устоявшиеся орнаментальные формы. Часто один художник составлял узоры не только для мастериц своей деревни, но обслуживал и соседние районы. При создании узора ни один мотив никогда не повторялся полностью, а сам узор не выходил за границы оставленного для него поля. Каждый элемент орнамента нес определенную смысловую нагрузку и имел свое название, в результате чего вещи “говорили” на понятном всем языке. Так, например, дубовый лист на вышивках символизировал мужское начало, а S-образный элемент “сув”, чаще использовавшийся в узорном ткачестве, был знаком воды (Чепурина, 1929, 76). Постепенно язык символов забывался, как и названия элементов орна-

мента, и к началу XX в. мастерица давала уже название узору по его сходству со знакомыми ей предметами (Там же, 77).

Узор на шарфах и поясах обычно состоял из нескольких повторяющихся мотивов, помещенных в одном горизонтальном ряду (исключение иногда составляли пояса, где мотив мог быть и один). Реже мотивы располагались на определенном расстоянии друг от друга, а чаще соединялись между собой. Расстояние бывало настолько небольшое, что создавалось впечатление сплошного, в определенном ритме заполненного узором пространства, при котором отчетливо проступал фон. На вышивках впечатление движения, создаваемое композицией орнамента, очевидно, объясняется плавными изгибами основных линий рисунка и их односторонним горизонтальным направлением (на поясах узор компоновался по вертикальной оси).

Для вышивок на тканях и кожаных изделиях рисунок составлялся или на бумаге – “наглядный образец”, или из картона вырезались основные его элементы, переводившиеся на образец по их контуру. При “высоком шитье золотом” картонная основа узора накладывалась на расшиваемую деталь и покрывалась шитьем вприкреп. Задумывая рисунок, художник учитывал и распределение в нем цветов и оттенков. В тех случаях, когда вышивка выполнялась на ткани (обычно домотканой), важен был счет нитей основы и утка, а цвета и детали узора дополнялись и варьировались уже в процессе работы.

На образец рисунок переносился заостренной палочкой, смоченной в орешковых чернилах или карандашом. Добавочные формы и линии рисовались от руки (Спасская, 1926, 31), что давало возможность всякий раз свободно рассчитывать размещение в пространстве (прежде всего на изделиях из ткани) заданных элементов и создавать различные варианты орнаментальной композиции.

Иногда на вышитых вещах встречается неожиданно введенный дополнительный элемент – это или забой площади “телли ишлиме” на изделии, где, как правило, не прибегают к этому виду шитья, или элемент узора, нарушающий обычно симметричные повторы какого-либо мотива. Исследователь А.М. Петрова (Там же, 44) склонна рассматривать эти элементы как личные знаки, оставленные безвестными мастерицами на созданных ими вещах. Может быть, эти знаки выполняли и роль оберега, очень часто встречающегося на вышитых изделиях у разных народов.

На тканях, прежде всего домотканых, предназначавшихся для таких деталей одежды, как пояса, шарфы, платки, вышитые узоры всегда были гораздо сложнее и разнообразнее, чем на курточках, платьях, головных уборах, обуви, на которых обычно изображались различные варианты растительных побегов. Здесь же узоры составляли цветы, плоды, стилизованные изображения животных, предметы утвари, часто встречались и архитектурные сюжеты и изображения лодок, кораблей. Иногда узоры дополнялись надписями на крымско-татарском языке, выполненными в арабской графике. Правда, надписи не всегда читаются, что, вероятно, объясняется или небрежностью, так как вышивальщице казался важным именно декоративный момент, или механическим перенесением на ткань надписи мастерицей, не знающей арабской письменности. Завершала узор обычно кайма, образованная полосами “сув”. Эти полосы бывали или самостоятельным мотивом, или продолжением главного узора и отделялись от него узкими горизонтальными полосками. Узоры на поясах чаще вышивались шелковыми нитями, а на шарфах “шербенти” – золотными, с незначительными вкраплениями разноцветного шелка. Концы часто завершала мережка, образованная вытянутыми нитями утка. Иногда нити утка соединялись в мережке таким образом, что создавали рисунок из ряда повторяющихся

ся геометрических фигур, – это так называемая техника “къыбрыз” – “кипрская”, известная в русской номенклатуре как “мережка настилом”.

По мнению П.Я. Чепуриной, район производства каждой вещи, помимо элементов узора, сочетания цветов, использования определенной техники шитья и ткачества, помогало определить и расположение узора по осям – горизонтальной, диагональной и вертикальной. Особенно четко это видно было на вышитых шарфах и поясах. Так, узор, построенный по горизонтали и разработанный в самых строгих и простых формах – линии, зубцы, волны (чередующиеся в цвете), говорил о принадлежности вещи к степному району, а диагональная композиция с разнообразными растительными мотивами – к предгорному и частично степному районам Крыма. Что же касается организации узоров по вертикали, то они были обычны для горных районов (Чепурина, 1929, 75). Мы же можем заметить, что самые сложные и богато украшенные орнаментальные композиции, в которых явно прослеживается влияние культуры других, давно ставших местными, этносов (греков, армян, генуэзцев, турок), были характерны для прибрежных районов полуострова.

Основными датирующими признаками для вышивок на домотканых легких тканях “атма” периода расцвета вышивального искусства – XVI–XVIII вв. – являются: большое разнообразие швов, примененных на одном вышитом предмете, использование нитей мягких тонов, имевших множество оттенков, незаметно переходивших один в другой. Шитье всегда было двустороннее, и невозможно было отличить изнанку от лица. Ткань, производившаяся как основа для таких вышивок, была тонкой и прозрачной, создавалась из равномерных по толщине нитей. Постепенно, с XIX в. ткань становится более грубой, редкой, ее начинают ткать из неравномерно скрученных нитей. Оттенки цветов нитей, предназначенных для вышивания, уже более яркие, менее разнообразные, нет плавного перехода от одного цвета к другому. Меняется и состав используемых цветов – белый и синий во второй половине XIX в. заменяется красным и черным (Чепурина, 1935, 103–105). Изменяется и качество шелковых нитей, предназначенных для вышивания, – исчезают нити тонкой ручной крутки. Узор становится крупнее и проще, уже нет тщательной разработки самых незначительных элементов. На вышивках XIX в., выполненных в технике двустороннего шитья, в отличие от вышивок ханского периода, изнанка обычно видна.

Как мы уже говорили, кроме определения временных особенностей, существуют и признаки, выявляющие этнические истоки и этно-культурные связи*. Так, некоторые изделия по колориту используемых цветов, узору и его расположению, качеству нитей, особенности приемов шитья и другим характеристикам можно определить как турецкие. Чаще всего такие вышивки в XIX в. встречаются в прибрежном районе Крыма. Вообще существует мнение, что все узоры на турецких вышивках до XV в. были строго геометризованы, но уже в XVI в. на них стали преобладать растительные мотивы, а к XIX в. появились и архитектурные (Jehab, 1984, 83–86). Для турецких вышивок всегда было характерно большое разнообразие ярких цветов и их оттенков, особенно это относится к красному цвету. Поле на турецких образцах обычно густо заполнял узор, расположенный по вертикальной оси (Патрик, 1985, 83–86), а также их отличал особый характер забоя шитья “телли” (Чепурина,

* Говоря о всех этих вышивках, мы в основном имели в виду горный и особенно прибрежный районы, так как именно здесь сосредоточивались народы, в среде которых искусство шитья было традиционно очень развито.

1. Худ. Е.М. Корнеев. Крымские татары. 1802 г.

2. Худ. Г.Ф.Х. Паули. Крымские татары и мулла. 1840–1850-е годы

1938, 37). Что касается татарских вышивок, то красный цвет появляется здесь только в начале XX в. (Чепурина, 1935, 103–105), поле не так густо заполнено узором, и расположен он в этих районах – т.е. на побережье – по горизонтальной оси. Использовался и другой вариант забоя шитья “телли”. Некоторые крымские вышивки имеют очень много общего с армянскими (Табл. XVIII–1, 2), причем это относится ко всем известным нам характеристикам. И нужно отметить, что эта близость проявляется гораздо полнее, чем между татарскими и турецкими. Проследивая сходство части крымских вышивок, входящих в коллекцию ГМВ (№ 818ш, 1231ш, 1528ш, 2788ш и др.), с вышивками XVIII–XIX вв., создававшимися армянами на территории так называемой Турецкой Армении, мы очень часто, кроме других сходных узоров, встречаем изображение коробочек хлопка (Патрик, 1985, ил. 41, 76, 98; Давтян, 1972, ил. СXXX, СXXXI), а также растительного побега с изображением “петушиного гребня” и гвоздики (Табл. XV–3, 4, 5, 6). Очевидно, здесь имеет значение не только то, что “турецкая” часть Армении в XVI–XVIII вв. одновременно с Крымом входила в состав Османской империи и существовали очень активные культурные связи между этими двумя регионами, но и то, что эти вышивки в Крыму создавались армянами (Табл. XV–1, 2). Так, например бытует предание, что Армянская епархия в Крыму выполняла заказы на церковные вышивки для храмов по всей Армении. Много общего в узорах и технике шитья татарских и греческих вышивок (Табл. XV–7, 8, 9). Говоря о караимских вышивках, нужно отметить, что их прежде всего можно узнать по использованию в шитье “тамбурной” техники, к XIX в. исчезнувшей с вышивок крымских татар (кроме принятого и в Турции шитья “тамбуром” золотными нитями).

Поскольку для каждого района Крыма было характерно использование определенных мотивов при украшении тканей, то изображения рыб, лодок, кораблей, волнообразная линия каймы “сув” говорили о принадлежности вещи к прибрежному району – в основном к восточному берегу. Для восточного побережья было характерно и изображение разного рода цветов, густо заполнявших поле вышивки, и каждый такой мотив имел своеобразное название. А композиция из концентрических кругов, называемая “кунеш” – “солнце”, была характерна для района Бахчисарая и, как считают, перенесена на вышивки с резьбы по мрамору, встречающейся на надгробных памятниках кладбища ханов при Бахчисарайском дворце (Чепурина, 1938, 50), т.е. о районе создания вещи очень часто можно судить по характеру украшавшего ее узора. На вышивках татар степного, горного и прибрежного районов можно видеть следы влияния культуры народов, пришедших на крымскую землю задолго до появления здесь татар или же появившихся не так давно, или же тех, что были связаны с Крымом торговыми отношениями. Существовали и другие связи.

Так, узоры на найденных в скифо-меотских погребениях золотых бляшках, украшавших пояса в IV в. до н.э., можно увидеть повторенными на вышивках крымских татар XIX в. Прежде всего это расшитые золотом черные бархатные пояса “колан” (“хоулан”). Мотив фестончатой розетки с выступающими между границ фестонов острыми треугольниками на скифо-меотских бляшках на татарских вышивках XIX в. очень определенно представляет цветок с листьями между лепестками (Сокровища..., 1985, 99, ил. 55).

Образовавшиеся в Крыму во второй половине XVIII в. болгарские поселения тоже оставили свой след в прикладном искусстве татар – в частности в тканых узорах. Один из таких узоров – мотив в виде мальтийского креста, вписанного в ряд ромбов (Бахрушин, 1925, б.с.).

В XIII–XV вв. образовавшиеся на восточном побережье Крыма венецианские и особенно генуэзские фактории привнесли в культуру Крыма свои традиционные элементы растительного орнамента и особую изысканность его разработки. Постепенно этот стиль вошел в изделия, шитые золотом и шелковыми нитями. Так, очень часто на поздних крымских вышивках восточного побережья можно видеть мотивы растительного побега с коробочками мака – узор очень распространенный на итальянских (в частности генуэзских) тканях XV–XVII вв. (Соболев, 1934, ил. 158). В XVIII в. такого рода узор встречается и на расшитых деталях праздничной одежды русских женщин (Табл. XVI–1, 2, 3).

Какие-то узоры явно связаны и с обрядовой символикой. Так, во время проведения обряда обрезания стол украшался жареным петухом, очевидно, символизировавшим вступление мальчика в новую, “взрослую”, жизнь. И на вышитых изделиях, участвовавших в этом обряде, изображался петух, из клюва которого капали капли крови (ГМБ, № 2921ш). А со свадебным обрядом была связана курица, которую впускали в дом перед входом в нее невесты. Изображение курицы мы можем найти на свадебных полотенцах у многих народов. Нам известны они в обрядах народов балканской группы, прежде всего у болгар (Брак у народов..., 1988, 156), у понтийских армян (Кузнецов, 1995, ил. 6)*.

Говоря о связях культуры татар с культурой других этнических и государственных образований, особо хочется отметить связь византийской школы шитья с вышивками горно-прибрежной группы крымских татар. В частности, эту связь можно проследить на примере расшитого золотом и шелком в 1597 г. в Греции омофора “Спас Великий Архидиакон”, принадлежавшего в свое время патриарху Никону (Маясова, 1991, 76–77). Выделим связывающие его с крымскими вышивками черты: а) центрическая композиция узора; б) мотив вышитой на омофоре композиции вазона с цветами – самый распространенный на крымских вышивках; в) абсолютное сходство отдельных элементов орнамента и их оформление – характерные “язычки”, вырастающие из мест соединения фестонов в центральной розетке, оконтуривание каждого вышитого элемента скрученной вдвое золотной нитью или шнурком; г) совпадение мест каждого орнаментального мотива в узоре; д) общая техника шитья: счетные швы, шитье вприкреп и т.д.; е) использование одних и тех же сочетаний цветов; ж) линии самого прикрепа создают те же узоры, что и на крымских золотошвейных изделиях XVIII–XIX вв.

Специалист по древнерусскому золотому шитью Н.А. Маясова предполагает, что импорт шитых золотом тканей из Греции на Русь начался еще в дохристианские времена (Маясова, доклад, 1991), а если учесть, что этот импорт шел через Крым, то здесь с греческим (“византийским”) золотым шитьем должны были познакомиться даже раньше, чем в России. Кстати, одинаковые узоры “прикрепа” мы встречаем не только на омофоре византийского шитья и на известных нам поздних крымских вышивках, но и на предметах древнерусского шитья (Ефимова, 1985, ил. 33–35; Маясова, Вишневская, 1989, ил. 16–35; Чепурина, 1938, рис. 18–68).

Еще один интересный пример, подтверждающий влияние культуры Византии на материальную культуру крымских татар, в частности на костюм, мы можем привести, рассматривая шитые золотом нарукавники “къапакъ”, являвшиеся непременной принадлежностью праздничного женского платья крымских татарок XIX – на-

* Вообще же петух и курица у многих народов символизировали плодородие.

чала XX в. Проследив историю возникновения такого рода обшлагов, мы нашли их в костюме византийских епископов XI в. под названием “епиманикия” (Walter, 1982, 20–21). А как предполагают исследователи, в епископский костюм они пришли с гражданского платья византийских императоров (как и многие другие детали церковного облачения) и перешли в русские священнические одежды уже под названием “поручи”.

Поскольку сами византийские обшлага не дошли до нашего времени, а известно, что поручи русского священства, существующие и в наше время, не изменили свой внешний вид с тех пор, как были переняты с костюма византийских епископов (не считая качества нитей и, следовательно, тканей), то сравнивать крымско-татарские женские “къапакъ” XIX в. мы будем с поручами XVII в. (Манушина, 1983, 126–128), так как это самые ранние образцы, дошедшие до наших дней (Табл. XVII – 1, 2, 3, 4).

Общие характеристики для поручей и “къапакъ” следующие:

- 1) и те и другие шились из дорогих тканей (чаще бархат, реже атлас);
- 2) имели в основном форму трапеции (поручи все, а “къапакъ” преимущественно);
- 3) гамма цветов тканей, из которых они шились, была ограничена. В основном превалировал темно-вишневый цвет;
- 4) имели плотную бумажную прокладку, помогавшую жестко облегать запястье;
- 5) подкладка обычно бывала шелковая;
- 6) расшивались золотными нитями, драбеницами, канителью, жемчугом;
- 7) характерна центрическая композиция узора;
- 8) узор растительный, в центре него на поручах вышивался крест, иногда опирающийся на стилизованную корону, а “къапакъ” украшался вазоном с цветами (тоже стилизованным);
- 9) одинаковая техника шитья (“прикреп” и “высокое шитье золотом”);
- 10) края на поручах всегда, а на “къапакъ” часто, окаймлялись со всех сторон шнурком из золотных нитей.

Интересно, что мотив узора на “къапакъ” (часто встречающийся и на других вышивках крымских татар, выполненных с использованием золотных нитей) – вазон с цветами (или иначе “процветший куст”), обычно имеет или семь цветков, или столько же стеблей, причем один стебель всегда расположен в центре, а три по бокам. Один из вариантов названия такого рода узора на крымско-татарском языке – “чирахлы”, и происходит от “чирах”, что в переводе означает – “свеча” или “светильник” (Афанасьева, б.г., б.с.). И сам характер узора и его название невольно заставляют провести аналогию с “семисвечником”, всегда являвшимся атрибутом православного богослужения, пришедшим в христианство из ветхозаветной Церкви, где он представлял собой светильник в виде цветущего куста с семью ветвями – одна в центре и три по бокам. Каждая ветвь завершалась тремя цветками (Библия, 1983, 79). В Новый Завет семисвечник перешел в том же виде и стал атрибутом христианского богослужения (Библия, 1983, 1317). Связь с греческой культурой подчеркивают и известные нам вышитые греческие пояса XVIII–XIX вв., ткани, узоры, цвета и техника шитья на которых лишний раз подтверждают исторические данные о том, что в формировании прибрежной группы крымско-татарского этноса большую роль сыграли греки (Gombos, 1982, il. 37).

Что же касается образцов именно тканого геометрического орнамента, встре-

чаемого у крымских татар на таких деталях одежды, как шарфы и пояса, то они в основном представляют собой солярные и обереговые знаки, стилизованные изображения животных, растений, предметов быта, родовые знаки и т.д. Такие же знаки мы находим и на предметах прикладного искусства у многих народов, часто, казалось бы, не имеющих ничего общего с рассматриваемой нами культурой. Эти знаки иногда имеют одно и то же значение, а иногда совершенно разное. Так, например, восьмиугольник определенного контура с квадратом или ромбом в центре обозначает звезду не только у крымских татар (ГМБ, № 2993ш), но и у русских (Моисеев, 1978, ил. 70), армян (Давтян, 1972, ил. CXVI, № 2), болгар (Митрева, 1982, 51). В Средней Азии – у определенных групп арабов, узбеков, киргизов, туркмен и у других народов разных территориальных групп (Мошкова, 1970; Табл. XVIII – 1–8). Самые ранние для нас узоры, идентичные тем, которые мы встречаем на тканях алуштинской группы и более широко – группы горно-прибрежных татар, мы можем увидеть на расписных глиняных чашах из Кара-депе (территория Туркмении), относящихся к III тыс. до н.э. (Пугаченкова, 1967, ил. 1). Те же узоры, но относящиеся уже к гораздо более позднему времени – XVIII–XIX вв., мы видим на ковровых изделиях той же Туркмении и вообще по всей Средней Азии, а также в Закавказье, Турции. По мнению Б.А. Куфтина, такая повторяемость говорит о том, что эти узоры бытовали в Крыму еще до появления монгол (Куфтин, 1992, 249).

По особенностям техники ткачества, колористической гамме и характеру узоров мы можем провести очень много аналогий между узорным ткачеством крымских татар и народов, принадлежащих к финно-угорской группе, – у финнов (Бернотене, 1974), у народов Прибалтики (Историко-этнографический атлас..., 1986), у мордвы (Мартьянов, 1991), удмуртов (Котова, 1987), коми (Грибова, 1980), а также у очень тесно связанных с ними территориально и исторически тюркских этносов – чувашей (Трофимов, 1976), башкир (Руденко, 1955) и казанских татар (Воробьев, 1930).

Н.И. Воробьев, исследовавший проблемы формирования декоративно-прикладного искусства казанских татар, считал, что интересующие нас типы узоров, так же, как и техника их выполнения, заимствованы тюркскими народами у угро-финнов, и уже тюрки внесли в эти узоры большую многоцветность, определенные излюбленные сочетания цветов, явную стилизацию растительного орнамента и свои вариации в материале и технике исполнения (Там же, 279–282).

Рассматривая геометрический орнамент на предметах быта и особенно на тканях у народов балканской группы, мы видим те же элементы, что и у финно-угорских и тюркских этнических групп, так же, как и у соседствующих с ними славян, т.е. те же финно-угорские элементы мы встречаем и на образцах узорного ткачества белорусов, у русского населения таких губерний, как Вологодская, Смоленская, Тамбовская, Рязанская и другие, в которых преобладают те или иные элементы уже известного нам орнамента. Эти же мотивы мы можем встретить и в болгарском прикладном искусстве, и в узорах, вывязанных на современных итальянских покрывалах, а одно из встреченных нами румынских головных покрывал “марама” и по характеру узора, и по его расположению, не говоря уже о самом названии, очень напоминает крымско-татарские образцы района Ялты (Лукиянец, Калашникова, 1990, рис. 11).

Нам кажется, мнение Г.С. Масловой, считавшей, что в качестве посредников в передаче восточных элементов в восточноевропейскую вышивку (и не только вышивку) немалую роль сыграли болгары, подтверждается множеством примеров (Маслова, 1978, 195).

СИМВОЛИКА ЦВЕТА

Кроме многообразия линий орнамента и создаваемых ими узоров, большую информацию несло в себе не только сочетание цветов на этих узорах, но и цвет самого фона, на котором они создавались. Прежде всего это связано с цветом деталей костюма, который никогда не был случайным, а часто говорил и о вероисповедании его владельца, и о его семейном положении, и о возрастной и социальной принадлежности, и о связи с определенными обрядовыми ситуациями, и о ступени, занимаемой в религиозной иерархии. При этом символика цвета связывала не только этно-генетически родственные народы, но и перенималась с веяниями новой культуры (например, влияние Византии на культуру Османской империи)*. Особенно явно эта граница цвета разделяет кочевые и земледельческие народы. И прежде всего это касается головных уборов и обуви — наиболее консервативной части костюма. Чаще всего это можно видеть на примере женского костюма.

Различия в восприятии значения цвета у этносов, принадлежащих к культуре кочевников или земледельцев, в Крыму можно проследить на примере сравнения его использования в костюме ногайцев и степняков с костюмом горно-прибрежной группы татар. При этом любопытно провести аналогии с его восприятием в культуре народов, близких и к той, и к другой группе. Так, например, ногайцы и степняки имели очень много общего в этой области со ставропольскими “трухменами” и с кочевыми народами Северного Кавказа и Средней Азии. Так, Н.Ф. Дубровин (Дубровин, 1871, 280–281) писал в 1860-е годы, что у ногайцев очень большую роль в костюме играл красный цвет, в старину говоривший о родовитости, а позднее и о состоятельности его владельца. Постепенно отношение к этому цвету стало более демократичным, и в XIX в. его использовали уже часто просто как выделяющий праздничные ситуации. Такую же трансформацию в отношении к красному цвету, но уже у народов адыгской группы отмечает и Л.В. Самарина (Самарина, 1996, 220). Женщины носили красного цвета рубаху, такого же цвета туфли, пояс и платье-бешмет. У девушек красное наверхие имели шапочки. Мужчины носили красные сапоги, а на спинке у ворота верхней одежды — нашивку-оберег красного цвета. В основном одежду красного цвета носила молодежь. То же и у “трухмен”, наголовные покрывала-“дастары” которых бывали обычно малинового или красного цвета (Володин, 1908, 38–39). С.Ш. Гаджиева пишет (Гаджиева, 1976, 128), что у ногайцев Северного Кавказа молодые женщины в старину носили платья-рубахи красного и малинового цветов, реже оранжевого (невольные аналогии с цветом платьев-рубаш в костюме таджичек. — Л.Р.). Такого же цвета были и шальвары. Позднее красный цвет был заменен на белый. Верхняя одежда молодых девушек тоже была красного цвета, но с годами цвета менялись (Гаджиева, 1976, 140). Сначала на синий, а затем, как и у туркмен и других народов Средней Азии (Сухарева, 1982, 87), — на желтый, а у совсем старых — на белый. В культуре многих народов красный цвет символизировал жизнь, плодородие, защиту, власть и богатство. У монгол он был символом покоряющей власти (Жу-

* По мнению Н.Л. Жуковской, “одежда и все предметы материальной культуры, рассматриваемые вне цвета, не могут быть восприняты во всей полноте их выразительности. Только в сочетании с цветом их семантика может быть понята до конца” (Жуковская, 1988, 153).

ковская, 1988, 166), а у византийцев просто символом власти (Каждан, 1968, 165). Постепенно из подчеркивающего высокое происхождение носившего его владельца красный цвет превратился в символ радости и молодости и уже присутствовал в одежде как праздничный, принадлежащий в основном молодежи. Для определенных деталей одежды – в основном это курточки и фески, красный цвет был распространен и у горно-прибрежных татар.

Белый цвет у многих кочевых народов был символом траура. А в одежде пожилых женщин белый цвет говорил о выходе их из продуцирующего возраста и, таким образом, символизировал их очищение. Так, например, у ставропольских трухмен белые дастары носили женщины любого возраста во время траура, а пожилые носили их всегда (Володин, 1908, 38–39). Е.Н. Студенецкая, описывая костюм народов Северного Кавказа, отмечает, что белый цвет был характерен здесь для погребальной одежды, так как являлся символом чистоты (Студенецкая, 1989, 216). А Л.В. Самарина замечает, что как символ чистоты белый цвет был традиционен и для девичьих платков и шалей у тех же народов (Самарина, 1996, 219, 220). У монгол белый цвет означал покой, просветление и траур (Жуковская, 1988, 166). А в культуре Византии он символизировал спасение (Каждан, 1968, 165). Татарки любого возраста из горно-прибрежной группы носили наголовные покрывала не красного цвета, как это было принято у молодых степнячек, а белого, принятого у народов, входивших в Османскую империю (Racinet, 1995, 119; Брун, Тильке, 1996, 379, 389).

Кроме белого цвета, в среде кочевников в качестве траурного выступал и черный цвет. Так, у тех же трухмен мужчины во время траура по близким родственникам носили головные уборы черного цвета, а если это были дальние родственники, то черный заменялся зеленым или синим цветом. По словам Р.Г. Мукминовой, в XVI в. в Бухаре и Самарканде мужчины в знак траура повязывали голову синим тюрбаном и надевали синего цвета халаты (Мукминова, 1979, 76). Вообще известно, что у многих народов, в том числе и входивших в состав Османской империи, постепенно синий цвет заменялся на черный (Чепурина, 1935, 103; Нерваль, 1986, 23). В Византии черный цвет символизировал гибель (Каждан, 1968, 165), и, очевидно, с этим связана устойчивая христианская традиция воспринимать его как цвет траура.

Поскольку зеленый цвет у мусульман считался знаком особого отличия, то известно, что на многих землях, завоеванных турками, христианам запрещалось носить одежду (особенно головные уборы) зеленого цвета. В Византии же зеленый цвет означал смирение (Там же, 166). На Тибете зеленый цвет выражает божественную мудрость (Жуковская, 1988, 157), а в буддизме означает – “видящий то, что обладает смыслом” (Там же, 166).

Желтый цвет у монгол был символом благочестия и милосердия (Там же, 166). В Византии желтые сапожки символизировали путь, ведущий к божеству (Каждан, 1968, 165), а в Турции, по впечатлению Ж. де Нерваля, были знаком социального превосходства (Нерваль, 1986, 356). У народов Северного Кавказа (адыгской группы) желтого цвета обувь говорила о дворянском происхождении ее владельца (Самарина, 1996, 220). В Крыму их носили и мужчины, и женщины – это был самый распространенный цвет обуви у крымских татар. Интересно замечание Ж. де Нерваля, что в Турции в середине XIX в. вероисповедание каждого прохожего на улице можно было определить по цвету обуви: турки носили обувь желтого цвета, армяне – красного, греки – синего, а евреи – черного (Нерваль, 1986, 356).

Как итог вышеизложенного можно сделать вывод, что часто одни и те же цвета у народов с различными этническими корнями, культурными и историческими традициями несли в себе очень близкую символику. А самая значительная разница в восприятии цвета проявилась у народов, принадлежавших или к кочевой, или к земледельческой культуре. Правда, постепенно эти различия стирались, что было связано с изменением образа жизни (в основном у кочевых народов). Менее явно разница в отношении к цвету прослеживается на основе деления по конфессиональной принадлежности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании рассмотренного материала мы можем сделать вывод, что общий для всех групп крымских татар комплекс костюма сложился к началу XX в.

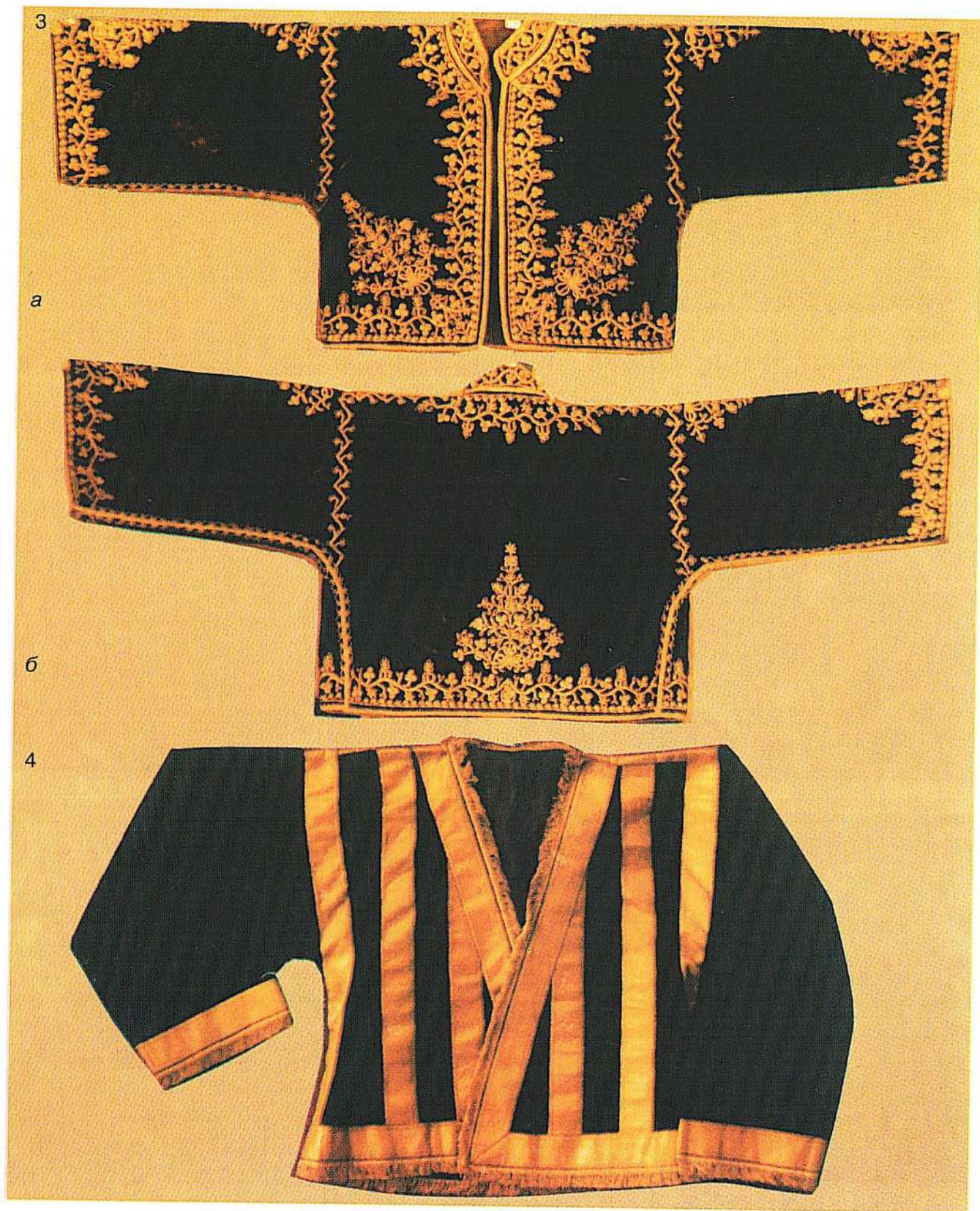
В предшествующее время на фоне образования двух субэтнических групп, степной и горно-прибрежной (разделявшихся на подгруппы), прошедших разные пути формирования и составивших крымско-татарский этнос (группы носили название территориальных зон, на которых они обитали), сформировалось два разных типа материальной культуры, что ярко проявилось и в костюме.

По нашему мнению, всю ситуацию сосуществования двух, имеющих разную природу, групп, объединенных в единый этнос, казалось бы, только названием, объясняет фраза ученого-социолога П.А. Сорокина, считавшего, что всякая культура не просто конгломерат сосуществующих и не связанных между собой явлений, а индивидуальность, все составные части которой выражают единство, так как пронизаны одним основополагающим принципом, отражающим главную в нашем случае ценность – построенное на единой религии, образе жизни, менталитете, осознание себя представителями каждой группы частью единого этноса (Сорокин, 1992, 429).

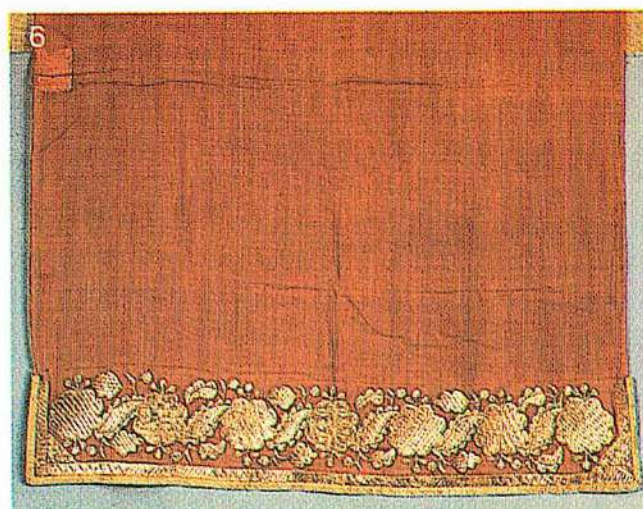
Рассмотрение костюма с разных точек зрения (кроя, техники шитья, орнамента, подбора цветовой гаммы, материала, специфики ткачества, манеры ношения, силуэта, а также особенностей терминологии) предоставляет дополнительные источники для восстановления путей формирования народа, иногда подтверждая, а часто и дополняя исторические свидетельства. Определенную роль в характеристике картины социального, бытового устройства общества, его мировоззрения сыграло рассмотрение костюма по ряду признаков, выделяющих определенные моменты: социальный, семейный, половозрастной, городской – сельский, будничный – праздничный, сезонный, профессиональный и конфессиональный. С конфессиональной принадлежностью этноса тесно связан его обрядовый костюм, имеющий самые стойкие традиции, всегда отраженные в деталях одежды рядом символических знаков и действий.

В течение интересующего нас периода, с конца XVIII до начала XX в., костюм крымских татар претерпевал значительные изменения, в результате чего стирались особенности, выделяющие каждую группу.

По собранным нами материалам можно увидеть, что изменения в костюме происходили неравномерно, с разной степенью интенсивности для каждой группы. В костюме всегда были одновременно представлены традиционные и вновь приобретенные элементы. Обычно все нововведения воспринимались сначала в городской среде и прежде всего представителями знати, а затем уже среди сельских жителей, где костюм всегда отличался большой стойкостью. Что касается

3. Куртка женская "хырха". Крым, г. Евпатория. Начало XX в. РЭМ, № 4069,9; а – вид спереди, б – вид сзади
4. Куртка женская "тон". Крым, г. Старый Крым. Конец XIX в. Принадлежала жене кадия. РЭМ, № 28052, т

5. Обшлаг женского платья. Крым, р-н Бахчисарая. Конец XIX – начало XX в. ГМВ, № 2918 III
6. Девичий шарф. Крым, р-н Бахчисарая. Вторая половина XIX в. ГМВ, № 2798 III
7. Шапочка женская. Крым, г. Бахчисарай. Конец XIX в. ГМВ, № 2906 III
8. Платок жениха. Крым, р-н Бахчисарая. Начало XX в. ГМВ, № 1241 III
9. Свадебный пояс жениха. Крым, р-н Бахчисарая. Вторая половина XIX в. ГМВ, № 2923 III
10. Подвязки жениха. Крым, р-н Бахчисарая. Конец XIX в. ГМВ, № 3012 III, 3013 III

возрастного деления, то костюм стариков дольше всего представлял старые, ушедшие образцы народного костюма. Большой консервативностью отличался и женский костюм.

Судя по нашим материалам, первая резкая смена облика костюма произошла в 1830-е годы и именно в горно-прибрежной зоне. Естественно, что до этого времени тоже происходили определенные изменения (это и исчезновение буфов с верхней одежды, и танкеток со шлепанцев “папуч” и др.). Но изменение формы костюма в 1830-е годы было связано с реформой, начавшейся в 1826 г. в Османской империи, часть которой представлял и горно-прибрежный Крым. Кроме решения важных государственных вопросов, реформа предусматривала смену всей формы костюма – так называемого левантийского платья, принятого по всей империи. В результате чего тюрбан был заменен на феску, камзолы – на куртки, исчезли огромные плащи, в которые с головой закутывались представители ученого мира и служители культа, а синий цвет был заменен на черный.

Вторая волна изменений, но уже связанная с объединением облика костюма двух групп, представляла переход горно-прибрежного типа костюма на территорию степной зоны, что произошло в 1860–1870-е годы. Это явление прежде всего объясняется миграцией татар, а вернее, переселением горно-прибрежных татар со своих густонаселенных земель на земли, освободившиеся после массового выезда степняков в Турцию. Результатом такого переселения было активное распространение элементов горно-прибрежного костюма в степной зоне. Это прежде всего расшитые мужские и женские курточки, женские платья, фески. В степи они приобрели уже более огрубленную форму, здесь их шили и украшали гораздо небрежнее. Примерно в это же время начался процесс проникновения в крымско-татарский костюм новых элементов из костюма таких расселявшихся на полуострове этносов, как русские (косоворотки, женские курточки “эльбаде”). Определенные элементы были заимствованы у украинцев, болгар, немцев и др. Процесс этот продолжался до начала XX в.

Нужно отметить, что в степном Крыму все нововведения в костюме распространялись с опозданием и иногда значительным (от 10 и более лет).

К концу XIX в. происходит унификация форм костюма для всех групп крымских татар и постепенный переход к его европеизации.

Встав перед вопросом выяснения причин существования в конце XVIII в. резких различий в костюме каждой субэтнической группы, официально входившей в один и тот же этнос, мы столкнулись с необходимостью проследить историю формирования этих групп и рассмотреть их этно-генетическую основу.

Проследить в костюме крымских татар конца XIX в. следы, представляющие корни их материальной культуры, можно по дошедшим до нас археологическим находкам. Например, сравнение поясов, найденных в восточной части Крыма (район Боспорского царства) и более широко бытовавших в Северном Причерноморье, относящихся к V–III вв. до н.э., с поясами горно-прибрежных татар XIX в. выявило их сходство по ряду особенностей: кожаная основа, трехслойность и узор, повторяющий на горно-прибрежных поясах форму нашивавшихся на пояса скифского времени металлических бляшек и имитирующих их (Равдоникас, 1990, 22). Что касается пути развития этих поясов, очевидно, с потомками издавна обитавших здесь греков они могли прийти в костюм горно-прибрежных татар.

Традиционные связи горно-прибрежного Крыма с греческой культурой более явно и многообразно проявились в костюме на почве византийского влияния. Сле-

ды, связанные с культовым византийским облачением, мы находим в костюме горно-прибрежных татар Крыма XIX в. Расшитые нарукавники “къапакъ” женского татарского платья приводят нас к истокам их происхождения – к поручам в облачении византийских епископов XI в. В обоих случаях одинаковыми были: ткань, форма, цвет фона, материал, техника шитья и композиция узора, вплоть до особенности его окаймления.

В связанной с одеждой обрядовой символике татар горно-прибрежной зоны мы также найдем много общего с византийцами, а более широко – со всем кругом индо-европейской культуры. Это и украшение перед свадьбой брачных покоев развешенными тканями и деталями одежды, и закрывание лица невесты во время свадьбы вуалью, и дарение невесте старшим в семье мужчиной серебряного пояса и многие другие традиции.

Нам известны следы такого рода влияния на крымско-татарскую культуру и в более позднее время. Так, присоединение Крыма к Османской империи в конце XV в. очень быстро отразилось на костюме горно-прибрежной части полуострова. Для всех новых подданных этой огромной империи, поставившей своей задачей объединение подвластных ей народов под своей политико-культурной, а также конфессиональной и языковой эгидой (не сумевшей затронуть только ставшие со временем неосознанными христианские обряды и традиции), негласно был утвержден один и тот же тип костюма (может быть, за исключением незначительных деталей). Этот тип “османского” (“левантийского”) платья распространился и в Крыму (в горно-прибрежной его зоне), придя из Турции через столицу ханства – Бахчисарай. Интересно, что определенные детали этого костюма могли создаваться в разных районах империи. Так, еще в начале XX в. в горно-прибрежном Крыму встречались аксесуары, по названию которых можно было определить место их производства и, таким образом, выявить выделявшие эти детали особенности, свойственные костюму именно в месте их производства. Примером тому могут служить известные на побережье среди состоятельной прослойки мужского населения расшитые куртки “арнауцкой” (т.е. албанской) работы. Кроме крымских татар, их здесь носили и караимы и крымчаки, в костюме которых всегда была удивительная близость, вплоть до определяющей его детали терминологии.

Кроме следов этнических, политических и конфессиональных связей, на костюме отражались и тесные торговые контакты, тем более, если они, как в случае с генуэзцами, приводили к образованию на территории Крыма целых купеческих поселений. Генуэзцы связаны были с восточным побережьем в XIII–XV вв., и след этих связей в костюме крымских татар XIX в. мы видим на узорах вышивок. Среди часто встречаемых на вышивках традиционных элементах итальянского орнамента – мотивы растительных побегов с плодами граната. И на средневековых итальянских тканях, и на прибрежных крымско-татарских вышивках XIX в. мы видим ту же схему расположения всех этих элементов, и ту же четкость разработки всех деталей.

О связи с Кавказом, в числе прочих элементов одежды, говорят шапочки, очень похожие на крымские “мхламалы фес”, невысокие, цилиндрической формы, расшитые золотом. Еще в середине XVIII в. они были распространены на Северном Кавказе у кавказских народов адыгской группы, где назывались “кърым бьорк”, т.е., очевидно, что они пришли сюда из Крыма. До них в среде крымской (в горно-прибрежной зоне) и кавказской знати (на Северном Кавказе и в Грузии) были распро-

странены высокие шапки жесткой яйцевидной формы, сшитые из суконных полосок-долек, соединенных золотной тесьмой. Из других деталей одежды очень похожи на грузинские были и горно-прибрежные башлыки и один из вариантов нагрудников.

Иная ситуация исторически складывалась в степном Крыму, что, как мы уже говорили, было продиктовано и иными генетическими связями и историческими контактами, в которых участвовали совершенно другие регионы, представлявшие и другой тип материальной культуры.

Так, в середине XIII в., по замечанию Г. де Рубрука и Плано Карпини, мужской и девичий костюм у степных татар не различался, а самый стойкий элемент костюма – женские головные уборы, повторял те, что были приняты в Золотой Орде, и в них отмечалась большая близость с монгольскими. А шапочки типа казахских, конусовидной формы, опушенные пышным мехом, еще в XIX в. носили в Крыму девушки-степнячки. Эта стойкая деталь костюма еще раз говорила о давних связях степной группы крымских татар со среднеазиатско-казахстанским регионом, а точнее, в данном случае, с казахским этносом. В степном Крыму, как в мужской, так и в женской одежде, издавна была принята и бешметы. Такого же рода бешметы носили и ногайцы, принадлежавшие к разным ордам и, кроме степей Крыма, кочевавшие, в частности, на Северном Кавказе. Связь с костюмом ногайцев Северного Кавказа проявляется на примере сравнения деталей кроя женского нарядного платья “каптан”, носившегося в степной части Крыма в конце XIX в., с кроем бешметов северо-кавказских ногайцев.

Различия между степными и горно-прибрежными татарми проявлялись как в манере ношения, силуэте и крое деталей одежды, так и в их цвете, что явно было связано с определенными этно-генетическими и историческими традициями.

Существовала разница и в самих элементах орнамента – в степи более простых, чем в горно-прибрежной зоне, не так густо заполняющих фон, с использованием иногда и другой техники шитья. Так, например, встречаемый в степной части тип “тамбурного” шитья цветными нитями, распространенный здесь под местным названием, был принят и у народов Средней Азии, и в Поволжье. Этот тип шитья совершенно не встречается в горно-прибрежном Крыму.

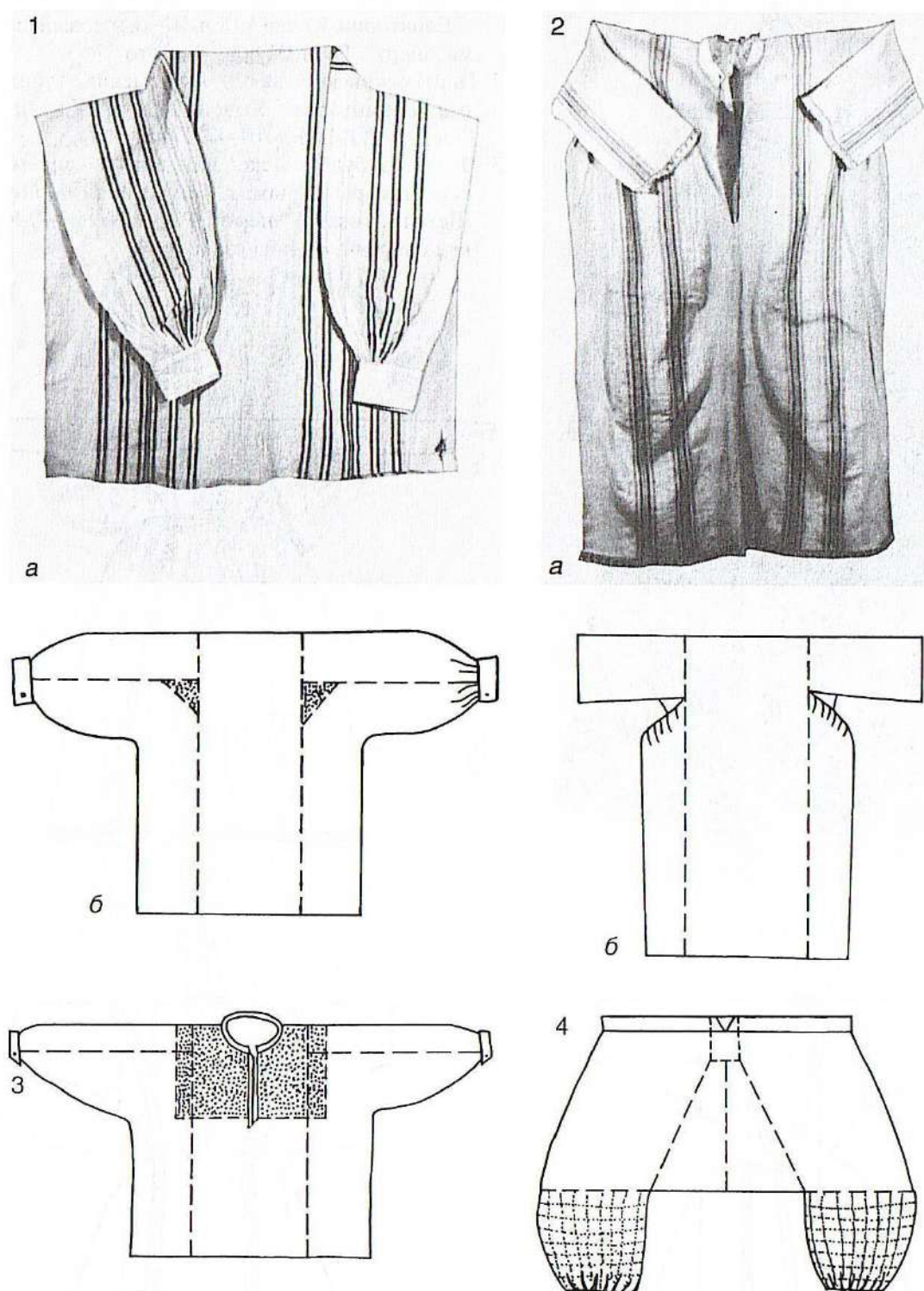
Позднейшее влияние русской материальной культуры на весь крымско-татарский костюм можно проследить прежде всего на особенностях кроя элементов одежды, таких как косоворотка у мужчин, а у женщин – новый вариант платьев “антер”, и появление женской куртки “эльбаде” с выкройной проймой, выточками, вкроенными полками на спинке и так далее.

Следы влияний культуры народов, появлявшихся и оседавших в Крыму с конца XVIII в., мы можем наблюдать и в новых элементах орнамента, распространившихся в кругу татар. Так, например, это принятый у болгар мотив мальтийского креста, заключенного в ромб. От украинцев пришла новая для Крыма техника шитья “крестиком”, распространившаяся в основном в районе Ялты.

Все вышеперечисленные моменты могут помочь проследить не только историю происхождения конкретных деталей костюма и украшавшей их орнаментики, но на основании рассмотрения этих элементов выявить формы и степень связей как между группами внутри этноса, так и с родственными этническими образованиями. Кроме того, подробное изучение костюма дало нам возможность остановиться на мнении, что крымские татары как этнос делились именно на две субэтнические

группы, в которые входили уже более мелкие и менее различавшиеся (в частности, материальной культурой) подгруппы.

Таким образом, можно сказать, что история костюма любого народа является в известной мере отражением процесса формирования всего этноса. Наряду с другими источниками она помогает увидеть генетические, исторические и культурные связи народа, иногда подтверждая уже сложившиеся теории, а иногда и восполняя недостающие звенья в цепи сведений по этим связям.

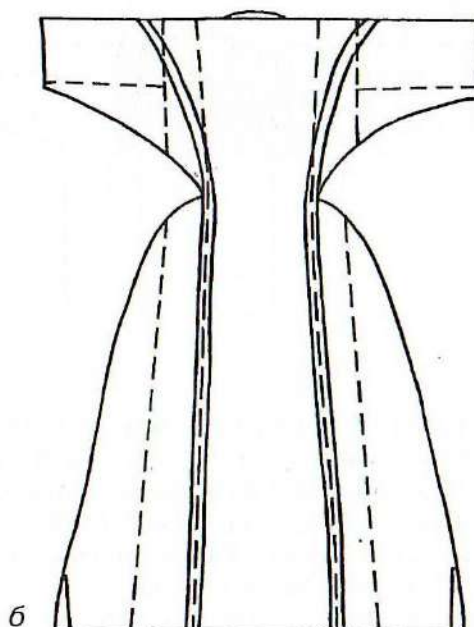
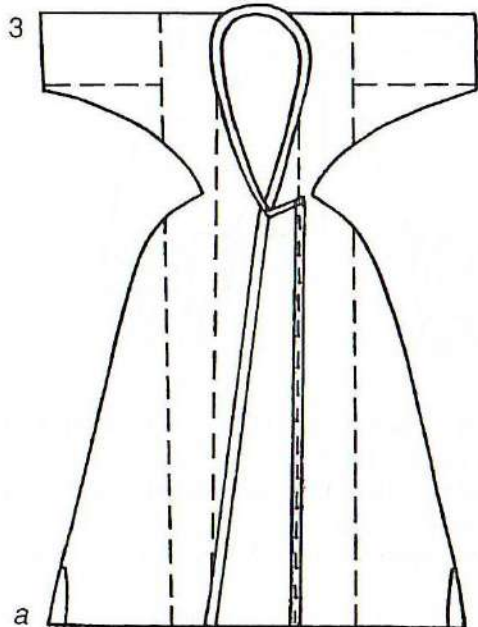
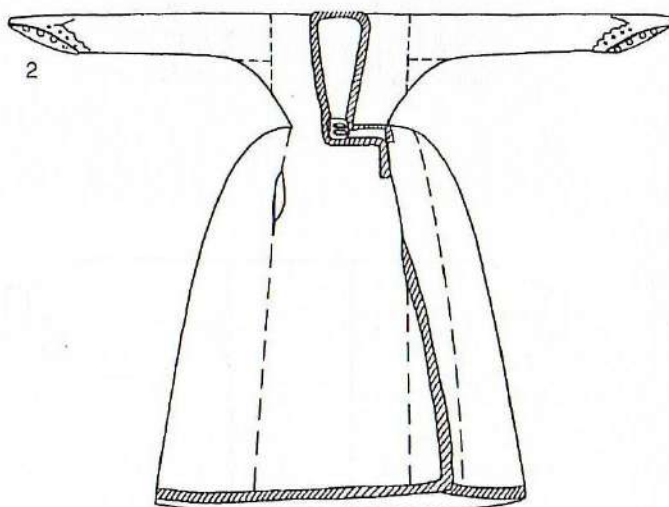
1. Рубаха мужская "яркиши кольмек". Крымские татары. Крым, р-н Ялты. Начало XX в. Домотканое хлопчатобумажное полотно "атма". ГМВ, № 361 дф; а – фото, б – крой
2. Рубаха женская "сайяхлы кольмек". Крымские татары. Крым, р-н Ялты. Начало XX в. Домотканое хлопчатобумажное полотно "атма". ГМВ, № 360 дф; а – фото, б – крой
3. Рубаха мужская "кулек". Крымские татары. Крым, р-н Бахчисарая. Начало XX в. Домотканое шелковое полотно. РЭМ, № 3267–29. Крой
4. Шальвары девочки "туман-кыз". Крымские татары. Крым, дер. Ай-Серез (предгорье южнее Судака). Начало XX в. Ситец двух видов. РЭМ, № 4042-236. Крой

Таблица II

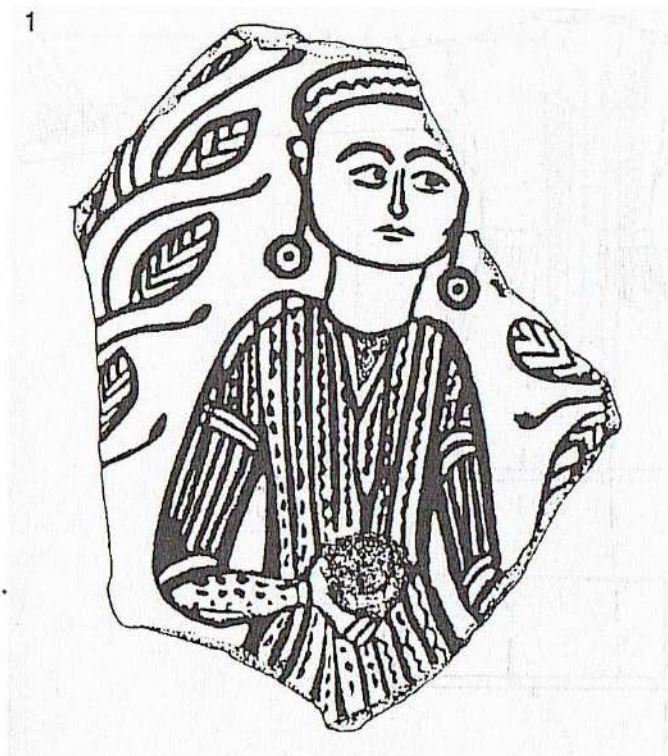
1

1. Платье женское "каптан". Крымские татары. Крым, г. Евпатория. Конец XIX в. Жаккардовый шелк, тесьма "шерт". РЭМ, № 4069-4. Фото
2. Платье женское "антер". Крымские татары. Крым, р-н Бахчисарая. Конец XIX в. Ситец, тесьма "шерт". РЭМ, № 6704-47. Крой
3. Чехол "зубун" под женское платье "антер". Крымские татары. Крым, г. Бахчисарай. Конец XIX в. Шерсть, тесьма "шерт". РЭМ, № 803-2. Крой: а – вид спереди, б – вид сзади

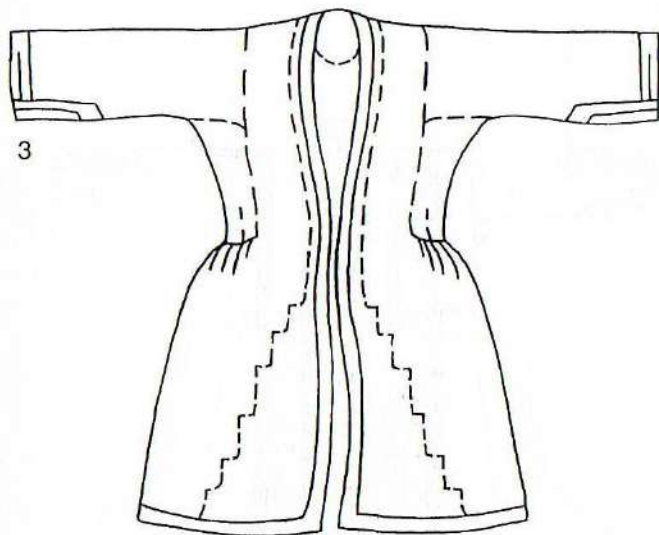
1

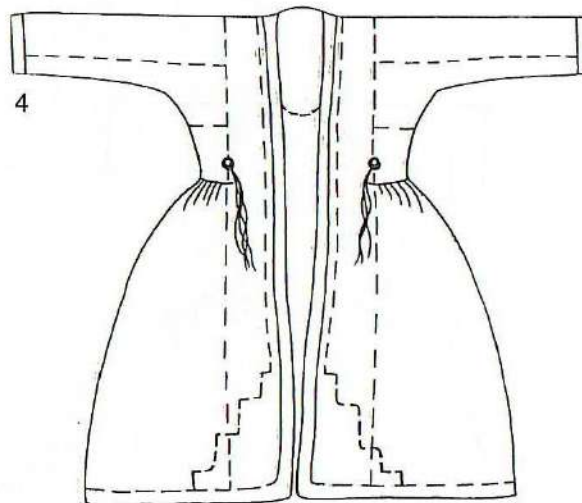
2

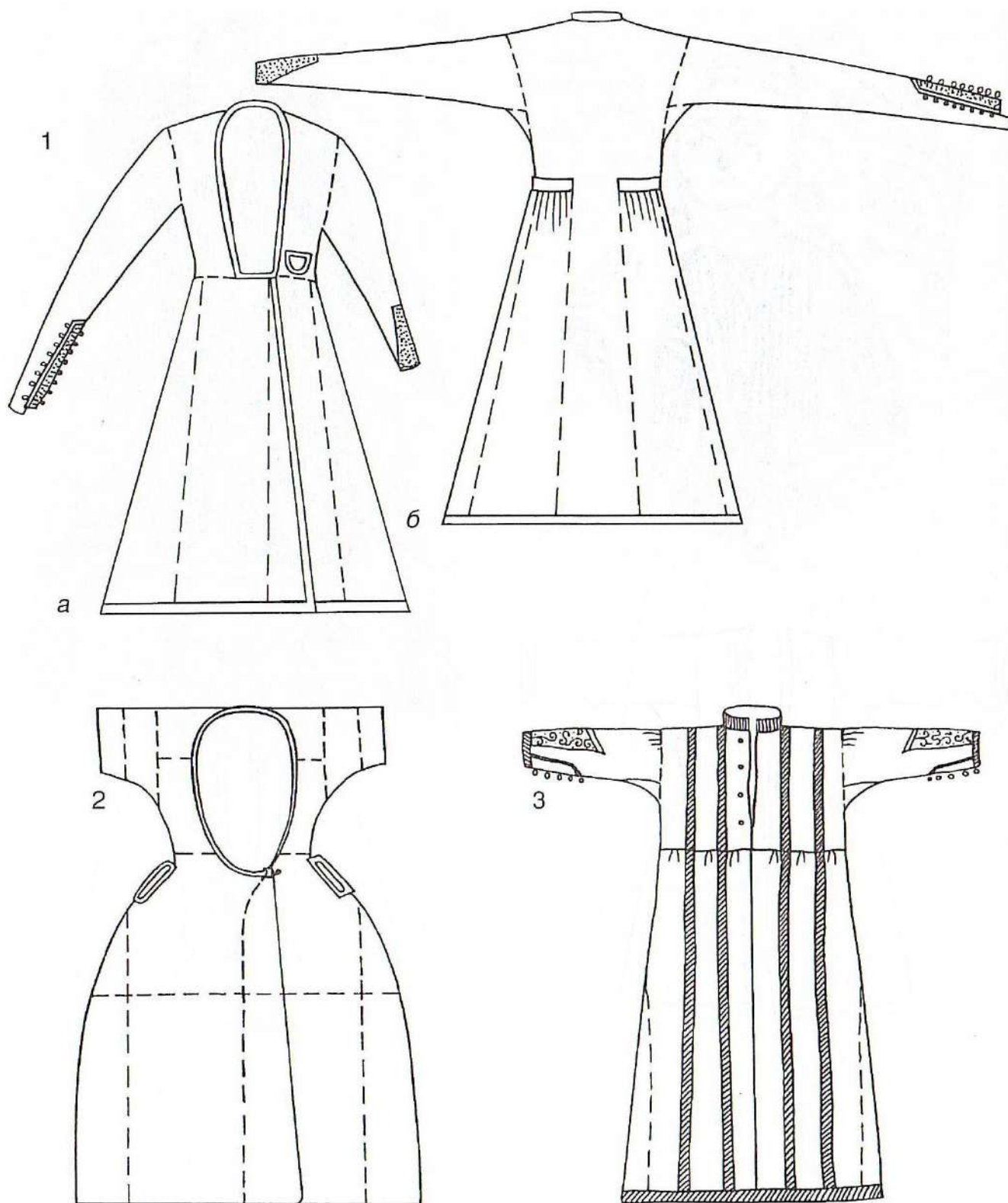
3

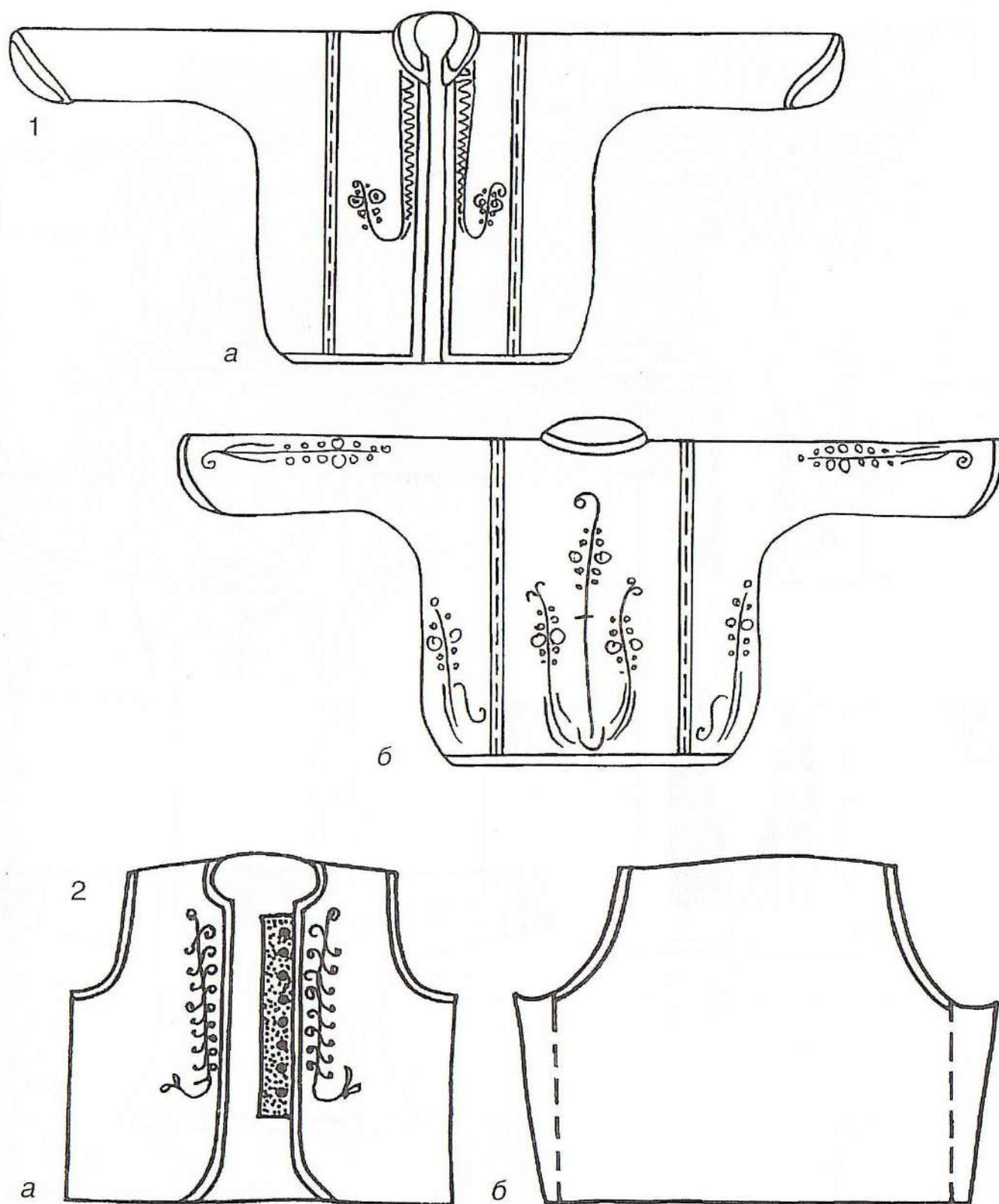
4

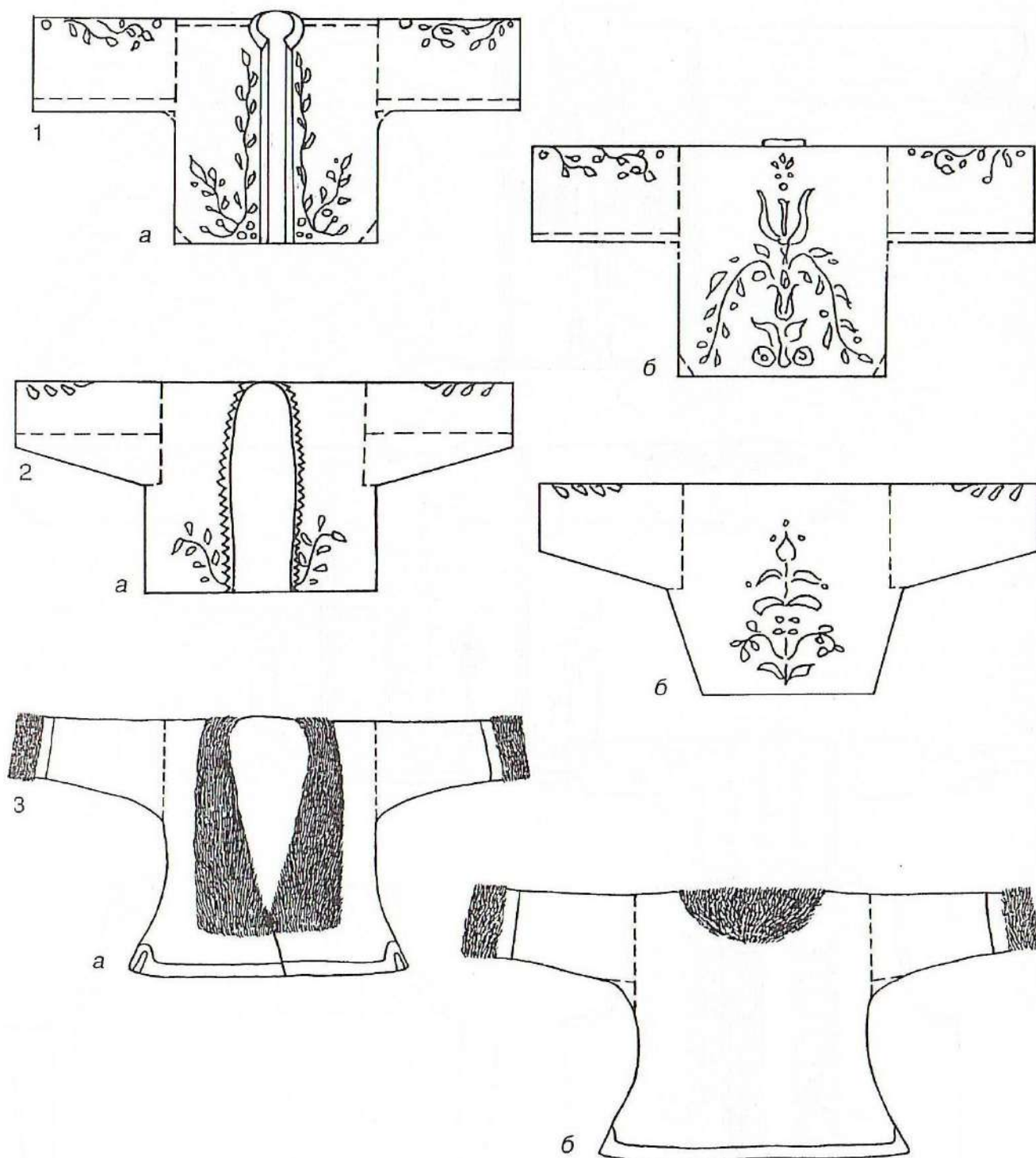
1. Изображение девушки. Причерноморье. Тана-Азак. XIV в. (Залеская, Крамаровский, 1990, 35, рис. 18)
2. Халат женский "шамаладжа-антери". Крымские татары. Крым, р-н Ялты. Конец XIX в. Ткань "шамаладжа", тесьма "шерт". ЯМК, № 568.
3. Халат женский "фередже". Крымские татары. Крым, г. Алушка. Конец XIX в. Кашемир, золотный шнурок. МАЭ, № 251-17. Крой
4. Халат женский "фередже". Крымские татары. Крым, г. Ялта. Конец XIX в. Шелк, тесьма "шерт". ЯМК, № 557. Крой

1. Платье женское "каптан". Крымские татары. Крым, г. Евпатория. Начало XX в. Кашемир, тесьма "шерт". Частная коллекция А. Умерова. Крой: а – вид спереди, б – вид сзади
2. Чехол "зубун" под женское платье "антер". Крымские татары. Крым, дер. Ай-Серез (предгорье южнее Судака). Начало XX в. Ситец. РЭМ, № 4042-242. Крой
3. Платье женское "к'адифе-антер". Крымские татары. Крым, горно-прибрежный район. Начало XX в. Бархат, тесьма "шерт". Частная коллекция А. Умерова. Крой

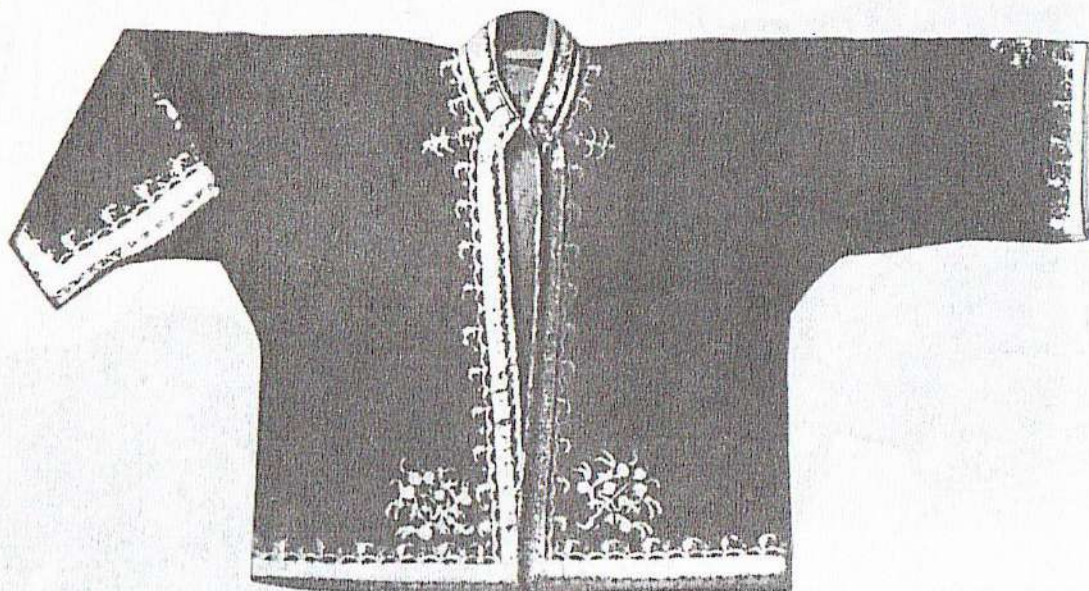

1. Куртка мужская, албанской работы, "арнаут елери". Конец XIX в. Сукно, тесьма "шерт", золотный шнурок, шитье "букме". ЯМК, № 511. Крой: а – вид спереди, б – вид сзади
2. Жилет мальчика-подростка албанской работы "арнаут-елери". Конец XIX в. Бархат, шелк, золотный шнурок, шитье "букме". ЯМК, № 1184. Крой: а – вид спереди, б – вид сзади

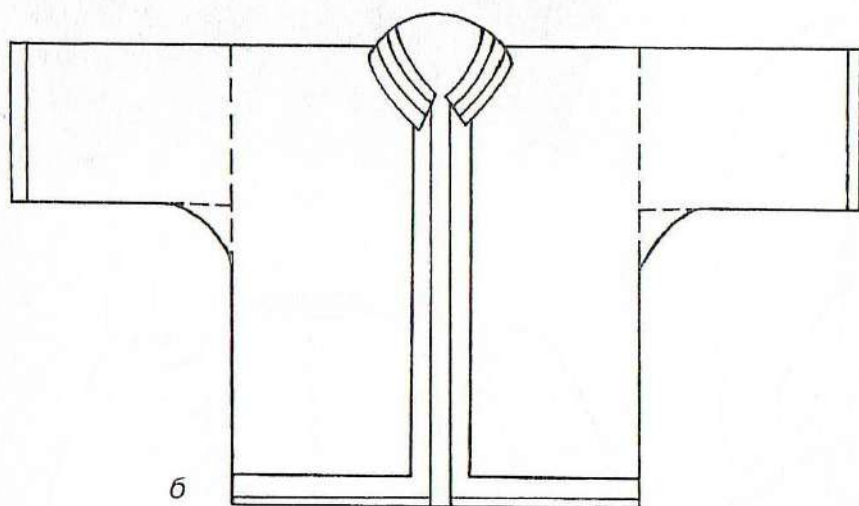

1. Куртка мужская "марка". Крымские татары. Крым, г. Бахчисарай. Конец XIX в. Сукно, золотный шнурок. Шитье "букме". РЭМ, № 803-6. Крой: а – вид спереди, б – вид сзади
2. Куртка мальчика-подростка "марка". Крымские татары. Крым, г. Бахчисарай. Конец XIX в. Сукно, золотный шнурок, шитье "букме". РЭМ, № 803-7. Крой: а – вид спереди, б – вид сзади
3. Куртка женская "тон". Крымские татары. Крым, г. Евпатория. Начало XX в. Атлас, тесьма "шерт", мех. РЭМ, № 4069-10. Крой: а – вид спереди, б – вид сзади

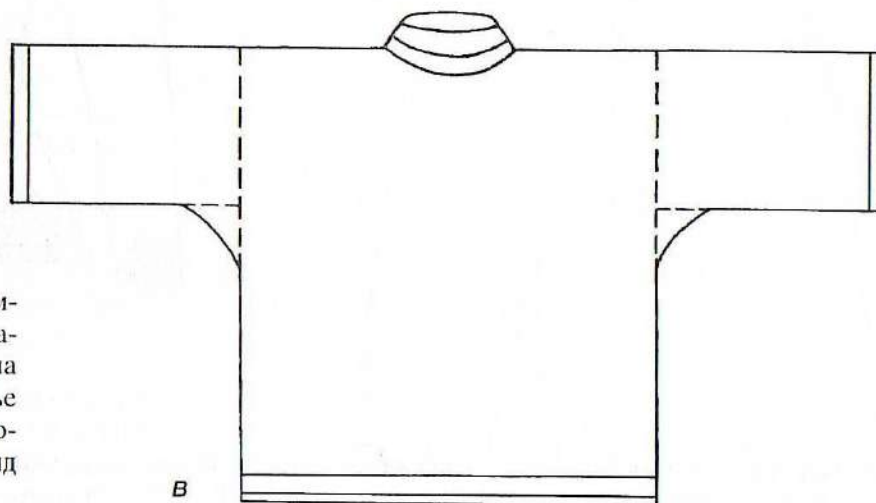
•1

а

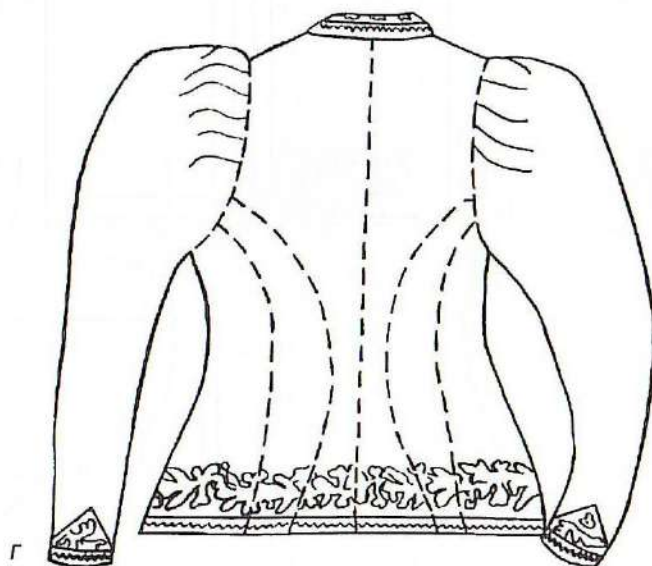
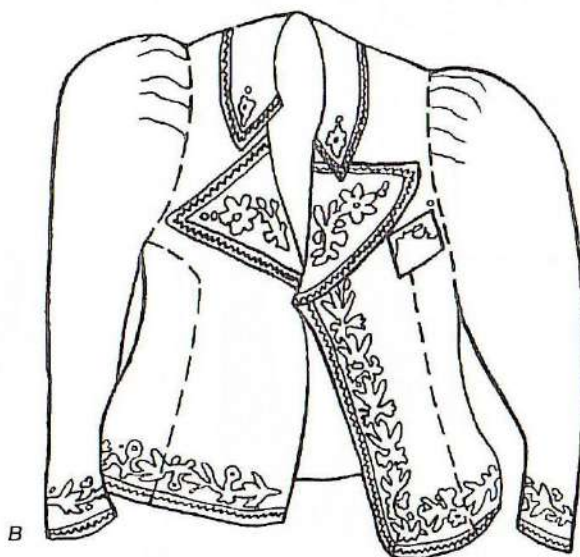
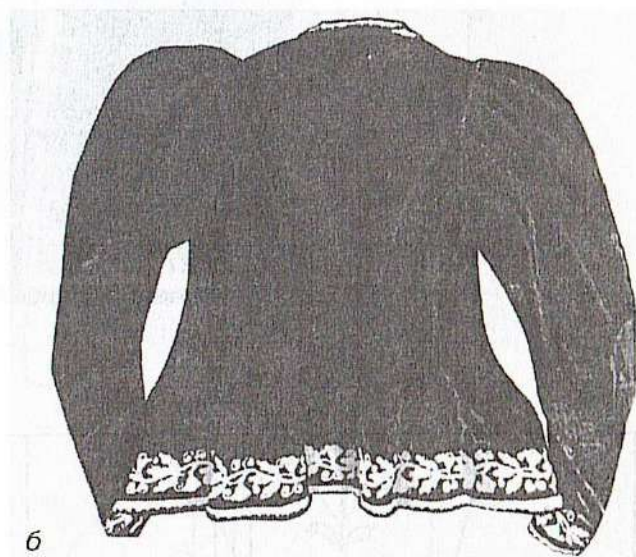
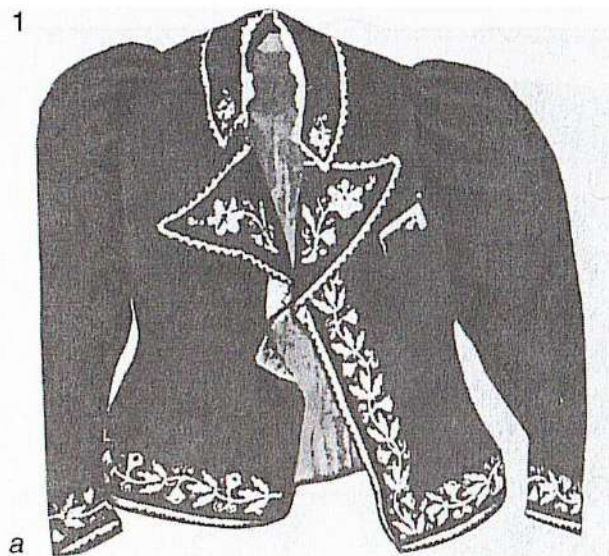
б

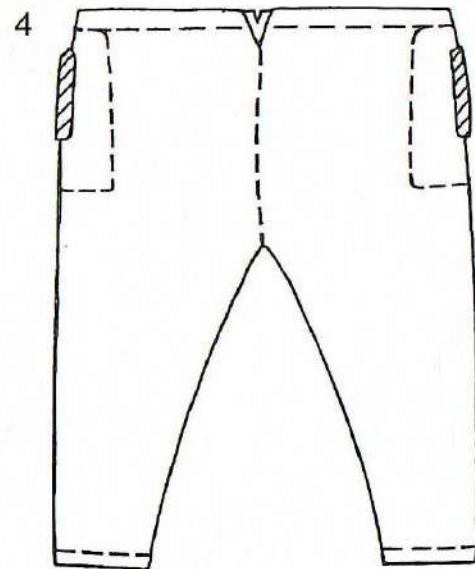
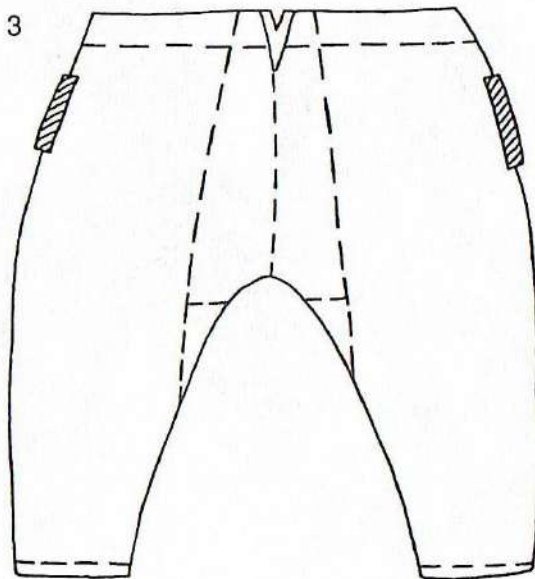
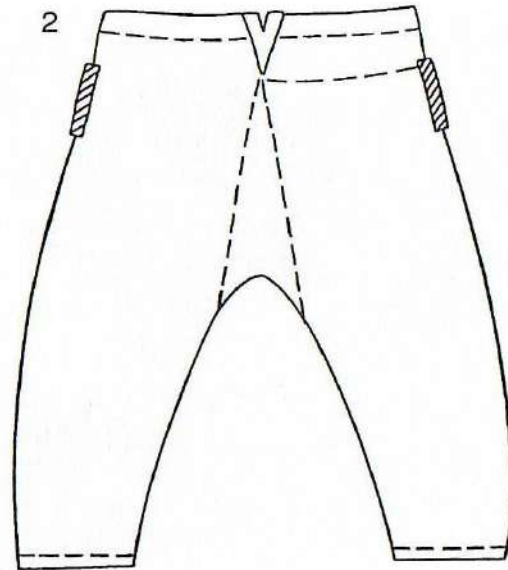
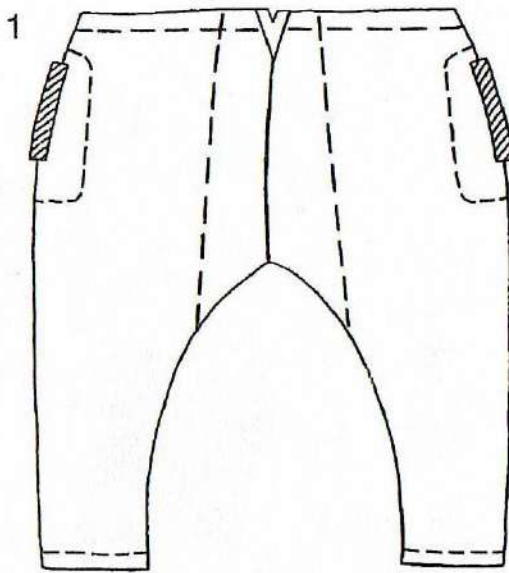
в

1. Куртка женская "марка". Крымские татары. Крым, г. Бахчисарай. Конец XIX в. Бархат, тесьма "шерт", золотные нити, шитье "мыкълама". РЭМ, № 805-5. Фото: а – вид спереди; крой: б – вид спереди, в – вид сзади

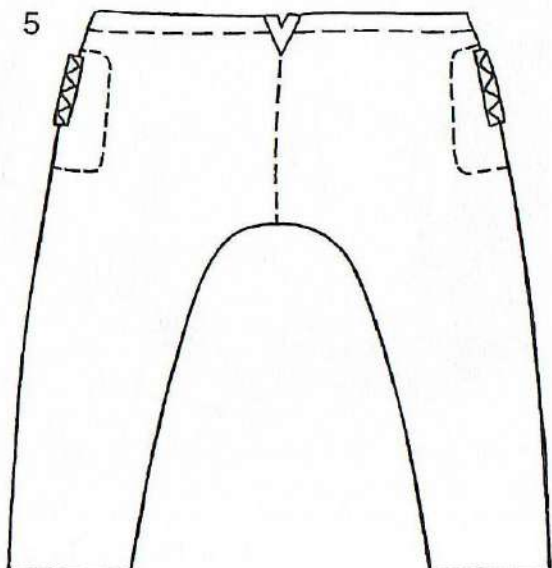
1

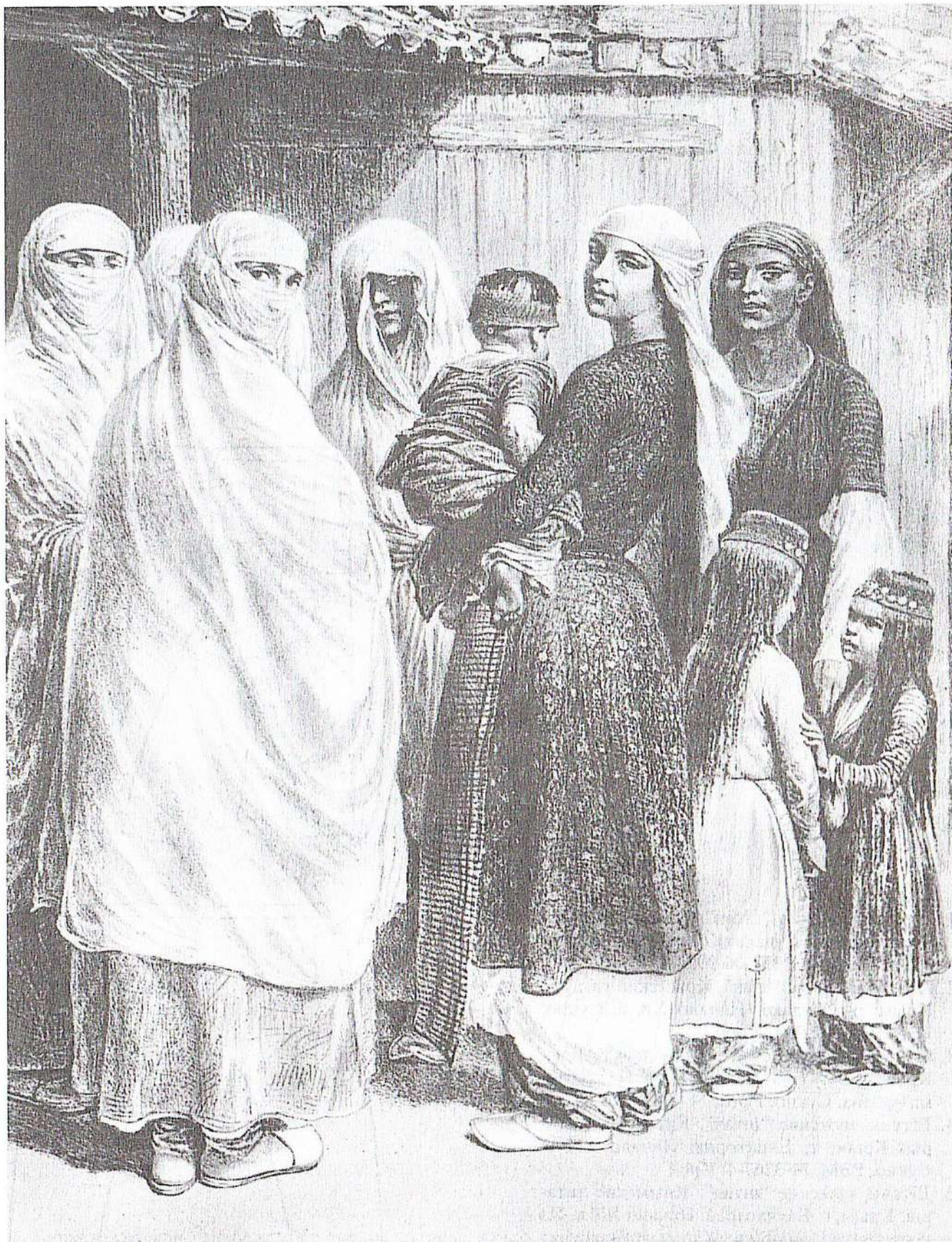

1. Куртка женская "эльбаде". Крымские татары. Крым, г. Бахчисарай. Конец XIX в. Бархат, тесьма "шерт", золотные нити, шитье "мыкълaмa". ГМВ, № 976 III. Фото: а – вид спереди, б – вид сзади; крой: в – вид спереди, г – вид сзади

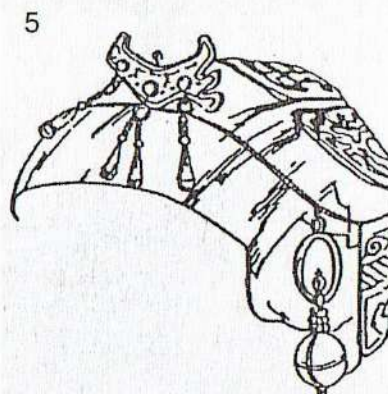
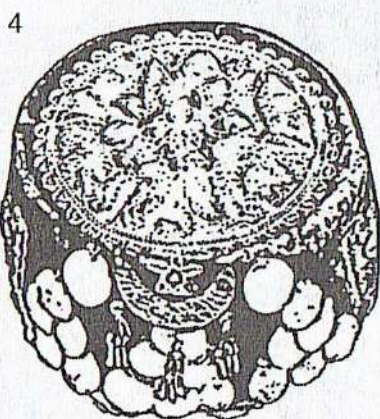
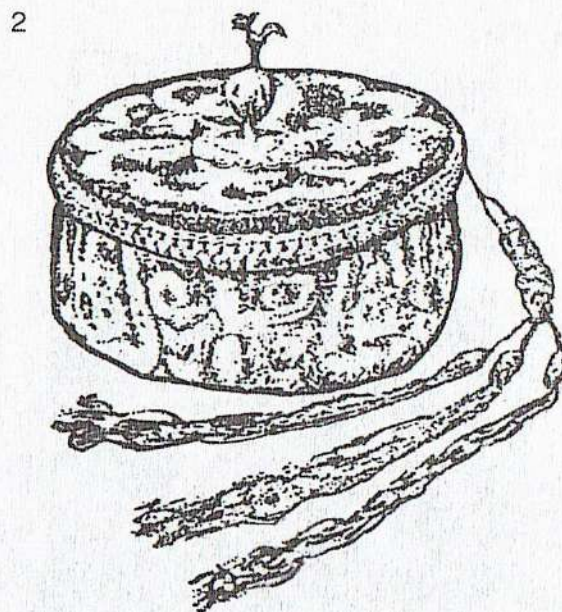
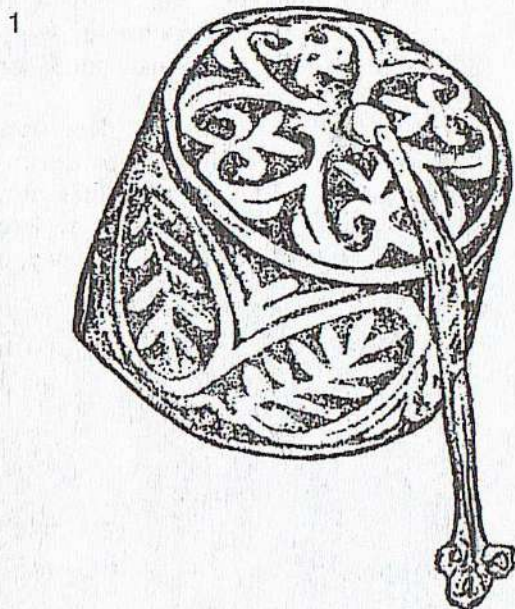

1. Штаны мужские "штан". Крымские татары. Крым, р-н Судака. Конец XIX – начало XX в. Шерсть. РЭМ, № 993-31. Крой
2. Штаны мужские "стан". Крымские татары. Крым, р-н Судака. Начало XX в. Сукно. РЭМ, № 4042-204. Крой
3. Штаны мужские "стан". Крымские татары. Крым, р-н Судака. Начало XX в. Из костюма чабана. Сукно. РЭМ, № 4042-185. Крой
4. Штаны мужские "штан". Крымские татары. Крым, г. Евпатория. Начало XX в. Сукно. РЭМ, № 3267-4. Крой
5. Штаны мужские "штан". Крымские татары. Крым, г. Бахчисарай. Начало XX в. Из костюма войлочника. Хлопчатобумажная ткань. РЭМ, № 4800-19а. Крой

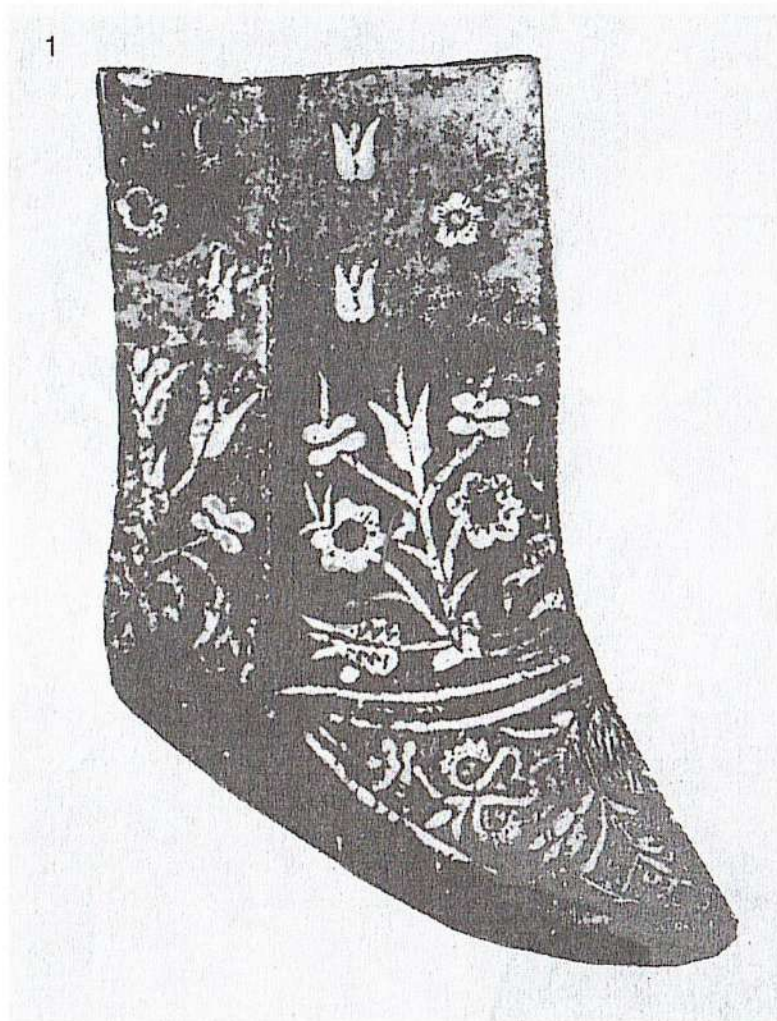

Худ. Раффе. Татарские женщины из дер. Байдары. 1837 г.

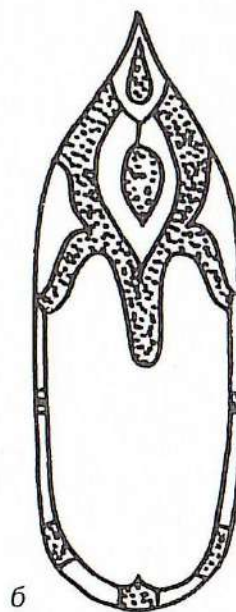
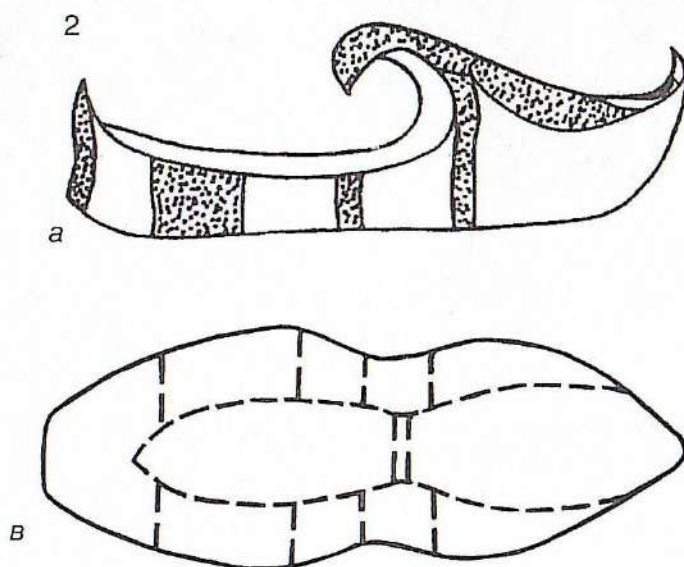

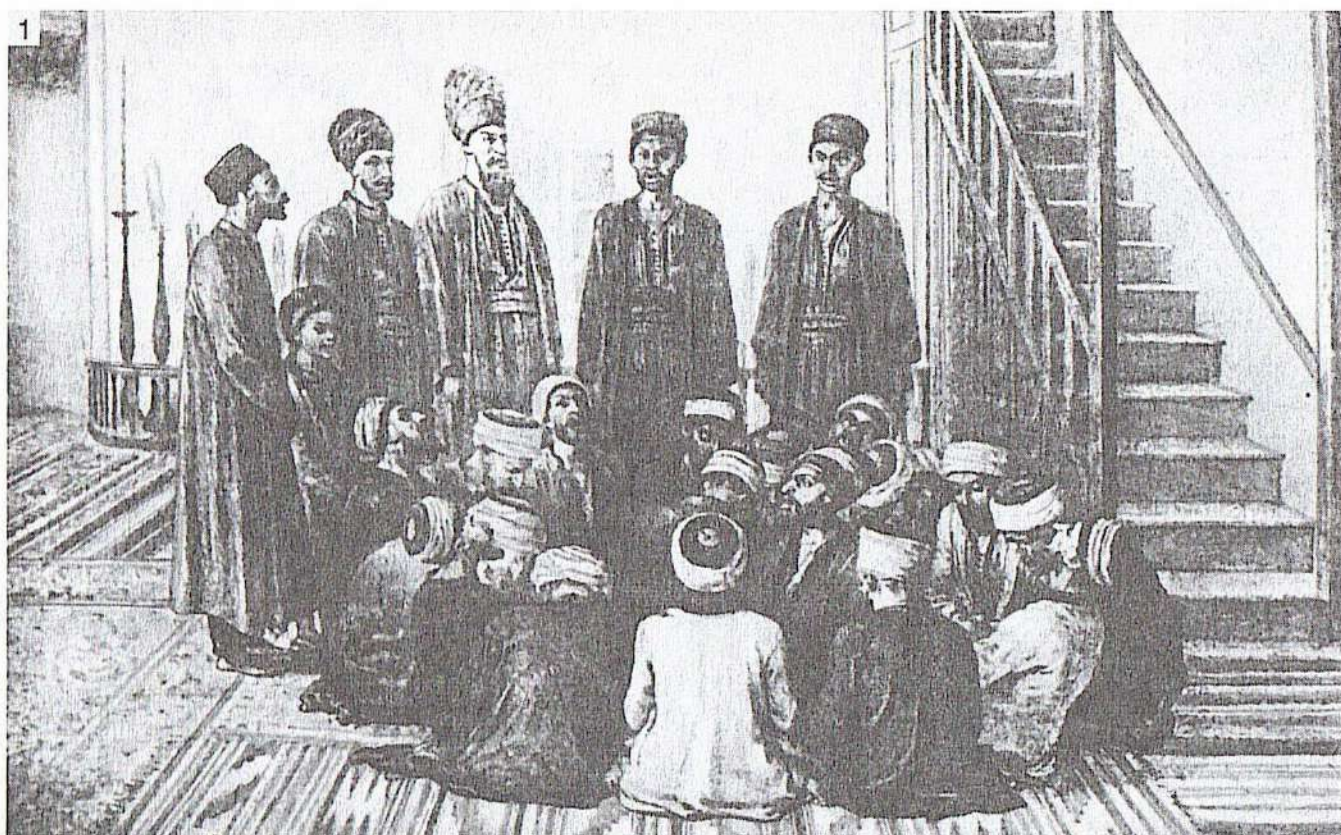
1. Шапочка женская. Кабардинцы. Северный Кавказ. Конец XIX – начало XX в. Бархат, золотные нити, шитье гладью (?) (Студенецкая, 1989, 194, рис. г). Фото
2. Шапочка женская. Черкесы. Северный Кавказ. Конец XIX – начало XX в. Бархат, золотные нити, шитье вприкреп (Студенецкая, 1989, 194, рис. б). Фото
3. Шапочка женская “мхламалы фес”. Крымские татары. Крым, г. Евпатория. Конец XIX в. Бархат, золотные нити, шитье “мыкълama”. ГМВ, № 963-III. Фото
4. Шапочка женская “фес”. Крымские татары. Крым, г. Бахчисарай. Конец XIX в. Бархат, бляшки. Филлигранные накладки. ГМВ, № 2906-III. Фото
5. Шапочка женская. Аланы? Северный Кавказ, с. Махческ. XIV в. Войлок, золотный шнурок, шитье (Равдоникас, 1990, 107, рис. 32a). Рисунок

Таблица XII

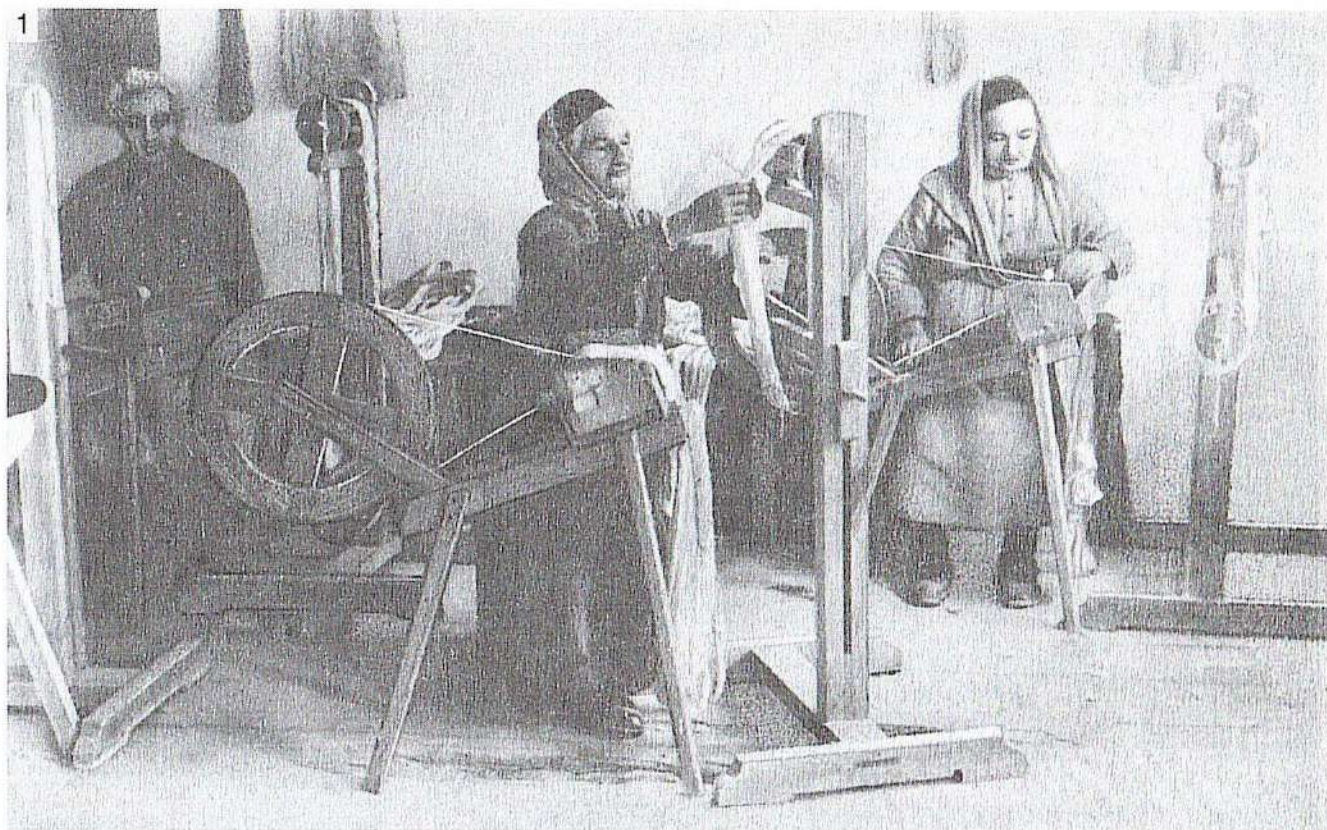

1. Сапожки женские "мес". Крымские татары. Крым, г. Бахчисарай. Конец XIX в. Сафьян, золотные нити, шитье. БИАМ, архив. Фото
2. Туфли женские "терлик". Крымские татары. Крым, г. Бахчисарай. Конец XIX в. Сафьян, золотные нити, шнурок, шитье. РЭМ, № 24138-т. Рисунок: а – вид сбоку, б – вид сверху, в – подошва

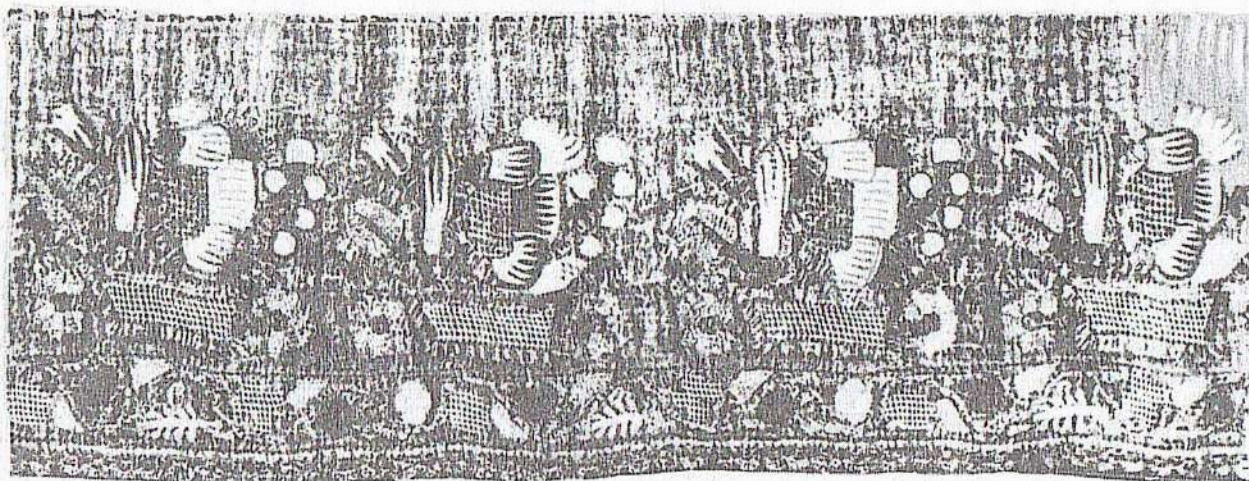

1. Худ. Раффе. Татарские дервиши в Карасу-Базаре. 1837 г.
2. Худ. Раффе. Татарская кофейня в Байдарах. 1837 г.

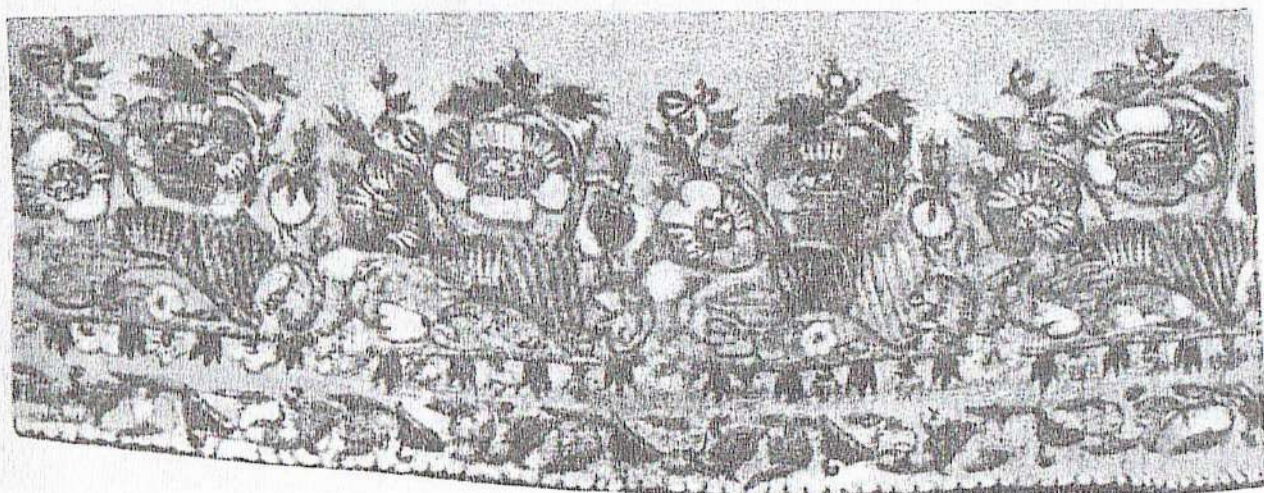

1. Обработка пряжи в Бахчисарае. 1925 г. Фото
2. Худ. Раффе. Татарская ямщики в Крыму. 1937 г.

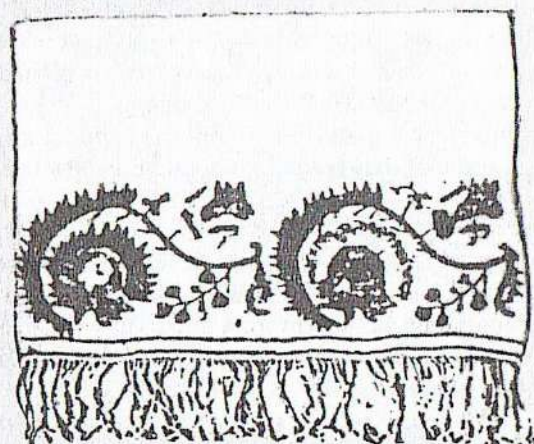
1

2

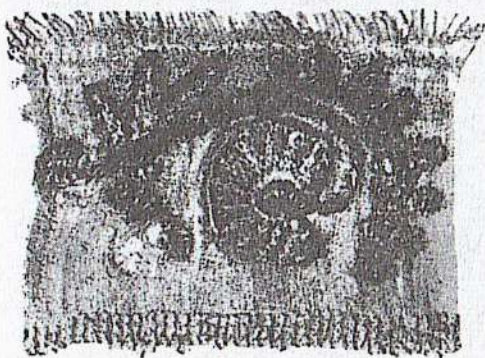

3

1. Вышитый узор на концах полотенца для рук "эль-без". Армяне. Крым, восточный берег. Вторая половина XVIII в. Хлопчатобумажные, золотные и шелковые нити, ручное ткачество, шитье. ГМБ, № 1528 III. Фото
2. Вышитый узор на концах полотенца. Армяне. Кесария. XVIII в. Хлопчатобумажные, золотные и шелковые нити, ручное ткачество, шитье (Давтян, 1972, ил. СXXX-I). Фото
3. Вышитый узор на концах полотенца "дувар-без", служившего для украшения стен. Турки. Крым, южный берег. Середина XIX в. Хлопчатобумажные, золотные и шелковые нити, ручное ткачество, шитье. ГМБ, № 3252 III. Фото

4

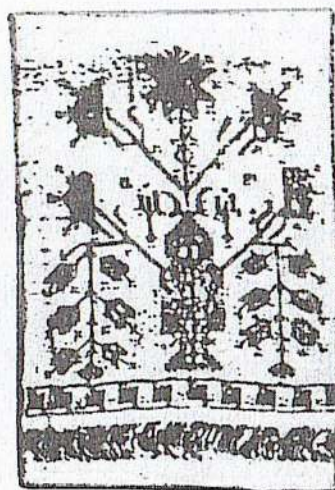
5

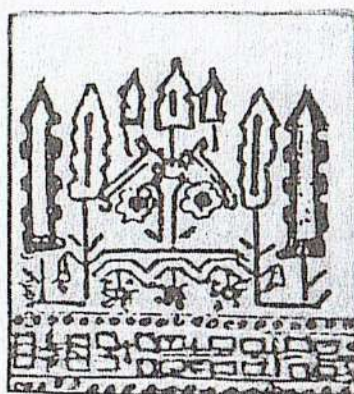
6

7

8

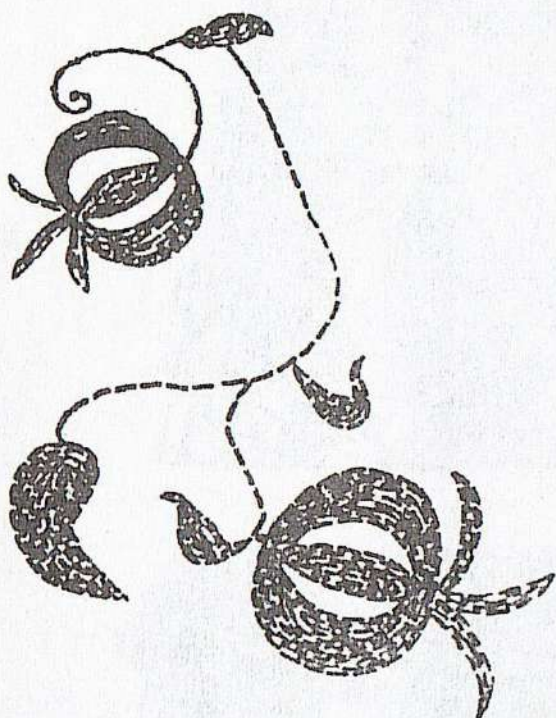

9

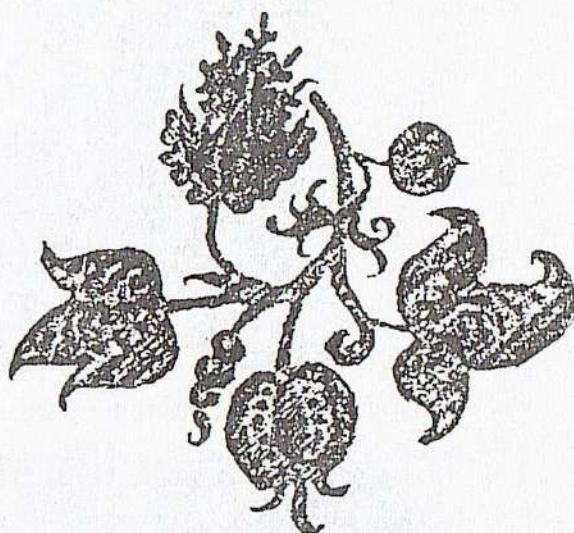

4. Фрагмент вышитого узора на концах полотенца. Армяне. Сирия. Урфа (Эдесса). XVIII – начало XX в. Хлопчатобумажные, золотные и шелковые нити, ручное ткачество, шитье (Патрик, 1985, рис. 128). Фото
5. Фрагмент вышитого узора на концах полотенца для рук “эль-без”. Армяне. Крым, южный берег. Вторая половина XIX в. Хлопчатобумажные, золотные и шелковые нити, пшечка, ручное ткачество, шитье. ГМВ, № 1237 III. Фото
6. Фрагмент вышитого узора на концах полотенца. Армяне. Турецкая Армения, район оз. Ван. XIX в. Хлопчатобумажные, золотные и шелковые нити, ручное ткачество, шитье (Давтян, 1972, ил. VII-4). Фото
7. Фрагмент вышитого узора на концах полотенца для лица “юзъ-без”. Крымские татары. Крым, южный берег. Вторая половина XIX в. Хлопчатобумажные, золотные и шелковые нити, пшечка, ручное ткачество, шитье. ГМВ, № 1232 III. Фото
8. Фрагмент тканого узора на концах полотенца “дувар-без”, служившего для украшения стен. Крымские татары. Крым, р-н Бахчисарая. Начало XX в., мастерица Балыхчиева. Хлопчатобумажные нити, ручное ткачество. ГМВ, № 1242 III. Рисунок
9. Вышитый узор на концах мужского пояса. Греки. Греция. XVIII–XIX вв. Хлопчатобумажные, золотные и шелковые нити, ручное ткачество, шитье (Gombos, 1982, il. 37). Фото

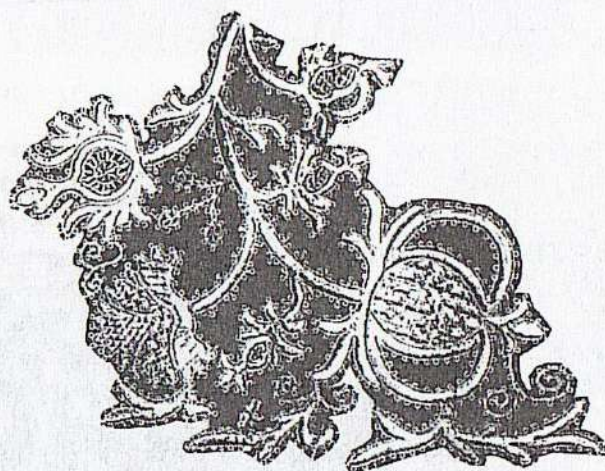
1

2

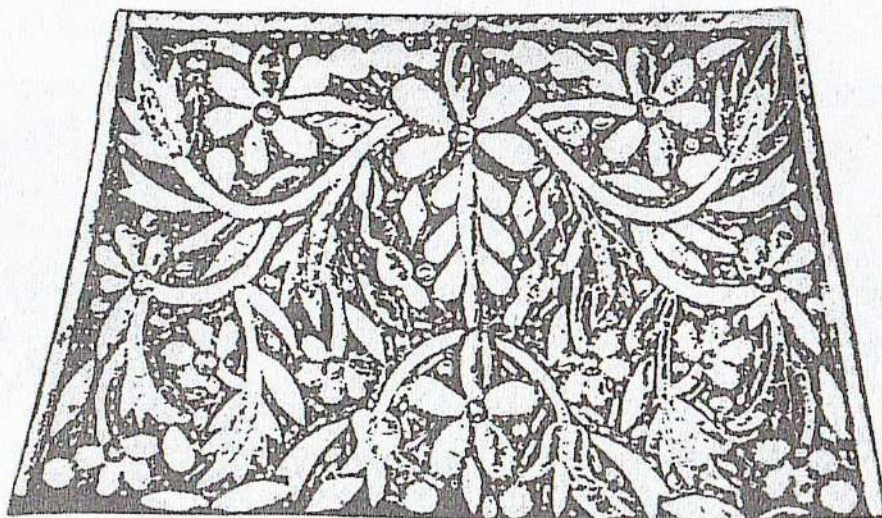

3

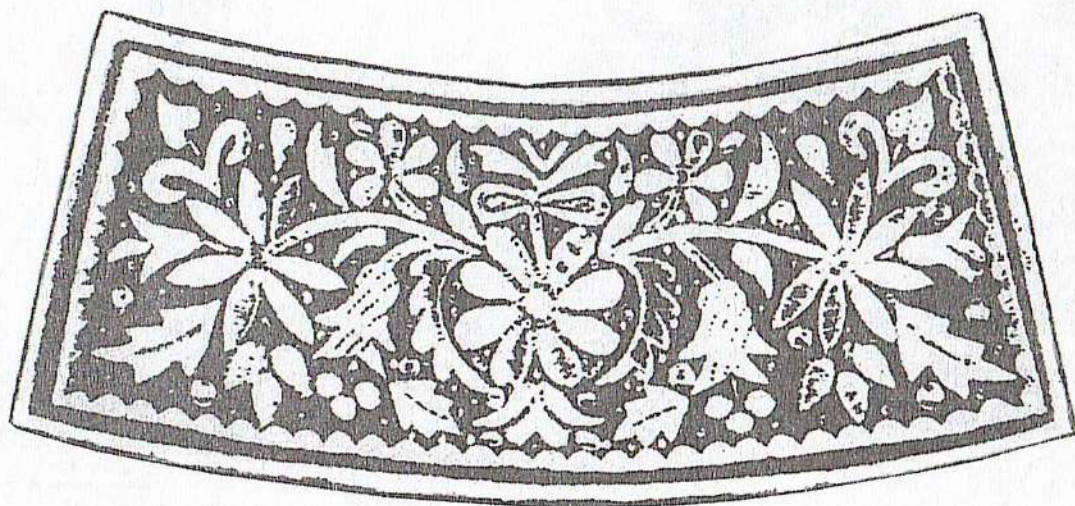

1. Фрагмент вышитого узора на концах полотенца для лица "юзь-без". Крымские татары. Крым, восточное побережье. Первая половина XIX в. Хлопчатобумажные, золотые и шелковые нити, плоская, ручное ткачество, шитье. ГМВ, № 2673 III. Рисунок
2. Фрагмент узора на ткани. Италия. Генуя. Вторая половина XVII в. Бархат (Маркова, Вишневская, обложка). Фото
3. Фрагмент узора шитья на женской одежде "епанечке". Русские. Россия. Вторая половина XVIII в. Бархат, золотые нити, шитье (Ефимова, Белогорская, 1985, ил. 40). Фото

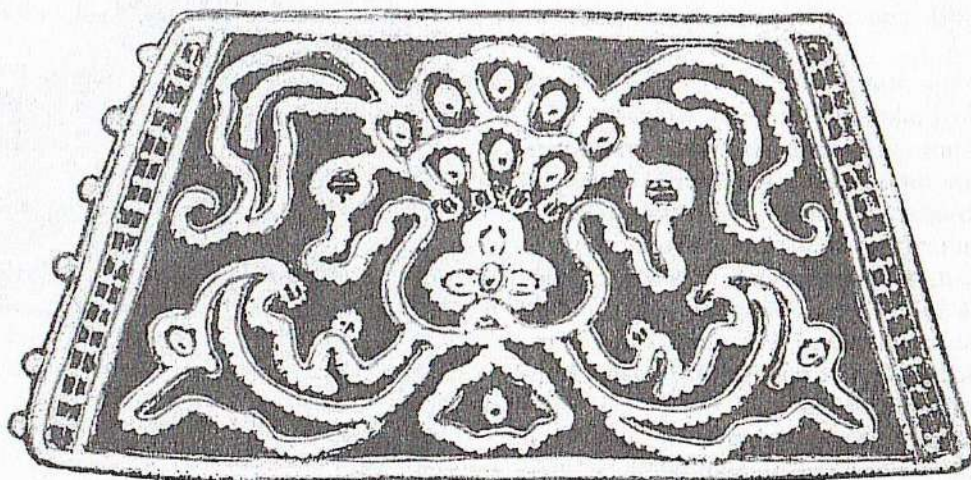
1

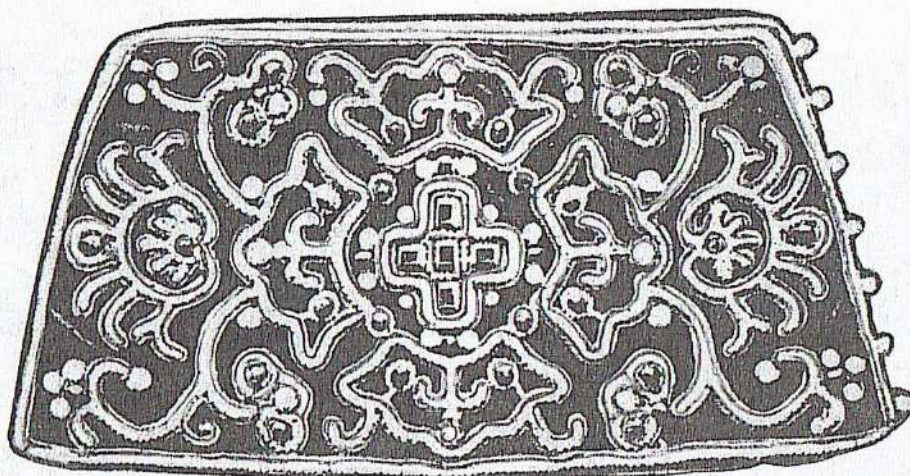
2

3

4

5

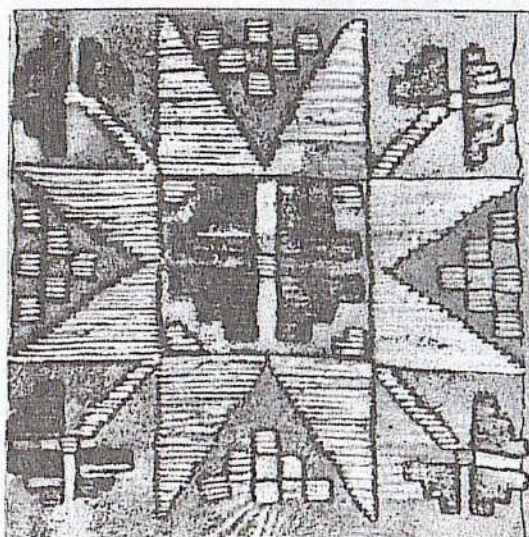

6

1. Обшлаг "къапакъ" женского платья "антер". Крымские татары. Крым, г. Бахчисарай. Конец XIX – начало XX в. Бархат, золотные нити, канитель, блески, дробницы, шитье "мыкълама". ГМВ, № 2918 III. Фото
2. Обшлаг "къапакъ" женского платья "антер". Крымские татары. Крым, г. Бахчисарай. Конец XIX – начало XX в. Бархат, золотные нити, канитель, блески, дробницы, шитье "мыкълама". ГМВ, № 2917 III. Фото
3. Поручи. Русские. Россия. Вторая половина XVII в. Бархат, золотные нити, жемчуг, дробницы, шитье (Манушина, 1983, ил. 61). Фото
4. Поручи. Русские. Россия. Вторая половина XVII в. Бархат, золотные нити, жемчуг, стекло, шитье (Манушина, 1983, ил. 63). Фото
5. Подвязка мужская свадебная "чораб-бау". Крымские татары. Крым, г. Бахчисарай. Конец XIX в. Бархат, золотные нити, шитье "мыкълама". ГМВ, № 3012 III. Фото
6. Подвязка мужская свадебная "чораб-бау". Крымские татары. Крым, г. Бахчисарай. Конец XIX в. Бархат, шнурок, канитель, блески, шитье "букме". ГМВ, № 3016 III. Фото

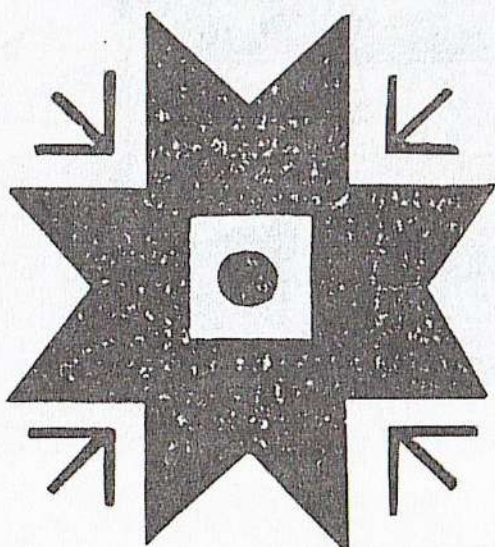
1

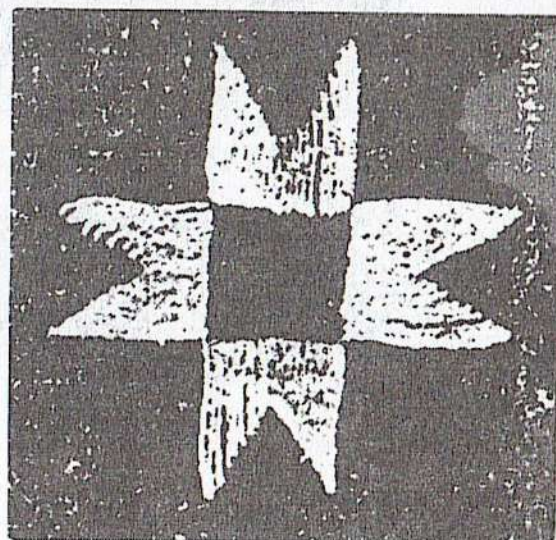
2

3

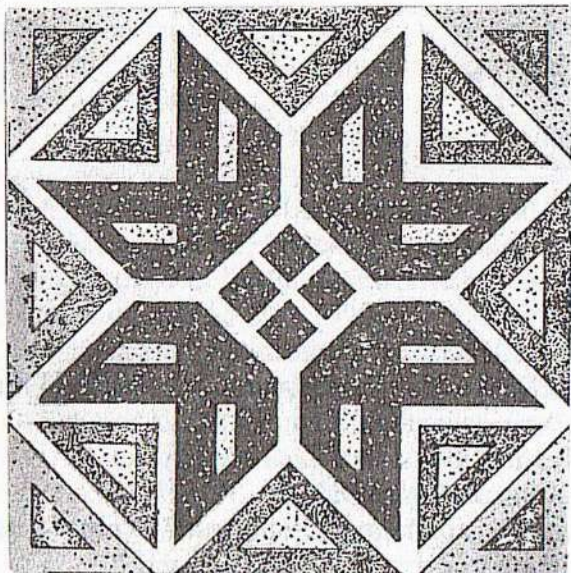

4

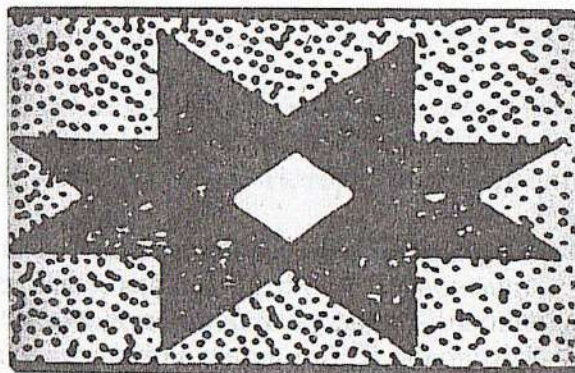

1. Зарисовка узора "звезда" с тканого образца. Крымские татары. Крым, г. Евпатория. 1930-е годы. Хлопчатобумажные нити, ручное ткачество. ГМВ, № 242 нв III. Фото
2. Узор "звезда" на салфетке. Армяне. Турецкая Армения, р-н Айнтап. Конец XIX – начало XX в. Хлопчатобумажные и шелковые нити, шитье "стягами" (Давтян, 1972, ил. CXVI-2). Фото
3. Узор "звезда" на женской рубаше. Болгары. Болгария, г. Самоков. XIX в. Хлопчатобумажные и шерстяные нити, ручное ткачество, шитье крестом (Митрева, 1982, 51). Рисунок
4. Узор "звезда" на полотенце. Русские. Россия. Смоленская губерния. Конец XIX в. Хлопчатобумажные и шерстяные нити, ручное ткачество, шитье гладью (Моисеенко, 1978, ил. 70). Фото

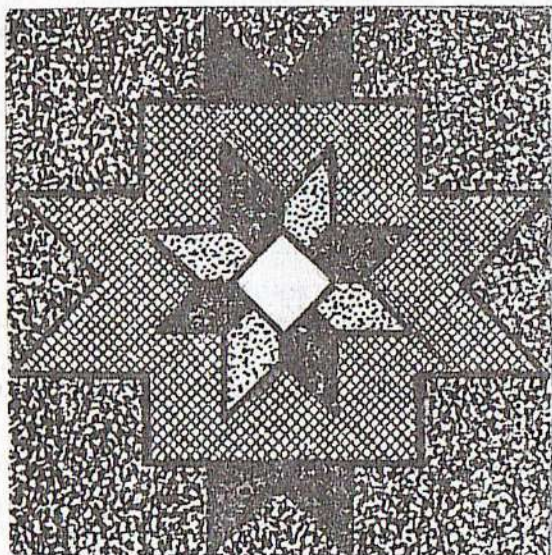
5

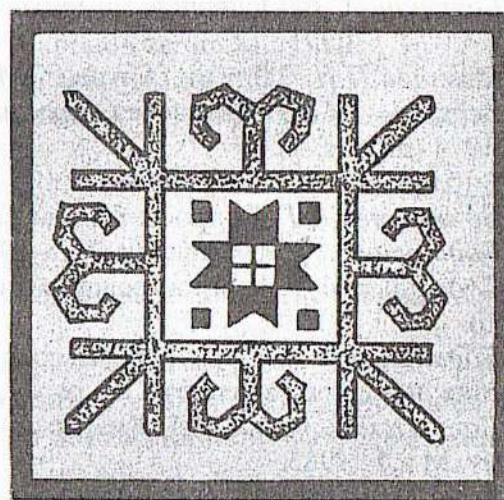
6

7

8

5. Узор "звезда" на паласе. Арабы. Узбекистан, область Карши. Начало XX в. Шерсть, ткачество (Мошкова, 1970, табл. XXX-10). Рисунок
6. Узор "звезда" на ковровых изделиях. Киргизия. Узбекистан. Ферганская долина. Первая половина XX в. Шерсть, ткачество (Мошкова, 1970, табл. XXIV-28). Рисунок
7. Узор "звезда" на ковре. Туркмены, племя "эрсари". Туркмения. Первая половина XX в. Шерсть, ткачество (Мошкова, 1970, табл. XCIII-7). Рисунок
8. Узор "звезда" на ковровых изделиях. Узбеки племени "туркман". Узбекистан, р-н Нурата. Начало XX в. Шерсть, ткачество (Мошкова, 1970, табл. XIII-13). Рисунок

Автор выражает благодарность Д.А. Жулиной и В.В. Кухтиной за помощь в подготовке иллюстративного материала.

На 1-й и 4-й сторонах обложки иллюстрации художника Х.Г.Х. Гейслера из кн.: Костюм народов..., 1990.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреевский А.А. Крым и крымские татары. Киев, 1883.
- Аристова Т.Ф. Материальная культура курдов XIX – первой половины XX в.: Проблема традиционно-культурной общности. М., 1990.
- Архипов А.П. Домашняя ногайская утварь // ГИ. 1850. Вып. 1.
- Афанасьева Л.А. Описание типов орнамента. Рукопись. Архив ЯМК.
- Ачкинази И.В. Погребальный обряд крымчаков // Сб. докладов конференции “Проблемы истории Крыма”. Симферополь, 1991.
- Барбаро Иосафат. Путешествие в Тану. Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971.
- Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков: Изд. 2-е. М., 1969.
- Бахрушин С.В. Полевая тетрадь. Архив МАЭ. 1925 г.
- Бахрушин С.В. Основные моменты истории Крымского ханства // История в школе. 1936. № 3.
- Бекетов П.Н. Записки. Архив РЭМ. Д. 30. Л. 2. 1906 г.
- Бернотене С.Ю. Литовская народная женская одежда конца XVIII – начала XX в. Вильнюс, 1974 (на лит. яз.).
- Библия. М., 1983.
- Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971.
- Боданинский У.А. Дневник 1925–1926 гг. Фонд БИАМ.
- Боданинский У.А. Производство из шерсти у крымских татар // Крым. М., 1928. Вып. 2. № 1(6).
- Боданинский У.А. Археологическое и этнографическое изучение татар в Крыму: Реконструкция народного хозяйства в Крыму. Симферополь, 1930.
- Бонч-Осмоловский Г.А. Крымские татары: Этнографический очерк // Путеводитель по Крыму. М.; Л., 1925.
- Бонч-Осмоловский Г.А. Брачные обряды татар горного Крыма // ИРГО. 1926. Т. 58, вып. 1.
- Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1988.
- Броневский В.Б. Обозрение Южного берега Тавриды в 1815 г. Тула, 1822.
- Брун В., Тильке М. История костюма: От древности до нового времени. М., 1996.
- Будагов Л.З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб., 1869. Т. 1.
- Булатов Е. Реван или торжественный обряд татар-ремесленников в Крыму // Очерки России, издаваемые В. Пассеком. М., 1840. Кн. 3.
- Вадзинская А. В гостях у татар: Очерк из быта крымских татар. М., 1914.
- Васильева Г.П. Головные и накосные украшения туркменок XIX – первой половины XX в. // Костюм народов Средней Азии. М., 1979.
- Военно-статистическое описание Таврической губернии / Сост. Герсеванов. 1849 г. ЦГВИА ВУА. Д. 19074.
- Возгрин В.Е. Исторические судьбы крымских татар. М., 1992.
- Волкова Н.Г., Джавахишвили Г.Н. Бытовая культура Грузии XIX–XX веков: традиции и инновации. М., 1982.
- Володин А.А. Трухменская степь и трухмены // СМОМПК. 1908. Вып. 38.

Волошин М.А. Культура, искусство, памятники Крыма // Забвению не подлежит: (Из истории крымско-татарской государственности и Крыма). Казань, 1992.

Воробьев Н.И. Материальная культура казанских татар: (Опыт этнографического исследования). Казань, 1930.

Гаген-Торн Н.И. Женская одежда народов Поволжья: (материалы к этногенезу). Чебоксары, 1980.

Гаджиева С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX в. М., 1976.

Гаджиева С.Ш. Одежда народов Дагестана XIX – начала XX в. М., 1981.

Гаджиева С.Ш. Дагестанские терекеменцы XIX – начала XX в.: Историко-этнографическое исследование. М., 1990.

Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ. СПб., 1799. Ч. 2.

Герман К. Описание Таврической губернии // Статистический журнал., 1808. Т. 2, ч. 1.

[Гермоген, еп]. Таврическая епархия: Записки. Псков, 1887.

Гинзбург М.Я. Декоративное творчество // Забвению не подлежит: (Из истории крымско-татарской государственности и Крыма).

Гордлевский В.А. Дервиши ахи Эврана и цехи в Турции. М.; Л., 1928.

Гордлевский В.А. Организация цехов у крымских татар в XVIII–XX вв. // Тр. кабинета истории материальной культуры / Моск. гос. ун-т. М., 1928. Т. 4.

Гордлевский В.А. Государство сельджукидов Малой Азии. М.; Л., 1941.

Горчакова Е. Воспоминания о Крыме. М., 1883. Ч. 1, 2.

Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950.

Грибова Л.С. Декоративно-прикладное искусство народов коми. М., 1980.

Давтян С.С. Армянская вышивка. Ереван, 1972 (на арм. яз.).

[Демидов А.Н.] Путешествие в южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 г. ... М., 1853.

Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе: Кавказ. СПб., 1871. Кн. 1.

Еремеев Д.Е. Юрюки: (турецкие кочевники и полукочевники). М., 1969.

Еремеев Д.Е. Этногенез турок: (происхождение и основные этапы этнической истории). М., 1974.

Еремеев Д.Е. На стыке Азии и Европы: Очерки о Турции и турках. М., 1980.

Ефимов А.В. Опыт реконструкции погребального обряда крымских татар конца XIX – начала XX в.: Район Судак и Бахчисарая / Пленарный докл. на конф. “Проблемы истории Крыма”. Симферополь, 1991 г.

Ефимов А.В. Опыт реконструкции погребального обряда крымских татар: (по материалам полевых этнографических исследований // МАИЭТ. 1993. Вып. 3.

Ефимова Л.В., Белогорская Р.М. Русская вышивка и кружево: Собрание Государственного исторического музея. М., 1985.

Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М., 1988.

Залеская В.Н., Крамаровский М.Г. Изображение человека в керамике Северного Причерноморья XII–XIV веков: (Временная выставка из фондов Херсонесского музея и Государственного Эрмитажа). Л., 1990.

Зеленин Д.К. О материальной культуре народов Крыма. Полевая тетрадь. 1924 г. Архив МАЭ.

Из путешествия францисканского монаха Рубруквиста, посланного в середине XIII в. королем Людовиком во Сартаку // Журнал для детей. СПб., 1861. № 8.

Изидинова С.Р. Современное состояние и проблемы изучения крымско-татарского языка // МАИЭТ. 1993. Вып. 3.

Историко-этнографический атлас Прибалтики: Одежда. Рига, 1986.

Каждан А.П. Византийская культура. М., 1968.

Кампенгаузен, фон. О Крыме // ЖНП. 1810. № 2.

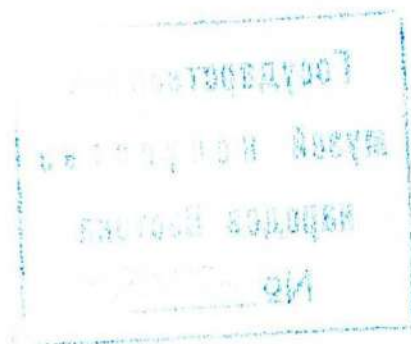
- Караимы // Иллюстрация. СПб., 1859. № 58.
- Каралезли Х. Старинный обычай татарского заручения и свадьбы в деревнях: Дереккой, Ай-Василь и Аутка Ялтинского района // Забвению не подлежит: (Из истории крымско-татарской государственности и Крыма).
- Карачаевцы: Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1978.
- Каталог коллекций отдела Европы МАЭ: Общие сведения о коллекциях отдела Европы и их собирателях // Памятники культуры народов Европы и Европейской части СССР / Сб. МАЭ. 1982. № 38.
- Клейн В. Иноземные ткани, бытовавшие в России до XVIII века, и их терминология. М., 1925.
- [Челеби Э.] Книга путешествия: О Крыме (1666–1667 гг.) / Пер. и коммент. Е.В. Бахревского. Симферополь, 1999.
- Кондараки В.Х. Универсальное описание Крыма. СПб., 1875. Ч. I–XVII.
- Костюм народов России в графике XVIII–XX веков из фондов Государственной центральной театральной библиотеки. М., 1990.
- Котова Е.Н. Вышитая одежда удмуртов XIX–XX вв.: Каталог коллекции ГМЭ народов СССР. Л., 1987.
- Корнис. Краткий обзор положения ногайских татар, водворенных в Мелитопольском уезде Таврической губернии // Телескоп. 1836. Ч. 33. № 9–12.
- Кузнецов И.В. Одежда армян Понта: Семиотика материальной культуры. М., 1995.
- Курылев В.П. Одежда азиатских турок // Традиционная культура народов Передней и Средней Азии / МАЭ. 1970. № 26.
- Курылев В.П. Хозяйство и материальная культура турецкого крестьянства. М., 1976.
- Куфтин Б.А. О материальной культуре татар: Южный берег. Полевая тетрадь. 1924 г. Архив МАЭ.
- Куфтин Б.А. Материальная культура русской Мещеры: Женская одежда // Тр. Государственного музея центральных промышленных областей. М., 1926. Ч. I, вып. 3.
- Куфтин Б.А. Одежда, обувь, утварь татар. Полевая тетрадь. 1928 г. Архив МАЭ.
- Куфтин Б.А. Южнобережные татары Крыма // Забвению не подлежит: (Из истории крымско-татарской государственности и Крыма).
- Лашков Ф.Ф. Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии. Симферополь, 1890.
- Лебедев А.К. Василий Васильевич Верещагин: Жизнь и творчество. М., 1958.
- Литвин Михалон. О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994.
- Лобачева Н.П. Из истории каракалпакского женского костюма: (К проблемам Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана) // СЭ. 1984. № 4.
- Лобачева Н.П. Каракалпакские головные накладки // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М., 1989.
- Лобачева Н.П. О некоторых чертах региональной общности в традиционном костюме народов Средней Азии и Казахстана // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М., 1989.
- Лобачева Н.П. К истории паранджи // ЭО. 1996. № 6.
- Лукьянец О.С., Калашиникова Н.М. Молдавские коллекции в собраниях Государственного музея этнографии. Кишинев, 1990.
- [Люк Ж., де]. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, менгрелов и грузин... 1625 г. // ЗООИД. 1879. Т. 11.
- Манушина Т.Н. Художественное шитье древней Руси в собрании Загорского музея. М., 1983.
- Маркова В.И., Вишневецкая И.И. Итальянские и французские ткани на Руси в XVI–XVIII столетиях. М., 1976.
- Мартынова М.Ю. Хорваты: Этническая история XVIII–XIX вв. М., 1988.
- Маруневич В.М. Некоторые особенности материальной культуры гагаузов Одесской области УССР // Культурно-бытовые процессы на юге Украины. М., 1979.

- Мартьянов В.М.* Мордовская народная вышивка. Саранск, 1991.
- Маслова Г.С.* Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978.
- Материалы по этнографии Крыма // ИТОИАЭ. 1927. Т. 1.
- Маясова Н.А.* Памятники греческого лицевого шитья в собраниях Государственных музеев Московского Кремля / Докл. М., 1991.
- Маясова Н.А.* Средневековое лицевое шитье: Византия. Балканы. Русь / Каталог выставки. М., 1991.
- Маясова Н.А., Вишневская И.И.* Русское художественное шитье XIV – начала XVIII века / Каталог выставки. М., 1989.
- Мешикерис В.А.* Женские чалмообразные головные уборы на кушанских статуэтках из Согда // Костюм народов Средней Азии. М., 1979.
- Миллер В.Ф.* Систематическое описание коллекций Дашковского этнографического музея: Крымские татары. М., 1887. Вып. 1.
- Моисеенко Е.Ю.* Русская вышивка XVII – начала XX века: Из собрания Государственного Эрмитажа. Л., 1978.
- Морозова А.С.* Традиционная народная одежда туркмен // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М., 1989.
- Мошкова В.Г.* Ковры народов Средней Азии конца XIX – начала XX века. Ташкент, 1970.
- Мукминова Р.Г.* Костюм народов Средней Азии по письменным источникам XVI в. // Костюм народов Средней Азии. М., 1979.
- Мыськов Е.П.* О некоторых типах головных уборов населения Золотой Орды // СА. 1995. № 2.
- Народы России: Энциклопедия. М., 1994.
- Нерваль Ж., де.* Путешествие на Восток. М., 1986.
- Никольский П.В.* Бахчисарай и его окрестности. Симферополь, 1927.
- [*Паллас П.С.*] Путешествие по разным провинциям Российского государства: Путешествие по Крыму 1793–1797 гг. // ЗООИД. 1891. Т. 12.
- Патрик А.Н.* Вышивка Урфы. Ереван, 1985.
- Пейсонель М.* Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750–1762 годах / В излож. Е.Д. Фелицина. Краснодар, 1927.
- [*Петухов.*] Описание ногайских татар Таврической губернии: Записки. ЦГВИА ВУА. Д. 19069. 1820 г.
- Писарчик А.К.* Материалы к истории одежды таджиков Нурата: Старинные женские платья и головные уборы // Костюм народов Средней Азии. М., 1979.
- Плетнева С.А.* Половецкие каменные изваяния // САИ. 1974. № Е 4–2.
- Полканов Ю.А.* Обряды и обычаи крымских караимов-тюрков: женитьба, рождение ребенка, похороны. Бахчисарай, 1994.
- Половцева Е.И.* Золотошвейное производство // Кустарная промышленность России: Женские промыслы. СПб., 1913. Т. 2.
- Полов А.Н.* Вторая учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии в Бахчисарай. Симферополь, 1888.
- Приезд в Бахчисарай: Увеселения и обычаи татарок // Очерки России, издаваемые В. Пассеком. М., 1840. Кн. 3.
- Пугаченкова Г.А.* Искусство Туркменистана. М., 1967.
- Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1987.
- Путинцева Т.А.* Следы ведут в пески Аравии. М., 1986.
- Равдоникас Т.Д.* Очерки по истории одежды населения Северо-Западного Кавказа (V в. до н.э. – конец XVII в.). Л., 1990.
- Радде Г.И.* Крымские татары // ВРГО. 1856. Кн. 6, ч. 18–19 (отд. отт.).
- Рикман Э.А.* Одежда народов Восточной Европы в раннем железном веке: Скифы, сарматы и гето-даки (середина I тысячелетия до н.э. – середина I тысячелетия н.э.) // Древняя одежда народов Восточной Европы: Материалы к историко-этнографическому атласу. М., 1986.

- Россия: Полное географическое описание нашего отечества: Новороссия и Крым / Настольная и дорожная книга под ред. В.П. Семенова-Тяньшанского. СПб., 1910. Т. 14.
- Руденко С.И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. М.; Л., 1955.
- Русский исторический костюм для сцены / Сост. Н. Гиляровская. М.; Л., 1945.
- Сазонова М.В. Женский костюм узбеков Хорезма // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М., 1989.
- Самарина Л.В. Цветовой образ этнической культуры: (Северный Кавказ и Дагестан) // Северный Кавказ: бытовые традиции в 20 в. М., 1996.
- Самойлович А.Н. Отчет. Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 513. 1916 г.
- Свиньин П.П. Картины России и быт разноплеменных ее народов. СПб., 1839. Ч. 1.
- Скальковский А.А. Статистические сведения о болгаро-русских славянских колониях в Мелитопольском и Днепровском уездах в 1866 году // Памятная книга Таврической губернии. Симферополь, 1867. Вып. 1.
- Соболев Н.Н. Очерки по истории украшения тканей. М.; Л., 1934.
- Сокровища курганов Адыгеи: Материалы Кавказской археологической экспедиции ГМИНВ 1981–1983 гг. / Каталог выставки. М., 1985.
- Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
- Спасская Е.Ю. Татарская вышивка Старо-Крымского района (По материалам А.М. Петровой) // Изв. восточного фак-та АГУ: Востоковедение. Баку, 1926. Т. 1.
- Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв. М., 1989.
- Сумароков П. Досуги Крымского судьи, или второе путешествие в Тавриду. СПб., 1803. Ч. 1; 1805. Ч. 2.
- Сухарева О.А. Опыт анализа покроев традиционной “туникообразной” среднеазиатской женской одежды в плане их истории и эволюции // Костюм народов Средней Азии. М., 1979.
- Сухарева О.А. История среднеазиатского костюма: Самарканд (2-я половина XIX – начало XX в.). М., 1982.
- Торчинская Э.Г., Кочетова Е.Б. Крымские татары: Каталог коллекций ГМЭ народов СССР. Л., 1989.
- Трофимов А.А. К вопросу о возникновении чувашской вышивки // СГРМ. М., 1976. № 11.
- Тунманн И.Э. Крымское ханство. Симферополь, 1991.
- Турецко-русский словарь. М., 1977.
- Фиельструп Ф.А. Степной Крым. Полевая тетрадь. 1923 г. Архив Б.Х. Кармышевой.
- Флобер Г. Путешествие на Восток: Путевые заметки. М., 1995.
- Хартахай Ф.Ф. Историческая судьба крымских татар // Вестник Европы. 1866. № 2, ч. 1; 1867. № 2, ч. 2.
- Чвырь Л.А. Уйгуры Восточного Туркестана и соседние народы в конце XIX – начале XX в.: Очерки историко-культурных связей. М., 1990.
- Чеглок А. Красавица Таврида. М., 1910.
- Чепурина П.Я. Орнаментное тканье крымских татар // ИТОИАЭ. 1929. Т. 3.
- Чепурина П.Я. Татарская вышивка // Искусство. 1935. № 2.
- Чепурина П.Я. Орнаментное шитье Крыма. М.; Л., 1938.
- Шерфединов Я. Звучит Кайтарма. Ташкент, 1979.
- Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры. М., 1987.
- Якобсон А.Л. Средневековый Крым: Очерки истории и истории материальной культуры. М.; Л., 1964.
- Mumreva P. Самоковская везба: Монографско изследване. Sofia, 1982 (на болг. яз.).
- Gombos K. Old oriental embroideries from the Rhodos to Bokhara. Budapest, 1982.
- Hansen H.H. The veil of Islam // Folk. Dansk etnografisk tidsskrift. 1983. Vol. 25.
- Jehab S. Rajab. Some towels and other Turkish embroideries // Arts of Asia. 1984. May–June. P. 83–86.
- Racinet A. The historical encyclopedia of costume. L., 1995.
- Walter Ch. Art and ritual of the Byzantine Church. L., 1982.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГУ	—	Азербайджанский государственный университет
БИАМ	—	Бахчисарайский историко-архитектурный музей
ВРГО	—	Вестник Русского географического общества (Санкт-Петербург)
ВУА	—	Военно-ученый архив
ГИ	—	Географические известия (Санкт-Петербург)
ГМВ	—	Государственный музей Востока
ГМИНВ	—	Государственный музей искусства народов Востока
ГМЭ	—	Государственный музей этнографии
ЖНП	—	Журнал новейших путешествий (Санкт-Петербург)
ЗООИД	—	Записки Одесского общества истории и древностей (Одесса)
ИРГО	—	Известия Русского географического общества (Москва; Ленинград)
ИТОИАЭ	—	Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии (Симферополь)
ККМ	—	Крымский краеведческий музей (Симферополь)
МАИЭТ	—	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (Симферополь)
МАЭ	—	Музей антропологии и этнографии (Санкт-Петербург)
МИА	—	Материалы и исследования по археологии
РВ	—	Русский вестник
РЭМ	—	Российский этнографический музей (Санкт-Петербург)
СА	—	Советская археология (Москва)
САИ	—	Свод археологических источников (Москва)
СГРМ	—	Сообщения Государственного Русского музея
СМОМПК	—	Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (Тифлис)
СЭ	—	Советская этнография (Москва)
ЦГВИА	—	Центральный Государственный военно-исторический архив
ЭО	—	Этнографическое обозрение (Москва)
ЯМК	—	Ялтинский музей краеведения

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I	
ПРОИЗВОДСТВА, СВЯЗАННЫЕ С КОСТЮМОМ	12
Организация ремесленного производства	12
Ткачество и выделка прочих материалов	13
Глава II	
КОСТЮМ КРЫМСКИХ ТАТАР КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XX в.	17
Комплекс мужского костюма	19
Горно-прибрежная группа	19
Степная группа	25
Комплекс женского костюма	28
Горно-прибрежная группа	28
Степная группа	36
Украшения	40
Амулеты	41
Глава III	
ОБРЯДОВАЯ ОДЕЖДА	47
Одежда служителей ислама	47
Атрибутика свадебного обряда	50
Атрибутика похоронного обряда	53
Атрибутика других обрядов и ритуалов	55
Глава IV	
ОРНАМЕНТИКА КОСТЮМА	58
Техника шитья	58
Орнаментальные композиции	62
Символика цвета	69
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	72
ТАБЛИЦЫ	77
ЛИТЕРАТУРА	98
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	103

ISBN 5-02-011818-4

Л. И. РОСЛАВЦЕВА

Одежда крымских татар

конца XVIII — начала XX в.

«НАУКА»